

МРАМОРНАЯ ЖЕНЩИНА

Портрет Бориса Климычева, автора этой книги, ушедшего от нас в 2013 году...

1. ДВА МЯЧИКА

Гэти Бэкфорд жила в Америке в малюсеньком посёлке в ста милях от города Филадельфия. И детство её прошло в постах и молениях, поскольку Джеймс Бэкфорд был местным священником. Днём она сидела, рядом с матерью за прялкой или за вязаньем шалей и тёплых жилетов, вечером мать учила её доить коров и коз, женщины вдыхали привычный запах навоза, степных трав и пыли, затем ужинали, молились, укладывались спать.

Не раз ночью Гэти слышала где-то за посёлком бешеный топот копыт, крики, стрельбу. И однажды ночью она выскользнула из своей кровати и, прижимаясь к плетню, добралась до поляны, служившей обитателям посёлка площадью. Там копошились люди в белых балахонах с прорезями для глаз. Они зажигали огромные деревянные кресты и при отблесках пламени надели неграм, стоявшим на скамье, рогожные мешки на головы и петли на шеи. Затем вышибли скамейку из под ног несчастных.

Гэти с рыданиями кинулась домой. И очень вовремя улеглась в свою постель, ибо в дом вошёл отец и сунул свёрнутый в трубку белый балахон за мучной ларь. Гэти забила дрожь. «Как? И отец был там? А как же его ежедневные обращения к Богу? Или у негров какой-то другой Бог?» Она знала только свой дом, радовалась, когда ей поручали крутить маслобойку. Когда ещё масло совсем не сбилось, то в зеленоватой жидкости плавали золотистые комочки, и было так приятно зачерпнуть и выпить кружку-другую пахтанья с золотыми комочками. Других радостей у неё почти и не было. Она была здоровой девочкой, которой нередко мечталось о какой-то иной жизни.

Дни шли, Гэти подрастала в пасторском доме, стоявшем на отшибе от прочих домов. Единственным парнем, которого она видела более или менее близко, был пастух Том Хаксли. Он был худ, оборван, и тело его было коричневым от ветров и пыли. У него были голубые глаза, рыжеватые волосы и тяжёлый подбородок. Гэти иногда спрашивала – не скучно ли ему одному в степи? Он только смеялся. Родители Тома погибли при переправе через реку, когда сломался мост. Тому было тогда четырнадцать, ему повезло, он зацепился за перила сломавшегося моста курткой. Потом его спасли какие-то негры, они растянули внизу между двумя лодками рыболовную сеть и крикнули Тому, чтобы прыгал. Они поймали

его в эту сеть, как огромную рыбу. С тех пор у него осталось тёплое чувство к неграм, которых многие другие американцы почему-то недолюбливали или даже ненавидели. В этих краях постоянно случались ожесточенные стычки вооруженных белых людей: одни – были за вызволение негров из рабства, другие – наоборот. Тому Хаксли было плевать на тех и на других, он был сирота, у него не было никакого имущества.

От родителей у Тома ничего не осталось кроме воспоминаний. Отец был мелким торговцем, но ему не повезло в одном штате, семья как раз переезжала в другой когда случилась эта катастрофа на мосту. Вся выручка за проданный дом и за мелочную лавку исчезли вместе с каретой, матерью и отцом в водах быстрой и глубокой реки. Вот остались воспоминания. Отец часто говорил, что нужно гордиться своей принадлежностью к англосаксам, завоевавшим большую часть мира. В подпитии отец нередко напевал: «Правь, Британия, морями!» Но что было Тому толку с этих всех завоёванных Британией морей?

Том немало поголодал после гибели родителей, пока один фермер не сжалился над ним и не нанял пасти овец за бесценок. Да ещё всё время ругался:

– Ты не умеешь сидеть на лошади, ты мне её угробишь. Смотри, потеряешь хоть одну овцу, задушу и закопаю в степи.

Чем старше становился Том, тем больше росло в нем стремление как-то изменить свою жизнь. В двадцать – мечта о переменах стала жгучей до боли.

Однажды Томас обратился к пастору:

– Тут дело такое – в Филадельфии на площади натянули шатёр. Цирк-шапито. Клоуны, чудеса всякие.

– Подлинные чудеса все у Господа! – отвечал пастор.

– Вот я и говорю, – не сдавался Том, – девчонка засохнет без развлечений, от весёлого смеха всегда польза здоровью.

– За билеты ты заплатишь сам, и поздно не задерживайтесь.

– Не волнуйтесь, вернёмся засветло, она ещё слишком молода, чтобы строить шуры-муры, ей, поди, и тринадцати нет.

– Иди и помни. Если что, будешь дрыгать ногами на виселице не хуже любого клоуна.

– Мне два раза повторять не надо! – сказал Том, – когда всю жизнь проводишь в степи с овцами, то становишься умнее любого философа.

Ближе к вечеру Томас надел единственный свой костюм горохового цвета, мать обрядила Гэти в новое платьице и кружевную шляпку, они дождались вечернего дилижанса и покатали за развлечениями.

У главного входа в цирк шипели огромные калильные фонари. Все стены округлого здания пестрели словом «Барнум».

Финеас-Тейлор Барнум был известный американский антрепренёр, имел собрание всевозможных редкостей. Показывал старую негритянку – мнимую кормилицу Вашингтона, демонстрировал морскую женщину-сирену, изображал охоту индейцев за буйволами. В его цирке можно было видеть и карликов, и великанов.

Ну, разумеется, он не ездил в провинцию. И каждый бродячий цирк спешил заявить о своем родстве с великим человеком. Вот и здесь владельцем цирка был якобы племянник Барнума. Филадельфийцы, разумеется, не могли знать сколько мнимых племянников, сыновей и дочерей великого Барнума кочует теперь по всей Америке, а также по европейским и азиатским городам и весям.

Да какая разница? Цирк есть цирк! Заняты места. Вот потихоньку затихает говор, шум. Последний чей-то взвизг:

– Снимите шляпу, мне не видно!

Гэти и Том – в первом ряду, им всё видно. Когда выбежали на арену львы, стало не на шутку страшно. Решетка, отделявшая барьер была невысокой. И, о, ужас! Укротитель сунул голову льву в пасть! Лев потом долго отплёвывался, очевидно, укротитель смазал прическу сапожной мазью, чтобы лев сдуру не вздумал откусить ему голову. Лев лениво почёсывался, дескать, не очень-то и хотелось кому-либо что-либо откусывать, Больно надо! В голове же – кость одна, никакого мяса.

– А ты, Том, ты смог бы так? – зашептала ковбою на ухо Гэти.

– Этого льва сперва накормили до отвала, вот он и брезгует, а то бы... Да ты не верь, тут больше глаза отводят.

Но Гэти заворожила сказка в железной клетке – хищники на задних лапах.

Было ещё много всего. Чудеса крутились калейдоскопом. И когда вышли на улицу на свежий вечерний воздух, Том подумал, что теперь начинается главное чудо. Два упругих мячика за пазухой у Гэти, это высшее чудо из чудес! Это – без подделки, правдишное. Ещё год, два назад этих шариков не было! И так приятно ощупывать, перекачивать эти шарики! А чёрные глаза с лукавыми искорками смеялись, и так было привлекательно её лицо – жгуче-чёрные глаза на фоне льняных волос, да нет, волосы были светлее льна и как бы сияли.

Подошли к остановке, Гэти шепнула:

– Не надо! Кто-нибудь увидит!

Значит, если никто не увидит, то она не против того, чтобы её щупали.

– Том! Я сегодня не усну! А как это у них получалось, что летали с качалки на качалку под самым куполом, а потом один, вроде промахнулся, сорвался, полетел вниз, до земли не долетел, спружинил и полетел обратно,

– Фокус! Обман зрения! Канат у него к поясу был привязан, но это не каждый мог разглядеть.

– Но как это?

– Нет, ты лучше скажи, я тебе нравлюсь?

– Нет, ты про прыгуна скажи.

– Я тебе вот что скажу. Я сам мог бы вытворять что-нибудь такое, если бы немножко подучиться. Что ты тут увидишь, в доме твоего отца? Он днём молится, а ночью с приятелями из Ку-клукс-клана¹ чертовщиной занимается! Года через два тебя выдадут замуж за такого же «святошу», может, в ещё более глухой посёлок. И ты будешь всю жизнь возиться в навозе. А я тебе предлагаю сбежать со мной в Европу. Ты увидишь Париж, другие города, сама станешь артисткой. Ты будешь танцевать, научишься крутить тарелки на тростинках. Ты красивая, тебе будут много хлопать, тебя станут рисовать на афишах. Ты получишь уроки пения и танца, станешь артисткой, тебя узнает мир! Я скоро возьму у своего скряги расчёт, ты потихоньку свяжи в узелок самое памятное. А всё, что тебе надо, купим на корабле.

– Боюсь.

– Думай. Это называется – шанс. Я ведь могу найти и другую. Чего бояться? Я перед тобой распахиваю весь мир. На первых порах я смогу в европейских цирках изображать самого себя. Я ведь – ковбой. Скакать на лошади и палить из кольта – тоже работа. Европейцам придется по нраву это зрелище. Я уже купил холостых патронов, забью в них побольше пороха, чтобы оглушительно было! И не бойся, поедем вроде на новые гастроли цирка. Я сумею так запутать следы, что господин пастор ничего не сможет узнать у своего Господа-Бога.

Том выполнил задуманное ровно чрез год. Как и предполагалось, они опять отпросились с Гэти в цирк, а покатали на дилижансе совсем в другое место.

На огромном корабле нельзя было не почувствовать всего величия Божьего мира. Хотя плыли они не наверху в отдельных каютах,

¹ Ку-клукс-клан – расистская организация в США, возникшая по окончании Гражданской войны на Юге после его поражения и отмены рабства.

как некоторые богатые люди, но из своего трюмного помещения часто поднимались на верхние палубы, где их глазам являлось великолепие океана. Бесконечная волнующаяся стихия!

Корабль был трехмачтовый. Паруса выгибали свои мощные груди, ветер свистел в снастях. Матросы окатывали палубу морской водой и терли веревочными швабрами. Пахло смолой, паклей и морскими брызгами. По вечерам иногда в океане было видно особенное свечение, мелькали стаи каких-то рыбешек. Свежий ветер овеивал юные лица. Это был ветер надежды.

Спускаясь в трюм, где были построены из толстого теса стеллажи с перегородками, они всё равно ощущали мощное дыхание океана. Волны глухо били в борт судна, и под эту музыку стихии они всё крепче прижимались друг к другу, и губы их невольно сливались в поцелуе. Именно ощущение грандиозности стихии в одну из ночей заставило Гэти сдать Тому свою маленькую крепость.

И снова, и снова они поднимались подышать солёным свежим ветром океана и каждую ночь, спускаясь в трюм, тонули в пучине юной страсти. «Я никогда не предполагала, что это может быть так приятно!» – думала Гэти. Ей уже было совершенно безразлично, что будет потом. Сейчас было так хорошо, что лучше некуда, чего же ещё желать?

Казалось, пути не будет конца, но всё чаще на горизонте показывались то скалистые, то равнинные берега, и, наконец, зазвучало в разных уголках корабля: «Марсель, Марсель!» Они вышли на палубу и увидели на берегу белый красивый город, толпу кораблей у причалов. Но их судно почему-то долго не подходило к берегу и только к вечеру причалило.

2. ЕЩЁ ОДИН «БАРНУМ»

Они сошли по сходням легко, так как при них не было ни чемодана, ни узелка.

У первого встречного мальчишки Том узнал, где в Марселе расположился цирк, и они отправились на окраину города. Каково же было удивление Тома, когда он увидел, что и здесь по фасаду круглого здания были вкривь и вкось разбросаны слова «Барнум!» «Барнум!» «Барнум!»

«Ещё один родственник великого Барнума!» – иронически подумал Том. Цирк был закрыт, к нему примыкал поезд из разноцветных кибиток. Том осведомился в одной из кибиток, где же находится господин директор цирка? Ему показали куда идти.

Директорский фургончик ничем не отличался от всех прочих. Том постучал, пригласили войти, правда, по-французски. Том и Гэти вошли внутрь походного жилища. Там на сундуке восседал седоусый старик в грязных кальсонах, а возле него на маленькой скамеечке примостилась старушка.

Том понимал, что только на арене артисты цирка сверкают фальшивыми брильянтами и золотыми галунами, и потому очень красивы, а в быту могут быть одеты как этот старикан.

– Кто такие? – спросил старик по-французски. Но Том его понял и сказал:

– Мы только что прибыли на корабле из Америки, хотим устроиться на работу в ваш цирк. Правда, французским мы владеем не очень, я лично могу говорить только «мерси¹» и «о`ревуар²»!

– Ясно! – гаркнул старикашка, – ваше счастье, что я объехал почти весь свет, и говорю на всех языках мира. Теперь скажите, какого чёрта вы сбежали из Нового света, из земли обетованной, где, говорят, текут молочные реки в кисельных берегах? А если вы там работали в цирке, так, значит, натворили что-то такое, что вам пришлось бежать? Может, мне послать кого-нибудь за полицией?

– Насчёт кисельных берегов кто-то немножко преувеличил, рассказывая вам об этой стране. Берега в Америке везде земляные и каменные, а хлеб приходится зарабатывать трудом. В той стране я был пастухом, вам не надо объяснять, что это такое. Я всегда имел при себе кольт, чтобы отстреливаться от волков. Да и вообще, в наших краях часто стреляют. Идёт война между теми, кто за белых и кто за чёрных. Мне плевать на тех и на других. Я сам по себе.

Сестрёнка Гэти работала у соседей на ферме. Плохие люди, почти ничего не платили ни ей, ни мне. Мы решили повидать мир. Я бы мог для начала устраивать в манеже ковбойскую скачку со стрельбой. А потом я может научусь ходить по канату. Или ещё какой-нибудь штуке выучусь.

– Хо-хо, – вздохнул старик, – ковбойский номер! У тебя же нет лошади – раз, ты не цирковой – два.

– Что значит – не цирковой? – воскликнул обидевшийся Том, – был не цирковой, стану цирковым, черт меня побери!

– Не станешь, – сказал старик, – смотри!

1 *Мерси* (франц. *merci*) – спасибо, благодарю.

2 *О`ревуар* (франц. *au revoir*) – до свидания

Он вскочил с топчана, коснулся рукой пола и вдруг сделал стойку на одной руке, ноги в рваных и грязных кальсонах были, как по линеечке вытянуты вверх.

– В такой стойке я могу стоять на лошади, когда она во весь опор скачет по манежу. Я могу работать на трапеции, на шесте, могу крутить сальто, могу жонглировать, работать с хищниками, да мало ли что я могу? Ты скакал по степи куда хотел. А здесь манеж – круг ровно тринадцать метров, ни больше, ни меньше. И на этом пятачке надо не только бешено гнать лошадь, но и выделявать на ней головокружительные трюки. Таким вещам начинают учить лет с трёх! Мне с трёх лет стали гнуть кости так, что не понять, где голова и где ноги. А ты пас до двадцати лет баранов, и теперь решил стать цирковым? Не получится. Девчонку, так и быть, возьмём в учебу, Личико смазливое, билеты будет продавать. А там, глядишь, станем учить помаленьку акробатике, как полагается, для развития тела. Потом в какой-нибудь номер включим. Ты же себе поищи работёнку в порту. Там иногда требуются грузчики.

– Нет. Если вы меня не берёте, то девчонку я и подавно вам не отдам. А тринадцать метров – это же дьявольское число. Можно было сделать круг для выступлений сорок или пятьдесят метров, то-то были бы скачки!

– Вот и видно, что ты ничего не смыслишь в цирковом деле. Во всех цирках мира манеж всегда – тринадцать метров! И это идёт ещё из древности. Такой диаметр позволяет легче делать конные трюки, которые есть в любом цирке. Лошадь, скакая во весь опор по такому кругу, так наклоняется внутрь манежа, что наездник, стоя на её седле, легко может соскочить с неё, а потом также легко вскочить обратно и сделать много чего ещё. Это – раз, второе – вся наша техника и все номера рассчитаны на этот манеж. В течение двух часов на новом месте мы натягиваем шатёр, воздвигаем воронку сидений для зрителей, натягиваем нужные нам в работе тросы и канаты. Понял? Всегда – тринадцать! Это знает каждый циркач. Так что девчонку твою мы чему-нибудь поучим, а ты будешь работать грузчиком или же заменишь ушедшего от нас конюха.

– О`ревуар, мистер-синьор! – сердито сказал Том. – Оставайся ты при своих тринадцати метрах! Мне, ковбою, быть грузчиком, конюхом?

– Стой! Не горячись, – отозвался цирковой дед, – вечерний Марсель – это тебе не прерия со стаей волков, это, брат, куда как хуже! А темнеет у нас быстро, как в театре.

Том распахнул куртку, показал кольт за поясом, похлопал по карманам куртки:

– Тут денег ни гроша, зато полно заряженных патронов.

– Тем более, есть тебе резон заночевать у нас со старухой, я как раз для очередного номера должен набить патроны порохом, а ты-то, видать, большой мастер этого дела. Вот и поможешь, а потом мы вас покормим чем Бог послал.

– Так вы сами готовите номер стрельбы со скачкой на лошади?

– Нет, парень, я своё отскакал. Я работаю сейчас в манеже с двумя собаками и стаей голубей. Этот номер называется «Сон охотника». Я держу голубей в вольере и когда наступает время кормёжки, стреляю из двустволки и даю им поклевать зерно, которое насыпаю в ложбину между стволами ружья. Я приучил их совсем не пугаться выстрела. Там же вольере, только за перегородкой, у меня сидят две охотничьи собаки. Во время репетиции я ввожу их вольер к голубям и приучаю под выстрелами смирно стоять у моих ног. Они знают, что нельзя кидаться на голубей, когда те садятся на моё ружье, и стоят, прижимаясь моим ногам, как приклеенные.

И вот – представление! Я в костюме охотника и в шляпе с пером, выхожу на манеж, у моих ног две собаки, я достаю из сумки патроны и заряжаю двустволку. Моя жёнушка Матильда говорит, мол, ни за что не попадёшь ни в одну птичку, ты уже давно слепой, и всё такое. А голуби сидят на искусственных деревьях, все птицы разного цвета и разной породы.

Я поднимаю ружье, прицеливаюсь, раздаётся оглушительный выстрел, потому что и порох, и пыжи у меня – особенные. Над манежем плывут кольца дыма. А голуби хлопают крыльями, они садятся на ствол моего ружья, на мои плечи, и даже на мою шляпу с пером. Иногда приходится выстрелить три или четыре раза за одно представление, потому что они не все сразу летят ко мне. Но вот они покормились за счёт моего ружья, музыка играет туш, я удаляюсь со своей старухой и голубями с манежа, но меня вновь и вновь вызывают на поклоны. Выбегая в последний раз, я делаю сальто, и это приводит публику в неописуемый раж. Оказывается, лысый, седобородый дедушка-охотник и такое может выделять! А шпрыхсталмейстер, то есть объявляющий номера, ещё подливает масла в огонь. Он объявляет, мол, дедушке-охотнику вчера исполнилось восемьдесят четыре года. Вообще-то мне пока что всего лишь семьдесят один. Но это же цирк, чёрт меня возьми! Люди платят свои денежки за чудеса и они эти чудеса получают!

– Ну, ясное дело, что тут и ловкость нужна и смелость. Да мне-то этого всего не занимать, – сказал Том старику Анри, – зря

вы в меня не верите. Примите ещё в расчет то, что я ни за какие коврижки не оставлю здесь сестренку одну. Так что, если ей дадите работу, так и мне какое-никакое дело давайте! И, кстати, почему на вашем балагане и на ваших кибитках начертано: «Барнум!» «Барнум!» «Барнум!» Вы что, знакомы с этим великим американцем, может, вы его родственник?

– Строго говоря, – отвечал старик Анри, – все люди на земле родственники. Только есть родичи ближние, а есть дальние. Ладно, вот хлеб, вот молоко, ужинайте, сейчас старуха нам постелит кошму и будем спать. Спать на кошме – милое дело, на кошму ни змея не заползёт, ни ядовитый паук.

3. КОРОЛЕВСКАЯ КОНЮШНЯ

Томми, скрепя сердце, согласился побыть в цирке конюхом. Жить он будет у директора в вагончике, в его обязанность входит чистка директорского ружья и набивка патронов для каждого нового директорского номера с голубями. Ну, это – куда ни шло, но очень неприятно убирать кучи навоза, чистить стойла. Том подумывал прикопить немножко денег, бросить всё это дело и податься куда-нибудь поближе к лесам и травам, и завести там, пусть небольшое, но хозяйство. Но, когда он увидел первое представление конной группы Фернандо Ферри, решил задержаться в цирке. В глубине, чуть повыше желудка, у Тома возник некий чёртик, подзуживавший: «А чем ты хуже их?»

Выпуклые глаза Фернандо сияли весельем и самоуверенностью. На нём был короткий малиновый плащ, украшенная золотым шнурами куртка, брюки с золотыми кантами и высокие старинные сапоги.

С двух сторон главного выхода на арену стоял почётный эскорт, возле каждой стены – по четыре человека. В одной из четверок стоял и Том. Конечно, куртка на нем была попроще, чем у великого Фернандо, но на ней тоже золотились галуны и сверкали стекляшки, притворявшиеся бриллиантами. Впереди эскорта, также с обеих сторон прохода, стояли пожарные в сияющих медных касках и с брандспойтами в руках, пожарные были наготове и в других проходах. Томми уже слышал, что каждого, кто устроит, пусть и по неосторожности, пожар в цирке, директор пристрелит самолично безо всякого суда и следствия.

В настоящий момент директор цирка старикашка Анри Дебусир исполнял обязанности шпрыхталмейстера. Напудренный,

напомаженный и одетый в роскошную ливрею, прошёл он между шеренг эскорта к центру арены и зычно объявил:

– Единственная в мире! Только сегодня! Королевская конюшня!
Руководит – главный королевский конюший Фернандо Ферри!

Оркестр заиграл весёлую польку Иоганна Штрауса, и под эти звуки Фернандо Ферри вывел на манеж удивительную лошадку. Это была пегая кобылка среднего роста, она, повинаясь жестам Фернандо, как бы танцевала польку. Но что это была за лошадка! У неё была роскошная грива, закрывавшая передние ноги.

Фернандо вынул из кармана огромный гребень:

– А вот, мы сейчас причешем нашу девочку!

Оркестр смолк. Свет фонарей померк. Королевский конюший провёл гребнем по неправдоподобно длинной гриве необычной лошади, послышался треск, и в полутьме посыпались на ковёр синие искры.

Снова вспыхнул свет, заиграл оркестр, Фернандо и лошадка кланялись, причём, было видно, что копыта четвероногой артистки отлично накрашены лаком.

Удалившись вместе с отработавшей номер лошадкой, под гром аплодисментов с манежа, Фернандо тотчас появился на арене, оглушительно щёлкая шамберьером¹, и несколько всадников тотчас вылетели из главного выхода на манеж и стремительно помчались по кругу. Чего только они не выделявали! На полном скаку спрыгивали с лошадей, затем запрыгивали на них. Вот, стоя на крупе одной из лошадей, всадник поднял второго себе на плечи, и вот уже верхний стоит головой на голове партнёра, это кажется невероятным! Как он удерживает равновесие? Шамберьер оглушительно стреляет, Фернандо кричит:

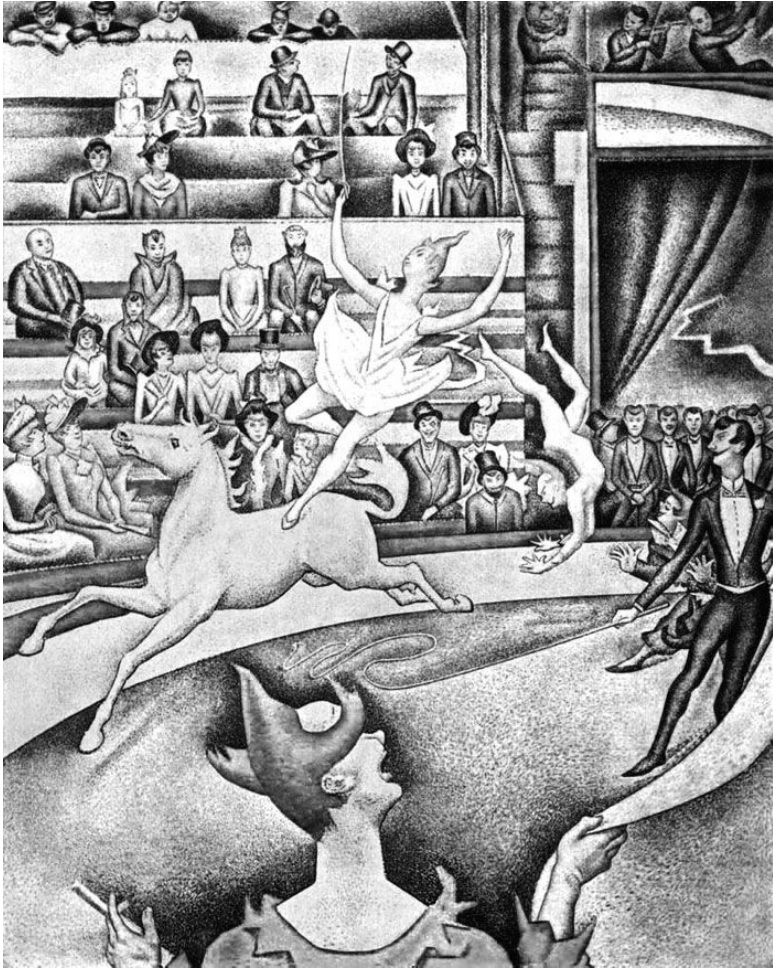
– Ап! – И на одной из лошадей, взявшись за руки, скачут сразу трое циркачей.

Потом по сигналу Ферри, вся колонна уносится с манежа. Щелчки кнута, бешенный бег, возгласы Фернандо, мельканье, огней, блёсток. Вихрь, восторг, вопли и аплодисменты публики.

Томми сжал зубы так, что заходили желваки. Нет, он не уйдет из цирка, он будет скакать, как эти наездники, он будет делать сальто. Он не даст себе ни минуты отдыха. Он подглядит все приёмы, добьется. А пока... Пусть лопата, навоз, тачка. Пусть год, два, пусть даже десять. Добьется.

Вечером Том зашёл в стойло, где стояла пышногривая кобылка. Фернандо как раз обходил своих лошадей. Он и просветил Тома.

¹ Шамберьер – длинный хлыст, применяемый дрессировщиками лошадей в цирке и на манеже

«Цирк» - картина Сёра Жорж-Пьера, 1890-1891 г.г.

Гриву кобылке удлиняют за счёт волос, отрезанных у других коней. В цирк приходит для этой цели профессионал-парикмахер. Гриву удлиняют, подкрашивают. И необыкновенная кобылка готова к выступлению.

Вечером Том спросил старого Анри, не возьмёт ли Фернандо его к себе в ученики.

– Даже и не думай. Это невозможно. Со мной работают прославленные мастера. Ложись лучше спать. Да пораньше вставай

и получше убрый в конюшнях и в проходах. В моих конюшнях должно быть чище, чем во дворцах всех Людовиков вместе взятых! Понял, америкашка? Ты – во Франции! Это тебе не прерия! – расхотелся владелец цирка.

Время Тома распределялось между ночлегом в директорском вагончике и работой в конюшне. Гэти он теперь почти не видел, она жила в какой-то каморке с мадемуазель Жоли. По крайней мере, так рекомендовали эту женщину афиши. Но, несмотря на толстый слой краски на лице, хотелось называть её не мадемуазель, а мадам.

Томми в свободное время пытался сделать стойку на руках, ничего не получалось.

Если манеж был пуст, Томми бежал к канатам, свисавшим как бы с самого неба, сейчас он взберётся, пусть не на всю высоту, а так, немного. Метра четыре ему удавалось одолеть, но потом приходилось спускаться, и канат обжигал ладони. Да, не зря эти цирковые легко выделывают всякие штуки. На них посмотришь и сразу поймёшь – цирковой. Мощные торсы и шеи, развёрнутые плечи, руки наотлёт от туловища, прижать их к бокам мешает развитая мускулатура. Да, это достигается часами репетиций с самого раннего детства, чудовищными нагрузками. Это-то он понимает. Но как ему добиться в этом особенном мире успеха?

Иногда он подглядывал, как мадемуазель обучает всяким штукам Гэти.

– Ап-ля! – восклицала мадемуазель Жоли, – перевернись через мою руку, толчок! Голову запрокинуть. Переворот! Теперь без моей руки. Сальто – это самое простое. Сделай теперь комплимент, вот так!

Мадемуазель раскинула руки, склонила голову, отступая, полуприсела, улыбаясь.

– Вот так! Комплимент публике – это очень важно. Вы сделали трудный номер, вам хочется плакать, вам больно, но публика не должна об этом догадываться. Комплимент! Когда ты выучишь акробатику, танцы, я введу тебя в свой номер – мы будем партнёрами акробатами. Этому тебе тоже придётся очень долго учиться.

«Зубы у мадам, как у лошади» – подумал Томми. Эта мадам не отпускает от себя Гэти ни днем, ни ночью, он даже не может взять свою подругу за руку. Говорят, что мадемуазель Жоли будет преподавать Гэти всё свое мастерство, потому что сама она скоро уже не сможет выступать.

Томми вздохнул. Сальто, комплимент, танцы. Гэти – красива, она сейчас как-то по-особенному расцвела. Они её, конечно, научат всему. Месяцев через шесть, как сказал директор Анри Дебуссир,

её номер включают в цирковую программу. И вдруг Томми рассмеялся. Через шесть месяцев? Через шесть месяцев в чреве Гэти посеянное Томом семечко превратится в изрядный арбуз! Але-ап! Сальто-мортале! Улыбочка! Комплимент публике. Танцы до упаду! Что же это будет? Выгонят их обоих? Зря потерянное время? Но прижилось ли семечко? Они были близки шесть раз. Кто знает, достаточно ли этого, чтобы Гэти понесла? Да ведь ей шестнадцать будет только через полгода. Может, ничего и не случится? Да ведь некоторые супруги по десять лет живут, а дети у них так и не появляются. Ладно. Пусть будет, что будет, надо идти работать. Он везунчик, однажды Господь уже спас его по время крушения на мосту. Может, и теперь всё обойдётся. Ладно, двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Вскоре он уже катил по проходу тачку с песком, нужно было навозить его целую гору. В проходе его нагнали могучие парни, которые в афише значились, как «Геркулесы: 6-Дондо-6». Они несли огромные гири. Один из них стукнул гирей по тачке, она опрокинулась, песок весь высыпался, а Том чуть не сломал руку. В ярости Том кинулся на обидчика, но старший силач, поймал его за воротник, приподнял и рассмеялся в лицо:

– Ты парень сильный! Но мы-то – Геркулесы. Посмотри на нашего младшего, ему всего десять лет, а он уже себе «рычаги» накачал добрые. Его как-то на новогодний бал пригласили дамы благотворительницы. На площади были танцы. Ну, наш Артур и пригласил девочку на танец. Под костюмом мышцы не видать, мальчишки подумали, что это просто толстый мальчик. Один из сорванцов хлестнул Артура прутиком по заду. И что же? Артур учтиво протанцевал весь танец до конца, отвёл свою маленькую даму на место, поклонился. Потом подошёл к парнишке-обидчику, да так двинул его кулаком в челюсть, что тот рухнул, как подрубленный. Скандал. Мальчик-то был сыном важных родителей. Но, слава Богу, врачи сумели привести его в чувство и вправили челюсть. А нам пришлось заплатить за лечение и принести свои извинения. Ну, а над новичками в цирке все подшучивают, так что, ты уж не обижайся.

Том понял, что лучше в этом случае сделать вид, что он и не обижается. Он сказал:

– Да вы свободно играете такими гирями, которые простому человеку и не поднять. Это поразительно.

– Ты видел наш номер? – спросил его старший Дондо.

– Видел и восхищался, ведь вы перебрасываетесь огромными гирями, потом самую большую гирю ставите на барьер и пред-

лагаете зрителям поднять её хотя бы вдвоем или даже втроем и обещаете приз в тысячу франков. И я видел, что из публики выходили здоровенные мужики, но ни вдвоем, ни втроем не смогли её поднять. У вас удивительная сила!

– Хорошо! – сказал старший Дондо, – оставь пока свою тачку и песок, идём с нами на манеж, мы будем там репетировать и покажем тебе кое-что.

Там Геркулесы Дондо кидали друг другу тяжеленные гири, старший связывал три гири и поднимал их до уровня плеча.

Потом он взял самую огромную гирю, поставил на барьер и спросил Тома:

– Догадайся, почему никто из публики не может поднять гирю!

– Потому что не находится такого силача, как вы!

– Ошибаешься, среди публики иногда попадаются очень сильные люди. К тому же гиря внутри пустотелая.

– Пустотелая? Вот это да! Тогда в чем же дело?

– Ты обратил внимание, что я ставлю гирю всегда на одно и тоже место на барьере? Нет. Дело в том, что там под обшивкой спрятана чугунная тумба с косым вырезом наверху, в днище гири тоже есть косой вырез, только противоположный тому, который – в тумбе. Когда я ставлю гирю, я её рывком поворачиваю, один вырез входит в другой, и тумба удерживает гирю мёртвой хваткой.

Том разочаровался:

– Значит, гири у вас пустотелые!

– Конечно, но зато их вид ошеломляет зрителей. Но всё же они не картонные, подними-ка хоть одну.

Том схватил гирю, рванул, но поднял только до колена, тотчас бросив её на манеж.

– Она пустотелая, но всё равно в ней два пуда, – пояснил Дондо.

– А так по её размеру в ней веса было бы в два раза больше.

– Значит, обман, – омрачился Том.

– Это цирк! – ответил старший Дондо. – Если бы мы перекидывались обыкновенными двухпудовками, это тоже было бы громко, но в цирке всё должно быть оглушительно. Тут всё должно сверкать и пениться, оглушать зрителя незабываемыми впечатлениями... Да, а если ты вздумаешь кому-нибудь открыть наш секрет, то сначала вспомни какие большие у нас кулаки. Мы слышали, что ты мечтаешь стать циркачом, потому и подсказали тебе, как надо придумывать номера.

– Я понял, а пока мне надо возить песок, не то меня выгонят отсюда ещё до того, как я придумаю свой номер...

В этот вечер он долго не мог уснуть. Гэти была близко, но до неё нельзя было даже дотронуться. В этом цирковом мире, говорившем на десятках наречий, все друг за другом подглядывали, один завидовал славе другого и всегда был готов устроить какую-нибудь каверзу особо успешному артисту. Правда, были тут и дружные парни, вроде этих Дондо, и хорошие подруги танцовки, метательницы кинжалов, наездницы и акробатки. В этом малом мире было всё, как в большом. Было тут много благородного и подлого, прекрасного и ужасного. И хотелось Тому придумать такое, чтобы все ахнули и признали его своим человеком, то есть, артистом. Он добьётся, ведь он – англосакс, а отец говорил, что они – самые упорные люди на свете, и потому, несомненно, в конце концов, будут командовать всем миром. «Правь, Британия, морями!»

Где-то неподалеку фыркали лошади, шумно вздыхали слоны, кто-то из оркестрантов, очевидно, разучивал новую мелодию, всё гонял, и гонял в душном летнем воздухе одну и ту же музыкальную фразу.

4. ВСЕМИРНЫЙ МАГ АЛИ БУРХАН

Он появился однажды вечером в вагончике Анри Дебуссира, когда и директор, и его жена, и Том уже собирались ложиться спать. Незнакомец был в чалме, в позолоченном халате и красных туфлях, носки которых загибались чуть не на полметра вверх. Он щёлкнул пальцами, и в его руке из ничего сам собой вдруг возник букет роз. Незнакомец подал розы мадам Дебуссир, она была озадачена, потому что бутоны роз то и дело меняли свой цвет. Сам Дебуссир ничуть не удивился:

– Я понимаю, что вы фокусник, мсье. Если вы желаете заключить со мной контракт и выступать в моём цирке, то я хотел бы знать, что можете вы делать ещё, кроме букетов роз.

– Я великий всемирный маг Али Бурхан и умею делать абсолютно всё, потому что я не фокусник, как вы изволили выразиться, а волшебник.

У Али Бурхана было приятное свежее лицо, широко поставленные чёрные глаза, ослепительно белые зубы, его длинные холёные пальцы были унизаны перстнями с дорогими камнями, и на первый взгляд ему можно было дать лет тридцать.

Али Бурхан распахнул халат, вытащил из ножен шпагу, запрокинул голову и погрузил острое лезвие себе в рот, он изобразил

глазами ужас и вогнал шпагу в свое нутро по самую рукоять.

Том смотрел на всё это заворожено, а старикашка Анри Дебуссир заметил скептически:

– Ну, глотать шпаги могут очень многие фокусники.

Маг подмигнул директору левым глазом и погрузил в себя и саму рукоять. Затем пришелец подмигнул уже правым глазом. Он стал извлекать из себя не шпагу, как ожидали обитатели вагончика, а змею. Она была скользкая, чёрная, она извивалась в холёных руках Али Бурхана, её головка с покрытыми мутной слюдой глазами приближалась к телу старика Анри. Изо рта змеи было высунуто раздвоенное жало, оно виляло из стороны в сторону.

Анри невольно отшатнулся.

– Не извольте беспокоиться! – сказал медовым голосом Али Бурхан, – змеиное жало, это её язык, это её разведка, а жалит она зубами, именно в зубах у неё таится яд. Но мы её сейчас угомоним.

С этими словами он покрутил змею меж ладоней, как женщины крутят веретено. Змея вмиг уменьшилась до размера курительной трубки, и чародей сунул её себе в карман халата.

– А где же ваша шпага? – не удержался от вопроса Том.

Али Бурхан отвернул полу халата и показал, что шпага находится в ножнах.

Анри Дебуссир, как будто ничего не случилось, сказал:

– Вы пришли за контрактом, давайте составим его, я подпишу. Не скрою, я заинтересован, чтобы вы проработали у нас как можно дольше.

– В контракт, помимо суммы оплаты в зависимости от сборов, должно быть внесено ещё одно условие, – заявил Али Бурхан.

– Какое же именно?

– Я видел, как репетировала мадемуазель Жоли с девочкой по имени Гэти. Они достаточно гибки и примерно одного роста, как раз такие помощницы мне и нужны.

– Чёрт возьми! Как же вы смогли видеть репетицию? А, понимаю, заплатили кому-то из сторожей. Пусть так, но вы мне должны назвать имя мерзавца, который пропустил вас через чёрный ход. Я его не только уволю, но перед увольнением ещё и набью ему морду. Итак. Кто он? Как выглядит?

– Сторожа тут не при чем. Вы забыли, что я волшебник. Я прохожу сквозь стены, как нож сквозь масло.

– Ну, ясно, не хотите никого подводить. Ладно, что с вами поделаешь. Я этого негодяя и так вычислю. Кто-нибудь да видел, как он вас пропускал, шила в мешке не утаишь. Что касается мадам

Жоли и Гэти, я включаю в контракт их участие в вашем номере, тем более, что их собственный номер пока ещё не готов. Вот у меня живет и брат Гэти, он заряжает патроны для моего номера, кроме того, работает на конюшне, но мечтает стать цирковым артистом. Может, и его возьмете в ассистенты?

– Нет, мне нужны только две девушки...

Том сделал вид, что ему всё равно, но на сердце скребли кошки. Никто не хочет помочь ему стать артистом.

Первое же выступление Али Бурхана произвело фурор. Том сидел среди публики и внимательно за всем наблюдал. Торжественно объявили, что сейчас выступает самый великий на свете маг, факир и йог. Затем появился Али Бурхан в золотом халате и серебряной чалме. Он вёл за руку Гэти Джексон. На ней было короткое платьице и белые чулки с рисунком из золотистых колечек. Тому хотелось выскочить на манеж и вырвать из хищной лапы чародея маленькую руку девушки. За Али Бурханом и Гэти двигались двое старших Дондо, они были в пёстрых восточных халатах и в чалмах, и тащили продолговатый сундук с высокими ножками, изрядно украшенный драгоценными камнями. Том понимал, что роль драгоценностей исполняли искусно раскрашенные стекляшки, но зрелище было красивое, это он мог признать.

Сундук был установлен в центре манежа, Али Бурхан простер к нему руку, Дондо стали по краям сундука, изображая стражу, а Гэти танцевала, описывая круги вокруг всей группы.

Али Бурхан дотронулся до крышки сундука волшебной палочкой, крышка сама собой открылась, из сундука вылетело три горящих факела, он их очень ловко поймал и стал ими жонглировать.

– Крок! – воскликнул Али Бурхан, и факелы превратились в букеты алых роз, один из них он преподнёс Гэти, два других с церемонными поклонами подарил дамам, сидевшим в первом ряду.

– Крок! – снова воскликнул волшебник, и Дондо стали укладывать Гэти в сундук, тотчас её прелестная головка высунулась в окошечко из одной боковой стенки сундука, а из противоположной – высунулись её ножки в кольчатых чулках.

– Крок! – воскликнул с угрожающей интонацией Али Бурхан и захлопнул крышку сундука. Голова Гэти озорно улыбалась, а высунутые из противоположной стенки ноги весело болтались.

Анри Дебуссир вышел ближе к центру манежа, торжественно и громко объявил:

– Уважаемые зрители, медам, месье! Впервые в мире! Сейчас

на ваших глазах состоится распиливание живого человека на две части. Нервных и детей просим удалиться.

– Итак! – Дебуссир отступил к проходу, где стояли униформисты и пожарники.

Великий маг достал непонятно откуда взявшуюся плотницкую пилу, зубцы которой были остры, как пики, это было видно с первого взгляда. В оркестровой ложе нервно затрещали барабаны. Пила вонзилась в сундук как раз в его центре и со скрежетом стала разрезать и дерево, и железо. Маг распиливал сундук со зверским выражением лица. Том понимал, что это фокус, но ему невольно хотелось кинуться на защиту любимого существа. В публике слышались ахи и охи, несколько дам забились в истерику. Кто-то предлагал вызвать полицию. Но маг сурово продолжал своё зверское дело.

Наконец сундук был распилен и, повинувшись жесту чудотворца, Дондо растащили его половинки. Один из Дондо спросил голову Гэти:

– Как вы себя чувствуете, мадемуазель Гэти? Не скучаете ли вы по своим прелестным ножкам?

– Да ничуть! – улыбаясь, ответила Гэти, – я думаю, что это они скучают обо мне! – А ножки в кольчатых чулках в это время продолжали весело болтаться.

– Шарах-таррах! – выкрикнул маг. Дондо соединили половинки сундука вместе. Али Бурхан протянул руку и вытащил из сундука Гэти Джексон, целую и невредимую. Она присела, делая комплимент фокуснику, публике, затем беззаботно затанцевала под музыку оркестра вокруг сундука. Великий маг приложил руку к сердцу и поклонился публике. Бурные овации сотрясли здание цирка.

Анри Дебуссир сиял. Хорошие сборы будут обеспечены надолго. Марсель большой город, слух о великом чародее будет привлекать сюда всё новых и новых зрителей.

«Но как это всё было сделано? И почему мадам Жоли не была занята в номере, если и её имя было вписано в контракт?» – думал Том. Он всё-таки выбрал момент, когда Гэти проходила мимо конюшни. Взял её за талию, привлёк себе, хотел поцеловать. Но она отпрянула от него:

– Что за глупости, Том? Ты хочешь, чтобы и меня, и тебя прогнали с работы?

– А что такое? Разве брат не имеет права поцеловать сестру? Я подозреваю, что ты равнодушна к этому красавчику. Но подумай сама, не погонит ли он тебя прочь, если у тебя начнет расти сделанный мной животик? Вот будет фокус, так уж фокус!

Гэти пожала плечами.

– Пока что я ничего такого не чувствую. Ну, успокойся ты, Том. Это просто работа, какая беда, если я ему улыбнусь. – И она поцеловала Тома.

– Скажи, как это получилось, что ноги твои были отдельно, а голова отдельно? Я никак этого понять не могу.

– Том, я тебе скажу, но только это большой секрет, если кто узнает, наш номер будет никому не интересен.

– Но я же не стану болтать! Я же не баба какая-нибудь, я ковбой!

– Ну, так слушай. Когда я ложилась в сундук, в нём уже лежала мадемуазель Жоли. Она была точно в таких чулках, как у меня, и сложилась, так, чтобы занимать ровно половину сундука. Когда я легла в ящик, она тотчас высунула ноги в дыру, которая была в её половине сундука. Я в тот же самый момент высунула голову в дыру в другой его половине. При этом мне пришлось согнуть ноги так, чтобы я занимала ровно свою половину. Между нами опустились две жестяные переборки. Он распиливал сундук как раз между этими переборками, вот почему пила так скрежетала. Вот и всё.

– Да действительно придумано неплохо.

– Ну, всё, Том, хватит целоваться, не то нас увидит кто-нибудь, не дай Бог.

– Ладно! Но, если я узнаю, что ты крутишь с этим усатеньким, то я продырявлю ему голову из кольца. А это будет такой фокус, после которого уже не воскреснешь. Так и скажи твоему индусу. Нас, ковбоев, всякими дурацкими раздвижными ящиками не удивишь. Мы и не такое видали.

Гэти умоляла Тома успокоиться. Она хранит ему верность, а работа, есть работа. Она же учится цирковому ремеслу, потом это им обоим пригодится.

5. НЕ ТЕ ПАТРОНЫ

Время шло, мягкую тёплую зиму сменило жаркое лето. Менялась погода, менялись и номера в цирке. Уехали куда-то Дондо, их сменили другие силачи. Фернандо Ферри с королевской конюшней и длинногривой лошадкой поехал на гастроли в Лион.

Но дерьма в цирковых стойлах не убывало. На смену королевским лошадям явились арабские скакуны и верблюды, разумеется, не одни, а со своими наездниками – арабами. Тому было всё равно,

чьё дерьмо выгребать из конюшни. Он уже приловчился к своей работе, делал её быстро и аккуратно. У него стало оставаться немного свободного времени, и он тренировался в ходьбе по канату. Правда, циркачи таят секреты своего мастерства. Канатоходцы и не думали ему что-либо подсказывать. Наоборот они были довольны, когда он срывался с каната и повисал как сосиска на страховочной веревке, именуемой лонжей. Но всё равно, Том чувствовал, что с каждым днём он ходит по канату всё увереннее.

Не нравилось Тому только то, что директор Анри Дебуссир всё продлял и продлял контракт проклятому Али Бурхану. Том говорил своему начальнику, что если меняются другие номера, то давно пора заменить и номер Али Бурхана.

– Это было бы всё равно, что сварить в супе курицу, которая несёт золотые яйца, – отвечал Анри Дебуссир, – ты посмотри, каждое его выступление вызывает овации. Такие фокусники встречаются редко. Марсель – портовый город, публика часто обоняется, ты замечал, сколько в зале бывает моряков?

Тома все эти объяснения не успокаивали. Он следил за Али Бурханом и своей возлюбленной, посещал почти все их выступления. Гэти теперь не только танцевала вокруг волшебного сундука, но сопровождала танец пением. У неё оказался отличный голос, это сказал сам дирижёр циркового оркестра. Гэти наняли репетитора, который был молод и кудряв, и это тоже бесило Тома.

Лето напоило ароматом каждый уголок Марселя, белоснежные дворцы и теннисные парки показывали себя всему Божьему миру, как бы говоря: ну есть ли где на земле что-либо прекраснее нас? Том пожертвовал одной своей репетицией, ради того, чтобы пройтись по Марселю. Ведь он провёл здесь целый год, почти не выходя из здания цирка. Работа, раубота, работа...

Он забрёл в парк, где было много теннисных уголков, удивительных мраморных статуй. Тут были феи и амуры, пленительные Венеры, прекрасные Аполлоны. На дальних холмах виднелись старинные замки. Фигурные скамьи в беседках манили присесть, помечтать.

Том и присел на одну из них. И вдруг он услышал неподалеку в зарослях загадочных местных деревьев два голоса: мужской и женский.

– Нет, никакой я не араб, не индус, прекрасная моя, волшебница, я итальянец из многодетной сицилианской семьи. Десятилетним мальчишкой сбежал я из дома с бродячим цирком. Испытал голод, унижения, побои. Месяцами моё тело было пятнистым,

как у леопарда, только эти пятна были не жёлто-коричневыми, а синими. Я был весь в волдырях и шишках. Меня били иногда за дело, а иногда просто от скуки. Я был мальчик – за всё. И им варил похлебку, чистил ботинки, чесал пятки и каждому кланялся до земли. Но я подглядывал, как надо делать те или иные трюки, особенно следил за ихними факирами, фокусниками.

Я испытал множество унижений, но однажды сбежал из этого цирка, уехал в Германию и там выступал в разных городах просто на площадях. А потом почувствовал, что достаточно поднатюрег и могу предъявить себя настоящему цирку.

Помнится, это было в Швейцарии. Небольшой передвижной цирк оплату предложил мне мизерную, но когда я поучаствовал в нескольких представлениях, они сразу добавили мне франков. После я сменил множество цирков и городов, и вот счастливый случай, моя богиня, привел меня в Марсель, это Бог привёл меня сюда. Мне уже за тридцать, пора обзавестись женой настала, и никого другого на этой земле, кроме тебя, мне не надо...

Затем Томми услышал звук поцелуя и знакомый женский голос сказал:

– Дорогой Лучано, мне сладки твои поцелуи, я таю в твоих объятьях, но, увы, я тебя недостойна. Я же говорила тебе, что я жду ребенка. Скоро я уже не смогу принимать участие в твоём номере, и тебе придется подбирать другую ассистентку. Нет, нет! Это сейчас ты так говоришь, но ты не сможешь по-настоящему любить ребенка, который не тобой был зачат. Меня это будет мучить. Поэтому давай оставим всякие разговоры о женитьбе.

– Ты не права, Гэти, – сказал мужчина, – у нас на Сицилии всегда бывает в семьях много детей. А мы уедем на Сицилию, я накопил уже достаточно денег, у нас будет свое небольшое поместье. У нас будут общие дети, их будет много, и я буду любить всех одинаково.

В это время затрещали кусты, и разъярённый Том сшиб итальянца ударом кулака. В детстве в Америке Тому доводилось боксировать со сверстниками, бокс там был в большой моде, многие приёмы остались в памяти, а работа на конюшне помогла накачать изрядные мускулы..

Едва итальянец поднялся, Том вновь сшиб его с ног. Гэти кинулась к Тому:

– Том! Оставь его, ради всего святого! То, что я отдалась тебе там, на корабле, это была просто моя девчоночья глупость. Что такое настоящая любовь я узнала только здесь с Али Бурханом, то есть с Лучано. Том! Насильно заставить любить невозможно!

– Дура! – выкрикнул Том, – я ковбой, я этого итальяшку прихлопну как поганую муху, только выберу подходящий момент. Долго ты с ним не пообнимаешься!

Том удалился, потирая ушибленный кулак.

Через день после этого случая Али Бурхан зашёл в вагончик директора цирка в тот момент, когда жена Анри Дебуссера вышла на минуту, чтобы попросить в соседнем вагончике соли. Али Бурхан метнулся к полке, где лежали приготовленные для выступления патроны, и в момент заменил их другими.

Наступил вечер, нарядная публика заняла в цирке места, согласно купленным билетам. Оркестр играл весёлую музыку, один номер сменялся другим. И, наконец, объявили выступление Анри Дебуссера, он вышел в охотничьем костюме в шляпе с пером, за ним шла супруга с охотничьими принадлежностями в руках. К ноге Дебуссера жались породистые охотничьи собаки. Голуби сидели на противоположной стороне на выпиленных из фанеры деревьях, всё было красиво, потому что голуби были разных расцветок и пород.

Мадам Дебуссир подала мужу двустолку и произнесла заученную фразу:

– Дорогой, ты всё равно ни за что не попадешь ни в одну птичку, ты уже давно слепой.

Дебуссир отмахивается от нее, мол, замолчи глупая баба. Сейчас я покажу высокий класс! Он стреляет, всё заволакивает дымом, голуби садятся на двустолку, на шляпу и плечи Дебуссера. А по цирку прокатывается непонятный ропот, и вдруг все шумы перекрывает истерический выкрик:

– Убили! Полицию! Доктора!

Дебуссир не сразу понимает причину такой реакции. Он идет к фанерным деревьям и видит в пятом ряду окровавленных мужчину и женщину. О, черт возьми! Это известный в городе человек, владелец лучших в Марселе дворцов, многих магазинов и кораблей.

– Это не я! Это не я! – кричит Дебуссир, – патроны заряжал наш работник конюшни Том. Патроны должны были быть холостыми. Он это сделал нарочно! Ловите Тома Хаксли! Держите америкашку проклятого! Я его приютил, а он...

Подроспели полицейские, заломили руки назад и Дебуссиру, и Тому, посадили их в чёрную карету, публике объявили, чтобы все желающие явились в полицию как свидетели злодеяния.

Дебуссир вернулся в цирк весь в синяках и ссадинах. Ему полицейские запретили раз и навсегда стрелять из чего-либо в цирке. Даже из лука – нельзя, не то, что из ружья. А Тома, по слухам, сослали в каторгу на остров, где он будет пилить камень-ракушечник на блоки для строительства. От белой каменной пыли каторжники начинают харкать кровью. Сосланные на этот остров домой уже никогда не возвращаются.

Гэти было жаль Тома, но предвкушение счастливой брачной жизни с сицилийцем в его легендарной и песенной стране несколько сглаживало печаль.

* * *

Однажды музыкальный репетитор сказал ей, что её ждёт один знаменитый антрепренёр, прибывший из Парижа, он был на представлении, ему понравилось пение Гэти, её голос, нужно идти к нему немедленно. Гэти несколько засомневалась, но её репетитор был в прошлом оперным певцом, отцом большого семейства, ему можно было доверять.

Они сели в кабриолет¹ и направились в центр Марсея, где в роскошной гостинице в дорогом номере их ожидал парижанин.

Служитель доложил об их приходе.

Из апартаментов донесся голос:

– Просите их войти.

Навстречу им из кресла поднялся красивый пожилой человек гвардейского роста с седой гривой волнистых волос. Он поцеловал Гэти руку и представился, говоря по-английски:

– Маркиз де Амбуаз! Моё имя для вас ничего не значит, но мой род древнее самой Франции. Я сообщаю это только по той простой причине, что вы должны будете мне верить, и безо всяких колебаний пойти той дорогой, которую я вам укажу. Дитя моё! Я в курсе ваших дел, знаю, что вы хотите выйти замуж за этого полуголодного итальянца.

Вам его не с кем сравнивать, ибо вы только начинаете жизнь, и, вообще, мало что видели на этом свете. Но я видел и слышал в жизни очень многое. У вас голос редкостной красоты, вы сами очаровательны, грациозны. Франция знала всякие катаклизмы, были бунты и войны, падали и поднимались короны. И всё же у нас всегда сохранялись объединения благородных людей, ценящих настоящую красоту и одарённость, умеющих поддерживать всё прекрасное.

1 *Кабриолет* – лёгкий открытый конный экипаж.

Вы находитесь в этом жалком балагане среди грубых и невежественных людей. Вы здесь зря тратите свой дивный дар и свою молодость.

Вас удивляет, что я говорю по-английски? Но это для того, чтобы вы меня лучше поняли. Я знаю ещё пять европейских языков и пять – восточных. Я выучил их, чтобы лучше познать науку и поэзию других народов. Так вот, я предлагаю вам немедленно вместе со мной поехать в Париж. Вы будете жить в одной из лучших гостиниц. Некоторое время с помощью опытных концертмейстеров вы будете готовить репертуар небольшого концерта. Подберете те песни, те мелодии, которые вам ближе по духу

Потом вы выступите в салоне мамам Бразуваль. Это будет закрытый благотворительный концерт. Уверяю вас, собранная в вашу пользу сумма будет такой, какую вы не заработали бы в этом цирке за сто лет. У вас будет совсем другая жизнь, совсем другие масштабы.

– Месье, – потупясь сказала Гэти, – вы знаете не все подробности моей жизни, мне трудно об этом говорить, но это главная причина, которая не позволяет мне принять ваше предложение...

Она долго молчала, потом собралась с духом и почти шепотом вымолвила:

– Месье! Я беременна!

Аристократ улыбнулся:

– Сейчас это совершенно незаметно, концерт в салоне произойдет задолго до того, когда ваше положение станет явным. А выступление сразу же откроет вам дорогу в другие салоны, в театры, в концертные залы Парижа.

Я думаю, вы успеете дать ещё несколько концертов и стать богатой и известной, прежде чем придёт пора вызвать к себе в жилище акушерок. Поймите, в вольнолюбивой Франции к родам одинокой женщины относятся совсем не так, как в пуританской Америке. У нас нет ханжества, мы славим свободную любовь! – воскликнул маркиз, при этом глаза его лукаво блеснули.

– Хорошо, если всё будет так, как вы говорите, – тихо вымолвила Гэти.

– Всё будет именно так. Завтра часам к девяти утра я в своем экипаже подъеду к цирку. Я буду ждать вас за углом у фонтана. Соберите всё необходимое, и мы с вами отправимся в приятное путешествие. О том, что вы уезжаете, не должна знать ни одна живая душа. Вы слышали такую фразу: «Увидеть Париж и умереть!» Не слышали? Ну, всё равно, мы едем в культурную столицу мира, чтобы именно жить! И жить хорошо!

6. УВИДЕТЬ ПАРИЖ

В девять утра Гэти Бэкфорд с маленьким саквояжиком поместилась в роскошном и очень удобном ландо¹ маркиза де Амбуаза.

– Хорошо ли вам спалось? – осведомился маркиз.

Гэти бесхитростно ответила:

– Вечером я плакала, а потом вдруг уснула.

– А не заметила ли ваша напарница вашего плохого настроения и ваших сегодняшних утренних сборов?

– Она крепко спала после выпитого ею рома, и утром я сумела незаметно собраться и уйти.

– Вы поступили очень благоразумно. С этого момента исчезает из мира Гэти Бэкфорд, и является в мир Фанни Лир! Как нравится вам псевдоним?

– Но зачем же мне чужое имя?

– Всё очень просто, до сих пор вы выступали в маленьком цирке, да и в афишах писалось только имя этого итальяшки, то есть не имя даже, а дурацкая кличка – Али Бурхан. На самом деле он какой-нибудь Эспозито, Бенвенито Бенвенуче, или что-нибудь в этом роде. Вы были безымянной девицей, которую этот мерзавец разрезал на две части. Только и всего. Но после выступления в салоне для избранных ваше имя обязательно появится в парижских газетах.

Ну и как вы думаете, как поступит ваш папаша-пастор, когда ему кто-нибудь сообщит, что читал о вас во французской газете? Вы ведь ещё такая юная! И ваш родитель устроит большой скандал. И потребует вас вернуть в ваш родной дом. И разве вам хочется вернуться к скучной жизни в степи, к дойке коров и коз, к граблям и навозу?

– Откуда вы знаете про коров и коз? И вообще?

– Ну, я навел справки. Для успеха дела надо знать многое. Вот я и узнал кое-что. Не я сам лично, но мои знакомые, которые живут в Марселе. Это хорошие друзья, они не стали интересоваться, зачем мне это нужно. Они просто добыли для меня эти сведения.

– Ну, хорошо, пусть я буду Фанни Лир, хотя, сказать по правде, мне к этому имени надо привыкнуть. А что до моего отца, то думаю, я уже в таком возрасте, когда можно жить самостоятельно.

¹ Ландо – четырёхместная карета с открывающимся верхом и двумя рядами сидений, расположенными одно против другого.

– Вот и прекрасно! – воскликнул маркиз де Амбуаз, – вы посмотрите, какие великолепные леса на холмах и какие светлые ручьи петляют в лугах.

– Да, очень красиво...

В этом пути они не раз останавливались на отдых в придорожных гостиницах и тавернах¹. Гэти увидела в пути немало старинных диковинных замков, холмов, покрытых виноградниками, быстрых и чистых рек с ажурными мостами через них.

Наконец, вдали стали расти шпили высоких зданий Парижа.

Они остановись в узком переулке, возле старинного дома. Кучер взял в руки небольшой саквояж бывшей Гэти Бэкфорд, а теперь Фанни Лир. Маркиз вел Фанни под руку, и все они поднялись на третий этаж. Там их ожидали горничные и слуга.

– В вашей квартире – шесть комнат. Я арендовал её для вас на полгода. Думаю, со временем у вас будут деньги на дальнейшую аренду. Здесь есть все удобства. Отдыхайте. Завтра к вам придут портные и парикмахер, придет и музыкант, с которым вы будете разучивать песни, постарайтесь сопровождать каждую песню танцем, как это вы делали в цирке. Уже через неделю состоится ваше первое выступление в салоне Жанны де Турбе. От этого выступления будет зависеть вся ваша дальнейшая судьба.

– А кто она – Жанна де Турбе?

Маркиз де Амбуаз самодовольно улыбнулся:

– Девочка! Это имя сейчас гремит во Франции! Жанна де Турбе, в замужестве графиня де Луан. Возлюбленная Маркса Фурнье, директора столичного театра Порт Сен-Мартен, которого она полностью разорила, а затем – принца Наполеона. Она принимала в своем салоне весь цвет литературного Парижа, здесь бывали Теофиль Готье, Гюстав Флобер, Иван Тургенев, впрочем, вы вряд ли слышали про этих великих людей. Но у вас ещё всё впереди. Сейчас Жанне де Турбе покровительствует крупный администратор Эрнест Барош, подаривший ей недавно состояние в 800 тысяч франков.

– О! – только и смогла вымолвить Гэти Бэкфорд, превращавшаяся в Фанни Лир. Про себя она подумала, что если только сотая доля в словах маркиза – правда, то и тогда она попала в удивительный мир, в котором она постарается найти свое место. Репетировать, изо всех сил репетировать...

1 *Таверна* (ит. – *taverna*) – небольшой трактир, харчевня, кабачок.

7. РОЗЫ УСПЕХА

Неделя, о которой говорил маркиз де Амбуаз, пролетела быстро. Здесь всё было для неё вновь. Портной, который, сняв мерку, уже на другой день принес платье и попросил Фанни одеться. Потом он кружил вокруг Фанни Лир, где-то подкалывая ткань булавками, где-то помечая её мелом.

– Завтра к обеду платье будет готово, надо теперь обмерить вашу головку и ваши ножки, я зайду к обувщикам и шляпникам и вместе с платьем принесу туфли и шляпы, и мы выберем то, что будет лучше гармонировать с платьем.

Парикмахер уложил пышные от природы волосы Фанни, и, когда укладка была готова, надел на голову Фанни бриллиантовую диадему.

– Но? – изумленно воскликнула она, поражённая красотой бриллиантов.

– Да-да! – сказал парикмахер, – и ещё вот наденем на вашу шейку колье, а на левую руку браслет. Камушки подобраны со вкусом, это маркиз вам прислал.

Она смотрела в зеркало и не узнавала себя. Кто эта ослепительная красавица там, в чистейшем стекле дорогого зеркала?

– Перед выходом в свет я ещё приду причесать вас, – сказал парикмахер.

Фанни репетировала с иступлением. Она помнила слова своей первой грязноватой и всегда полупьяной учительницы, цирковой артистки мадемуазель Жоли: «Песни надо заучивать так, чтобы слова сами отскакивали от зубов, а танец – так, чтобы ноги и руки сами летали...»

О! Совсем недавно Фанни была на дне жизни, и ей казалось, что она любит фокусника итальянца. Но как ничтожен и жалок он по сравнению с маркизом де Амбуазом. Сколько же слоёв жизни существует на этом свете?

И настал вечер её судьбы. Маркиз де Амбуаз привёз её во дворец Жанны де Турбе. Ещё поднимаясь по широкой мраморной лестнице, Фанни Лир едва не ослепла от блеска драгоценностей, которыми были увешаны приехавшие одновременно с ней дамы. Великолепные пальмы украшали вестибюль. По краям лестницы стояли фарфоровые вазы в рост человека полные роз. Ароматы цветов и духов соперничали друг с другом. На фигурных мраморных столиках можно было видеть вина и яства, возле столов собирались

мужчины и женщины и о чём-то оживлённо беседовали, всё сливалось с один непрерывный гул. Вдали за шёлковыми портьерами Фанни разглядела небольшую эстраду, где уже настраивали свои скрипки и виолончели музыканты.

Сердце Фанни готово было выскочить из груди, когда красивая дама хлопнула в ладоши, утихомиривая этим зал, и сказала:

– Господа! Маркиз де Амбуаз, неутомимый путешественник и подвижник, отыскал для нас в провинции изумительное чудо. Это чудо называется Фанни Лир. Попросим, господа!

Фанни машинально вспорхнула на эстраду, где ободрительно улыбался уже знакомый ей музыкант, который теперь дирижировал маленьким оркестром.

Фанни Лир запела песню на слова Артюра Рембо, томик которого подарил ей два дня назад этот самый музыкант. Мелодию Фанни подобрала сама. У неё постоянно копошилось в голове множество мелодий, она сама не знала: или она их где-то слышала, или же они сами собой возникали в ней. Какое ей было дело? Главное, что мелодия подходила к словам, главное в том, что она чувствовала и в словах, и в мелодии свою собственную судьбу. Вот в чем вся была штука. Она пела, сопровождая песню танцевальными движениями, и чувствовала, что её голос проникает во все уголки этого зала, во все души:

*Она была полураздета,
И со двора нескромный вяз
В окно стучался без ответа
Вблизи от нас, вблизи от нас.
На стул высокий сев небрежно,
Она сплетала пальцы рук,
И легкий трепет ножки нежной
Я видел вдруг, я видел вдруг.
И видел, как шальной и зыбкий,
Луч кружит, кружит мотыльком
В её глазах, в её улыбке,
На грудь садится к ней тайком.
Тут на её лодыжке тонкой
Я поцелуй запечатлел,
В ответ мне рассмеялась звонко,
И смех был резок и несмел.
Пугливо ноги под рубашку
Укрылись: «Как это назвать?»
И словно за свою промашку
Хотела смехом наказать.*

*Припас другую я уловку:
Губами чуть коснулся глаз;
Назад откинула головку:
«Так, сударь, лучше... Но сейчас
Тебе сказать мне что-то надо...»
Я в грудь её поцеловал,
И тихий смех мне был наградой,
Добра мне этот смех желал...
Она была полураздета,
И со двора нескромный вяз
В окно стучался без ответа
Вблизи от нас, вблизи от нас...*

Едва она закончила последнюю фразу, поднялся целый шквал. Кто аплодировал, кто кричал «Ура!», кто бежал к юной певичке с охапкой роз. Но один усач, опередив всех, выхватил из кармана пистолет, выстрелил в потолок и крикнул:

– Ни с места! Никто не подойдет к Фанни Лир, пока мы не подпишем с ней контракт на десять её выступлений в моём театре. Пожалуйста, Фанни, вот вам пятьсот франков. Пятьдесят франков – хорошенькая цена за вечер пения никому неизвестной птички! – при этих словах он вынул из другого кармана деньги.

К сцене рвались все. Поэтому маркиз де Амбуаз, расталкивая поклонников и поклонниц, быстро прошёл на сцену, взял Фанни под руку, и провозгласил:

– Минуточку, господа! Я должен представить юное дарование хозяйке дома...

Жанна де Турбе расцеловала Фанни Лир в обе щеки:

– Обещайте мне, милочка, что будете ещё не раз петь и танцевать в моем доме. Я чувствую, что вы станете знаменитой. Не смейте забывать обо мне!

Затем Жанна де Турбе велела лакеям поместить большую пустую вазу в центре зала и объявила:

– Сейчас, господа, вы сможете поддержать юный талант, опустив в вазу, кто сколько может...

Уже месяца через два Фанни украсила арендованную квартиру по своему вкусу и разумению. И хотя никто не обучал её мастерству декорирования, дом был обставлен с самым совершенным вкусом и тактом.

Фанни пригласила своего попечителя осмотреть обновленное жилище. Когда маркиз Мишель де Амбуаз явился, она сказала:

– Вы будете смеяться над мебелью и над теми портъерами, что я приобрела. Чего же можно ждать от такой деревенщины?

Маркиз взял её под руку и, пройдясь по залу, поцеловал, говоря:

– Опытнейшая парижанка из высшего света не смогла бы проявить больше такта и художественного вкуса. Вы истинное чудо света! – И он вновь её поцеловал крепче, чем раньше.

Он был для неё большим другом, который вытаскил её со дна жизни, сюда, к успеху, к деньгам. Она уверяла себя, что он обнимает её как друг, но чувствовала нечто большее. Она сама боялась себе признаться, что её тянет к маркизу как к мужчине.

А маркиз, прошедший все тайны обольщения, прекрасно знал, что в такой период, когда в женщине созревает плод, там, вокруг него и ниже, идёт циркуляция токов, туда – к заветному месту. И сейчас всякий приятный Фанни мужчина имеет шансы войти в нее, утешить это волнение, дать разрядку накапливающимся и не находящим выхода флюидам. Она, сама не понимая, что делает, склонила голову маркизу на широкое плечо.

Он поднял её и понёс в спальню, отворяя двери комнат пинками. Скорее – на постель, войти в неё. Сейчас там ещё ничто не нарушено, не исковеркано родами, всё туго, ещё туже и более упруго, чем было прежде, потому что всё сладостно набухает – и грудь, и там внизу. Снять эти сливки, пока их не снял другой!

Маркиз приник к сладостным устам, ощутил волнительные удары её языка, их языки боролись, и слюна смешалась, мужские и женские гормоны как бы вопили – скорее же, глубже, быстрее...

Вскоре Фанни уже могла сказать, что она завоевала Париж. Различные кабаре, кафешантаны, театры предоставляли ей свои подмостки хоть зимой, хоть летом. Публика жаждала её видеть и слышать. Она становилась грациознее, голос её стал более про-никновенным. Это была уже звезда первой величины.

8. СЕРЕБРЯНАЯ МЕДАЛЬ

В 1872 году у одного из распахнутых окон Мраморного дворца в Петербурге стоял высокий, упругий юноша, он задумчиво смотрел на лежавшую у него на ладони серебряную медаль. Он только что закончил с отличием академию Генерального Штаба, и его имя было занесено на мраморную доску академии. Николай Константинович Романов стал первым из этого царского рода человеком, получившим высшее образование. Во время учёбы он сильно испортил зрение, и врачи не обещали, что оно восстановится в полной мере.

Всё это вызвало непонимание и в Мраморном дворце и во многих других петербургских дворцах. Он был старшим сыном Великого князя Константина Николаевича и должен был наследовать со временем Российскую империю. К тому же он имел правильные черты лица, отличную выправку, был попросту красив и считался лучшим танцором на всех балах.

Его друзья и подруги, золотая петербургская молодежь, таким неожиданным поступком Николы были более чем озадачены. Зачем ему было протирать штанами учебные скамьи генштаба, когда уже по рождению он был наделён самой великой судьбой?

И в семье, и в кругу золотой молодёжи все называли его Николой, так как он был общителен, не чурался никаких запретных забав. Всегда проявлял готовность принять участие в лихой попойке или в дерзкой шутке. Вместе с тем, временами он умел держаться изысканно аристократично. А ещё он был великолепным наездником, а в салонах мог сыграть на гитаре или на клавикордах и спеть одну из новых песен на слова модного поэта Артюра Рембо. Он и к живописи был способен, обожал всякие искусства.

Но друзья и близкие иногда замечали – на его лицо как бы опускается невидимая дымка, и он впадает во внезапную задумчивость. Теперь он был один, и это его состояние задумчивости никому было наблюдать. В его памяти всплыло детство.

Тактичный, чуткий и добрый Дмитрий Васильевич Григорович, между великокняжескими уроками писавший сентиментальные книги, воспитывал Николу недолго. Взамен Григоровича приглашен был матерью некий немец. Отец Николы Константин Николаевич женился на принцессе Саксен-Альтенбургской, которая в России стала прозываться Александрой Иосифовной. Она считала, что домашнее образование сыну должен дать её соотечественник. Григоровича она считала просто рохлей. Сыну нужна твердая немецкая рука.

»Услышав от великой княгини, что мальчик слишком своенравен, порой даже дерзок и надо отучить его от таких дурных привычек, новый ментор нередко применял телесные наказания. Он не опасался переборщить, ибо чувствовал, что родительница своенравного Николу почти возненавидела.

И уже став юношей, Никола иногда вдруг вспоминал лицо своего истязателя. И тогда Никола вдруг вновь переживал весь свой ужас шестилетнего мальчика перед этим злобным человеком. Нельзя было понять – старик это или средних лет человек. Он горбился,

но у него были сильные хищные руки. Вокруг лысины у него были седые, чёрные и рыжие волосы. Он имел множество карманов на камзоле и постоянно извлекал из них то платок, то расчёску, то флакончик с нюхательной солью и невесть что ещё. Поковыряв в носу, он смачивал платок скипидаром и протирал сперва нос, затем палец. Он почти не говорил по-русски, Никола же не знал немецкого языка и не хотел знать. К тому же он называл наставника то Карлом Ивановичем, то Гансом Ивановичем, то просто Генрихом. Старичка это бесило. Он натащил в Николину комнату глобусов, циркулей, линеек и каких-то предметов, назначение которых Никола не смог понять до самого конца обучения.

Если Никола, по мнению учителя, не так писал или не так чертил, или рисовал, то старик преобильно щипал мальчика, рассыпал в углу горсть сухого гороха и выкрикивал специально заученные им русские слова:

– Коленки – на горох!

– Нет! – отвечал Никола. Уже в свои шесть лет, а может и раньше, Никола знал, что он – Великий Князь, а этот-то – кто такой?

– На горох!

– Нет!

Однажды немец с размаху закатил Николе пощёчину. Мальчик с рёвом через множество комнат кинулся в комнату матери, на щеке Николы пунцовела менторская пятерня.

– Мама, он бьёт меня как дворника! Он издевается!

Александра Иосифовна, занятая появившимися на свет Божий новыми отпрысками и вообще недовольная тем, что сын жалуется на такого великопепного учителя, сказала:

– Поди прочь!

Никола побежал к отцу, пришлось миновать ещё несколько комнат, за это время отпечаток пятерни на щеке исчез. Стол Константина Николаевича горбился горами бумаг. Константин Николаевич решал проблемы восстановления российского флота, помогал своему брату царю Александру Второму готовить отмену крепостного права. Дело было более чем непростое. Братья были так похожи, что их можно было принять за близнецов. Только Александр Николаевич немножко повыше Константина Николаевича, по сравнению с братом был как бы более заторможен в жестах, в движениях. Может, это абсолютная власть на него так повлияла. Отец же был Николе близок некоторой порывистостью и большой человечностью, что ли. А если одним словом сказать – это был отец, кому же ещё жаловаться?

– Он меня по щеке ударил! – завопил Никола.

Константин Николаевич мельком глянул на сына:

– На щеках твоих никаких изъязнов не вижу. Не мешай мне, я очень и очень занят. Ты, брат, учись всему, в том числе учись сам налаживать взаимоотношения с людьми, тогда и жаловаться не придется.

Огорчённому Николе представилась картина обрюзгшей, расплывшей матери. Теперь возле комнаты матери постоянно толклись доктора. Позднее он понял, что мать с отцом давно не общаются, и отец находит утехи на стороне у других женщин.

Никола даже на всех балах, пикниках и поездках был одинок. Что-то мешало ему быть искренним с друзьями. Если с родителями искренности не было, то тут – что ж? Ты пьёшь с ним, он твой друг. А случится что – предаст! Они его друзья только потому, что он – Великий Князь.

Никола сунул серебряную медаль в узорчатую шкатулку и рассмеялся. Он вспомнил радостный день. Ментор объявил, что теперь, когда Николе исполнилось 18 лет, его домашнее обучение закончено. Что он, учитель, был горд тем, что так блестяще подготовил царского отпрыска к важной государственной деятельности и к жизни вообще.

Никола уже мысливший по-взрослому, учтиво поклонился противному немцу. А когда тот ушёл, вытащил из комнаты в коридор всё, что могло бы напоминать о немце: все чертёжные и письменные столы, глобусы, рейшины, карты, холсты, подрамники, кисти, нотные тетради, чертёжную бумагу.

Сложив на каменном полу большую кучу, Никола достал великолепные американские спички и разжёл костер.

Через несколько минут, почуяв дым, прибежали часовые и дворцовые служители.

– Ничего не надо гасить! – приказал Никола. – Когда всё прогорит, золу сметёте и вымоете пол, да почище, с мылом.

Хорошо, что запах дыма не дошёл до покоев матушки. Она жила в своих покоях в Павловске почти безвыездно. Дворец был оформлен в старом стиле, и она ничего здесь не хотела менять. Эта давно вышедшая из моды обстановка её устраивала, никаких новых ламп, тем более новомодных светильников она не хотела. Новое казалось ненужным и даже опасным. Мебель, обивка, канделябры, фарфор – всё в Павловске было из прошлого.

Никола теперь был свободен от всяких менторов. Надо было немножко подумать о том, что ему действительно нравится.

9. В ЛЮТЕЦИЮ¹ И ДАЛЕЕ

Зиму Николай Константинович решил провести за границей. К окончанию академии он уже собрал немалую коллекцию картин хороших зарубежных и русских мастеров. Но у него было мало французских и итальянских полотен, потому он и решил поехать за границу, и, прежде всего, посетить Париж. Николе удалось выпросить изрядную сумму у отца и получить кое-какие деньги от матери. Деньги, впрочем, давались, в основном, на покупку картин. Подразумевалось, что этим пополнятся художественные богатства российского царского дома. Давали ему займы разного рода знакомые, молодые аристократы, притворявшиеся друзьями до гроба. Тут был тут хитрый расчёт – в будущем расположение Николая Константиновича может обернуться громадными благами – чинами и Бог знает ещё чем.

В конце октября в сторону границы двинулся поезд карет. Никола был в великолепном расположении духа. Уехать от природного и душевного холода, туда, где веселее пригревает солнце, туда, где можно будет дружить не по обязанности, не из расчёта.

Долг вежливости обязывал, и Великий Князь посетил на своем пути родственников матери. Он говорил с ними через переводчика, что несколько их шокировало. Но, в общем, они нашли его величественным и красивым, смотрели на него с благоговением: как-никак, Великий Князь великой страны, такое родство было лестно.

За обедом в глазах Николы вдруг вновь возникла тёмная дымка. Он вдруг вновь ощутил жжение потной пятерни на своей щеке и снова услышал скрипучее: «Коленки – на горох!» Внешне всё это никак не проявилось. Отхлебнув из бокала бургундского вина, Никола сказал:

– Я в затруднении. Я договорился через агента о приобретении двух полотен Мане, но в пути вдруг встретил соотечественника возвращавшегося из Парижа, он сообщил мне, что цена повысилась на двести тысяч франков. Нельзя ли мне одолжить у вас эти несчастные двести тысяч, вы меня очень обяжете.

¹ *Лютеция* – древнее поселение в долине реки Сены. После того как в 52 г. до н.э. здесь обосновались римляне, Лютеция превратилась в большой процветающий город, впоследствии переименованный в Париж.

Родственники тут же принесли ему конверт с двумя сотнями тысяч. Они были аккуратны, эти немцы, особенно в денежных делах. Но не могли же они попросить расписку у Великого Князя? А именно на это он и рассчитывал.

Полюбовавшись после обеда аккуратными парками, каналами и озерами, пожав руки родственникам мужского рода и расцеловав женскую часть родни, Никола, пообещав на обратном пути всех навестить, сел в экипаж. Поместились в кареты и его спутники.

Много хлопот было у Великого Князя в Париже. Художественные салоны и выставки, торги, аукционы. Удалось купить несколько редких картин. В лавке древностей на улочке Нотр Дам де Лоретт, находящейся неподалеку от Монмартра¹, Великий Князь присмотрел чудесную статуэтку из слоновой кости, изображавшую индусский метод совокупления. Никола напоил спутников, что дам полусвета², ищущих себе на улице Нотр Дам де Лоретт богатых любовников, парижане прозывают лоретками.

Прошли на Монмартр, и Никола вновь взял на себя роль гида:

– Здесь на холме за проповедь христианства в 250 году казнили первого епископа Парижа Святого Дени. Однако, обезглавленный епископ взял свою отрубленную голову и, держа её в руках, прошёл целых шесть километров на север. На том месте, где он упал, и стоит аббатство, названное Сен Дени. Однако, господа, надо бы нам немножко передохнуть. За лоретками мы гоняться не будем, а поужинаем в знаменитом варьете «Фоли Бержер», там, говорят, сам Мане пишет этюды для будущих картин, бывает там и Гоген.

Через некоторое время Великий Князь и его спутники, миновав дородных и могучих швейцаров у входа, уже сидели на лучших местах прославленного варьете. Столы здесь располагались полукругом, и стулья были поставлены так, чтобы каждый мог видеть происходящее на сцене. Вы могли пить вино, закусывать и в то же время любоваться великолепным зрелищем. Скучать здесь было невозможно: вокруг всё переливалось огнями, мерцало и пенилось. Музыка чётко дробила в звонкой ступе невидимые стеклянные орехи, скрипки взвизгивали, на сцене в бешеном темпе жонглеры перекидывались блистающими булавами.

1 *Монмартр* – в то время центр парижской художественной жизни.

2 *Дамы полусвета* – актрисы, певички, танцовщицы, куртизанки, содержанки того или иного популярного и влиятельного, знатного и богатого мужчины, которые не только не скрывают, но всячески выставляют напоказ свою связь с покровителем, толкают его на безудержные денежные траты и другие жертвы, сопровождают на публике, на бульваре, в театре и т.п.

И тут в это летящее блистание вклинились чёрные, как сажа, негры, отбивавшие лакированными ботинками умопомрачительную дробь. Вдруг всё это исчезло, и сам собой выкатился к балюстраде огромный барабан. Выбежал высоченный ходульный Арлекин и ударил в барабан громадной колотушкой. Из барабана на сцену посыпались карлики и начали акробатическую игру: прыгали друг через друга, ходили на руках, и вдруг сложились в живое колесо и укатились за кулисы.

Тотчас музыка стала нежной, ласкающей, как тёплое море в спокойную погоду, откуда-то сверху на огромных разноцветных зонтиках опустились полуобнажённые ангельской красоты женщины. Одна из них запела, остальные закружились вокруг неё в танце. Беловолосая чёрноглазая красавица пела:

*По глади чёрных вод, где звёзды задремали,
Плывёт Офелия, как лилия бела,
Плывёт медлительно в прозрачном покрывале,
В охотничьи рога трубит лесная мгла...
Уже столетия, как белым привидением
Скользит Офелия над чёрной глубиной,
Уже столетия, как приглушённым пеньем
Её безумия наполнен мрак ночной.
Целует ветер в грудь её неторопливо,
Вода баюкает, раскрыв, как лепестки,
Одежды белые, и тихо плачут ивы,
Грустя, склоняются над нею тростники.
Кувшинки смятые вокруг неё вздыхают;
Порою на ольхе гнездо проснётся вдруг,
И крылья трепетом своим её встречают...
От звёзд таинственный на землю льётся звук.*

– Я знаю, это слова Артюра Рембо! – шепнул Никола.

Пение сопровождалось танцем и было столько гибкости, пластики в этом юном женском теле!

Песня закончилась, черноглазка поклонилась грому аплодисментов, и звонким чистым голосом сказала:

– Сейчас мы сойдём в зал, чтобы станцевать вольт¹ с гостями.

Она первая спорхнула со сцены, остановилась возле Николы и сделала книксен. Он бережно взял её за талию. Он знал, что

¹ *Вольт* – балльный танец, предшественник вальса, пользовался большой популярностью во Франции в XIV–XVI вв., исполнялся с плавными круговыми поворотами на месте.

этот танец едва ли не запретный, во всяком случае, он слышал, что кардинал Ришелье даже призывал казнить дворян танцующих вольт. Но запретный плод всегда сладок – вольт всё больше распространялся не только во Франции, но и в других европейских странах. А уж в варьете ему – самое место.

Сквозь тонкую белую кожу Фанни проступал румянец. После маркиза де Амбуаза в её парижской жизни было ещё два покровителя. Но никто из мужчин не шёл ни в какое сравнение с этим иностранцем. Никола тоже почувствовал влечение к этой юной диве. Он познал уже немало женщин, и своего круга, и простолюдинок, но ещё никогда его так не волновала близость женщины. Что-то трогательно детское, наивное проглядывало в облике, и в то же время чувствовалось, что она уже привыкла к поклонению.

– Когда в варьете всё заканчивается, и гаснут огни, такое создание, как вы, очевидно, опять удаляется на небо, с которого сюда к нам и спустилось? – спросил Никола. Фанни отметила про себя, что человек, недавно говоривший с друзьями на каком-то странном языке, теперь свободно говорит по-французски.

– Вы француз, месье?

– Я не француз.

– Так кто же вы?

– Я русский коммерсант, торгую живописью. Но вы не ответили на мой вопрос, подниметесь ли вы после закрытия варьете опять на небо?

– О, нет! Меня ждёт дома дочурка, она ещё маленькая, я так скучаю по ней.

– Мне очень хотелось бы взглянуть на ваше сокровище!

– Мы так мало знакомы.

– Меня зовут Никола. Я подвезу вас в своей карете.

– А я – Фанни, но я не знаю, – стоит ли мне вам доверять? – нерешительно ответила она, хотя уже знала, что стоит и доверять, что ей встретилось само солнце, и она чувствует, что сможет унести его в своей плетёной кошёлке.

– Ну, хорошо, ждите меня у заднего хода...

Когда все покинули заведение, Никола сказал спутникам, чтобы они возвращались с закупленными картинами в Россию. Сам он будет далее путешествовать по Европе инкогнито, оставив при себе лишь кучера и одного гвардейца из охраны.

– Пусть родители не беспокоятся, я буду писать часто. И не задавайте мне вопросов! Адью!¹

1 Адью (*франц.* - *adieu*) – до свидания, прощайте.

Он знал, что ни отец, ни мать особого беспокойства не проявят, у родителей свои заботы, обиды, огорчения и страхи. И то, что их старший развлекается где-то за тридевять земель, не должно было их слишком-то волновать.

У чёрного входа пришлось ждать довольно долго. «Обманула!» – подумал Никола, в это самое время стукнула дверь, и по лестнице легко сбежала Фанни. В обычной строгой одежде она выглядела ещё прекраснее. Никола распахнул перед ней дверцу кареты. Гвардеец размещался в задней части кареты за перегородкой, кучер – на козлах, здесь на сиденье они были одни. Фанни искоса поглядела на Николу и сказала:

– А вам родители не говорили в детстве, что обманывать не хорошо?

– В чём же – обман?

– У вас на карете имперские российские гербы. Разве коммерсантам разрешено это?

Никола потупился. Подумал и сказал:

– Ты права, я совсем забыл об этом. Действительно – гербы. Да и чего мне скрывать от тебя, если ты мне по нраву? Я Великий Князь Николай Константинович Романов. Ну-да, я интересуюсь искусством, я тоже люблю стихи Рембо, я люблю скульптуру и живопись, люблю музыку, люблю всё, что красиво. А ты, крошка, изумительно красива и талантлива. Почему бы нам не подружиться? Ты была в Италии? Нет. Я тебе покажу её, у меня есть там знакомые художники. Ты услышишь песни гондольеров, ты узнаешь горячий нрав итальянцев, увидишь солнце, которое помогает им создавать шедевры.

– Но у меня – малютка.

– Её можно взять с собой, лучшие сиделки и врачи – всё будет предоставлено. А гербы с кареты мы снимем и наймём отдельные кареты для сиделки и прочей прислуги...

Вскоре они уже ехали в Италию. Иногда Фанни Лир брала в карету дочурку, при этом говорила Николе:

– Ведь, правда, же, девчонка – моя точная копия, это Божий промысел. А ведь когда я её рожала, боши бомбили Париж¹. И я молила Господа: только бы в наш дом не попали! Слава Богу, всё обошлось, и ещё – я встретила тебя.

1 *Боши* – оскорбительное наименование немцев во Франции. *Бомбили Париж* – во время Франко-Прусской войны 1870–1871гг, после которой Франция уступила Эльзас и Лотарингию, и образовалась Германская империя.

В горной деревушке в старинной таверне итальянки танцевали знаменитую тарантеллу. Объядаясь особым здешним сыром с макаронами и запивая всё мягким вином, Никола спросил Фанни:

– А ты смогла бы так?

Фанни скинула туфли, вырвала у одной из итальянок бубен и пошла по кругу. Казалось, бубен превратился в солнце, а окрестные горы отбивают такт камнепадами и подпевают ручьями. Итальянцы закричали:

– Браво! Брависсимо!

Ночью в окно комнатухи, в которой ночевали Фанни и Никола, заглядывала неправдоподобно огромная луна. И повидавшая виды старинная гостиничная кровать тряслась, стонала и охала.

Фанни, задыхаясь, проговорила:

– В моей жизни было так, что меня распиливали поперек, но это случалось лишь один единственный раз за вечер, когда один ряженный волшебник делал в цирке свой пошлый дурацкий фокус. Но ты за одну ночь распилил меня повдоль уже столько раз, что я сосчитать не могу. Вот ты – действительно величайший из волшебников, недаром, ты Великий Князь – и ты обязательно будешь императором.

Рим был музыкой. В самих словах – фонтан Треви, вилла Боргезе, Плаццо дель Пополо – звучали странные мелодии. Оставшиеся от всех республик, императоров, патрициев чудовищные квадриги задастых лошадей, скульптурные портреты царей и полководцев, фонтаны, арки, падающие древние портики. То, что в Греции было разрушено и утрачено, здесь как бы увеличилось через мощнейшее увеличительное стекло величиной с само южное небо

От жары и оглушающей красоты всех древних изваяний Фанни и Никола спасались в мастерской ваятеля Томазо Соляри. Мастерская была особым миром, где можно было заблудиться. Неподалеку от входа расположилась скульптурная группа, изображавшая забавы патрициев в так называемых термах¹. Господин с двумя мраморными подбородками какой-то частью своей погружался в сладострастно улыбающегося мальчика. Было тут много такого, что теперь сочли бы непристойным показывать всему свету, а тогда, в пресыщенной и идущей к своему закату Римской империи, было нормой жизни. Почти весь огромный зал занимал лежащий на боку пустой гигантский глиняный кувшин. Стоило крикнуть в горло кувшина, он отвечал стократно.

1 Термы – общественные бани в Италии и Греции.

Ах, художники такие выдумщики! Но Великий Князь Николай Константинович превосходил их в своих фантазиях.

Он поднимал стакан с молодым мутноватым, но очень вкусным вином, и говорил:

– Ты великий скульптор Томазо, ты можешь делать чудеса. Именно поэтому я обращаюсь к тебе, а не к кому-нибудь другому. Ты знаешь скульптуру Антонио Канова «Девушка с яблоком»? Ещё бы тебе не знать! Я хочу, чтобы ты сделал копию, но девушкой с яблоком в этой скульптуре будет сердечно мной любимая Фанни!

Соляри выпил мутноватое вино и почмокал губами:

– Это трудно, это очень трудно!

– Неужто ты меньше мастер, чем Антонио Канова?

– Нет, не в этом дело, дорогой мой сеньор! Антонио создал фантазию, ну, может, при этом он смотрел на какую-то девушку или вспоминал её. А я должен создать точный портрет вашей любимой в заданных Антонио рамках! Но трудность не только в этом, я могу подвергнуться остракизму как вор-плагиатор!

– Друг мой! Вас это не должно беспокоить. Как только скульптура будет готова, я тотчас её упакую и отправлю в Петербург. Там она будет стоять в саду в ограде моего дворца. Там итальянцы не ходят. Лишь я лунной ночью буду иногда приходить к этому изваянию, вспомнить молодость, жаркое небо и жаркие чувства, и пьянящее молодое вино

Фанни Лир в античной накидке приняла на ложе соответствующую позу. Художник поправил складки спадающей с тела туники.

Ради искусства Фанни пришлось пережить адские муки. Томазо покрыл смесью специального гипса не только всё её платье, всё её тело, но лицо, голову, волосы, глаза, нос, губы, всё, всё... Нельзя было ни шевельнуться, ни чихнуть, ни даже вздохнуть, нельзя было изменить принятую позу.

После, глядя на эту гипсовую отливку, художник повторял её в мраморе: каждую выпуклость, каждую выемку, каждый завиток. Ориентировался он и на оригинал, только теперь Фанни прикрывала наготу прозрачной накидкой.

И, наконец, работа над «Девушкой с яблоком» была завершена. Свободно, спокойно лежала она, глядя сквозь века, великолепная, высокая, стройная женщина. Полунагая застыла она для будущих поколений, облокотясь на античное ложе, удивляя изумительно красивым и грациозным телом, идеальными чертами лица. Чудо. Недостижимый идеал. В тонкой сильной руке застыло яблоко.

Соляри рвал волосы:

– Но почему, почему, почему, лучшее моё творение никто не узнает в Италии?..

Князь щедро вознаградил его труды. Никола с Фанни отправились в Петербург.

«Девушка с яблоком» украсила Павловский дворец. Для Фанни Лир Никола снял обширную квартиру на Невском проспекте. Там же поселились гувернантки и Жанна – маленькая дочурка Фанни.

Великий Князь поступил в лейб-гвардии конный полк и через непродолжительное время стал

командиром батальона, ему минул двадцать один год. Повышение по службе никого не удивляло: оно было вполне закономерно. Службе он отдавался истово, всё, что полагалось, выполнял с большим тщанием. Да и приятен был отцам-командирам своей истинно гвардейской выправкой, лихой посадкой, умением управиться с лошадью и найти общий язык с товарищами по службе.

Американка Фанни была поражена до глубины души величественным и холодным блеском северной столицы. Да, с ней в связи был теперь Великий Князь, который со временем должен был стать самодержцем, главой громадной державы.

Она была ровесница Николы, но повидала в своей жизни такое, чего он даже не смог бы себе и представить. Почти каждая женщина в любом мужчине видит как бы большое дитя, за которым надо следить и которое надо воспитывать. Она видела перед собой одинокого, неприкаянного человека, которому некому пожаловаться на свои обиды. Он порой слишком беспечно тратил деньги на ерунду. Он не следил за своим питанием, мог довольствоваться несколькими ломтями хлеба да парой стаканов чая. Эта привычка осталась с детских пор, когда, не дожидаясь

Павловск, дворцово-парковый ансамбль

О, нежность, музыка, мир!

*А там – плывущие формы, волосы, пот и глаза,
и кипящие белые слёзы.*

*О, нежность! – и женский голос, проникший
в глубины вулканов и арктических гротов.*

Он удивлялся её голосу, её памяти, в которой живет огромное количество стихов и мелодий, удивлялся умению вести хозяйство, и при этом всегда быть свежей, как только что раскрывшийся бутон утреннего цветка.

Родители Николы давно уже жившие отдельно, едва терпевшие друг друга, имели большую надежду на сына. Ведь он должен был стать Императором великой России. Но он ведёт себя так, словно совершенно забыл о предстоящей ему высокой миссии. Подумать только! На глазах у всего высшего общества, Никола путается с какой-то певичкой из варьете, иностранкой низкого происхождения! Говорят, что она – американка почему-то перебравшаяся во Францию, где и подобрал её неразумный Никола. Да уж не за добрые дела выслали эту Фанни из Америки, а теперь она болтается тут в Петербурге, да ещё, поди, намеревается женить на себе Николу! Не бывать этому!

Мать пригласила Николу для беседы и заявила ему, что больше не потерпит его связи с сомнительной личностью.

– Где ты её выкопал, да ещё с дитём, доннерветтер¹! Зачем нам эта танцовщица из Парижа? На неё смотреть противно. Ты должен немедленно выдворить эту авантюристку из Петербурга, или я обращусь в полицию!

Никола с неприязнью смотрел на эту старую, обрюзгшую, неяршливую женщину, которая волею судеб была его матерью. Искал в своём сердце хотя малую толику, нет, не любви к ней, а хотя бы сочувствия, и не находил. В душе нарастало раздражение, он мог бы ей привести в пример её мужа, который на глазах у всех при живой жене живёт с балериной Кузнецовой, он мог бы назвать и других его любовниц! Никола знал, что любовниц имел и его дедущка, Николай Первый, тот это делал тайно, а внешне демонстрировал крепость семейных уз. Но не мог Никола приводить эти резоны, это был бы верх неприличия, и неприязнь матери к нему возросла бы во сто крат. Поэтому он сказал только:

¹ *Доннерветтер* (нем. – *Donnerwetter*) – гром и молния, чёрт возьми.

– Я достаточно взрослый, чтобы ставить меня коленями на горюх! Я мужчина и испытываю иногда некоторые мужские потребности.

В малых немецких княжествах всегда было много бедных невест, которых могли сватать члены российской царской фамилии. Александра Фридерика Генриетта Паулина Марианна Элизабет, так звучало полное имя матери Николы. Он слышал от отца, что в молодости она была красавицей. Огромные голубые глаза, рыже-золотистые волосы, прямой нос и красивый рот – вот что увлекло Константина Николаевича. Но теперь, после многих родов, никак не заботясь о себе и своём здоровье, она расплнела, одрябла, глаза как бы повыщвели, былая красота превратилась в свою противоположность. Ещё Никола слышал от многих знакомых и друзей, что Александра Иосифовна не блистает умом. Всё немецкое она превозносит, всё русское отрицает. По-русски говорит с акцентом. В разговоре с мужем, с детьми, с другими обитателями дворца нередко переходит на немецкий язык, ничуть не заботясь о том, что её просто не понимают. Он ушёл от нее с таким чувством, будто проглотил лягушку.

Через некоторое время Константин Николаевич тоже пригласил к себе сына, но он не стал его ни в чём упрекать. Морской офицер, адмирал, он знал, какие дела могут дисциплинировать молодых людей. И знал – от какого предложения Никола будет не в силах отказаться.

– Как ты знаешь, я являюсь председателем Императорского Русского Географического Общества. Вам молодым можно прославить себя славными делами. Водные артерии Средней Азии совершенно не изучены. А ведь этот регион – истинное подбрюшье России. Именно туда устремляются английские шпионы, а вслед за ними английские военные отряды. В этих местах масса кочующих племён, которые в любой момент могут принять любую сторону. Англичане склоняют, прельщают и подстрекают против нас и этих кочевников, и малых азиатских правителей, да ещё ведут хитрую игру с турками и персами.

Пора бы тебе заняться полезным делом. Ты образован и силен. Когда же, если не теперь? Надо испытать свои силы, посмотреть эти дикие края вблизи, изучать нравы, обычаи, языки, картографировать. Это не только полезно, но, думаю, увлекательно. А что до опасностей, то Романовы никогда не были трусами.

Ещё твой дед его величество Николай Первый ясно видел желание англичан властвовать безраздельно на азиатских просторах¹. Они регулярно снабжают противоборствующих ханов оружием с расчётом, чтобы те не позволяли России там торговать, нести цивилизацию и мирно включать раздираемые противоречиями азиатские области в состав России².

В результате народы тех краев живут в беспросветной нищете и рабстве, нравы там бытуют самые дикие. Англичане ничего не дают им кроме ружей и пушек, за что ханы рассчитываются золотом и продовольствием, обрекая свои народы на полуголодное нищенское существование. Дикие кочевники нападают на наших подданных, угоняют караваны с добром, а пленников потом продают в рабство в Персию.

Воспитанник инженерного училища Константин Петрович Кауфман имеет в военной среде громадный авторитет. Генерал-адъютант фон Кауфман, это обруселый швабский немец по-русски отчаянный и по-немецки расчетливый воин. Служить под его началом и полезно, и почетно. Вот под его руководством ты будешь иметь честь испытать свои силы как русский офицер.

– Я согласен с тобой, я попрошусь в военную экспедицию.

– Ну вот, и отлично! – сказал Константин Николаевич. Он был доволен, что так быстро уговорил сына. Сам такой реакции не ожидал. Пусть уедет подальше от этой красивой проходимки. Глядишь, в его отсутствие она изменит ему. И всё уладится наилучшим образом. Любовь! Красивых женщин много и среди русских танцовщиц и певичек. Вернётся и на всё посмотрит новыми глазами. И дай Бог ему счастья!

Глаза Николая Константиновича увлажнились, он обнял Николаю и сказал:

1 Британия уже не удовлетворялась обладанием Индии и опасалась усиления России в центральноазиатском регионе – выход русских через Персию к Индийскому океану мог разрушить лелеемую в Лондоне сверх-идею глобального доминирования Британской империи. Премьер Бенджамин Дизраэли прямо сообщал об этом в своем знаменитом письме к королеве Виктории: «...Нашими войсками московиты должны быть выдвинуты из Средней Азии и сброшены в Каспийское море».

2 В Российскую империю к концу XIX века на правах автономий вошли эмираты, ханства и территории на пространстве между Каспием, Афганистаном, Китаем и Британской Индией. Русское владычество приобрело в Средней Азии огромное обаяние, потому что оно ознаменовало себя гуманным миролюбивым отношением к туземцам, и вызвав сочувствие народных масс явилось для них желательным владычеством.

– Надеюсь, ты понимаешь тревогу твоих уже не слишком молодых родителей. Обязательно пиши мне при каждом удобном и неудобном случае. Дай честное слово.

– Даю, папа! Обязательно буду писать!

Никола провел особую прощальную ночь с Фанни. Это было неистовство любви. Весь исцелованный, умиротворённый уговорами каждый день писать друг другу. Фанни ещё сказала, что будет ходить в церковь, будет креститься как православные, молиться за него и ставить свечи за здоровье:

– Я буду писать записочки Богу как могу – по-французски или по-английски, Он поймёт – за здоровье! И свечечка! Каждый день, мой мальчик, каждый день! И ты вернёшься ко мне живой и здоровенький!

10. ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ ПИСЬМА

В Хиве¹ возле крепостной бойницы беседовали важные хивинские люди в добротных чалмах и халатах. Был здесь сам хивинский хан Сеид-Мухаммед-Рахим, он говорил:

– Наш благодатный и святой город Хива, затерянный в невообразимых песках, теперь, после падения былых очагов ислама Бухары и Коканда, имеет особое покровительство Аллаха, он поручает нам быть защитниками всех правоверных. Наша крепость, которую мы построили вокруг колодца Хейвак, будет вечно неприступной, ибо колодец сей выкопан по указу пророка. Здешняя вода не только удивительно вкусна, она придает мужчинам храбрость льва.

Сейчас спустившийся со своих гор текинец² Хидыр Мурад учит наших воинов стрелять из пушек, подаренных инглизами³.

1 *Хива* – с 1598 года главный, хорошо укрепленный город Хивинского ханства (в древности известного как Хорезм) на западе Центральной Азии, южнее Аральского моря. Хорезм не раз давал отпор таким знаменитым противникам как Александр Македонский. Только объединенным армиям Чингисхана удалось одержать победу. Пять раз Тамерлан совершал набеги на Хорезм, но лишь в 1388 году ему удалось полностью завоевать его. На протяжении нескольких веков жители Хивинского ханства совершали вооружённые набеги на соседнюю Персию и южные губернии России. Туркменские налёгчики похищали крестьян и продавали их на базарах в Хиве и Бухаре.

2 *Текинцы* – народность в Туркмении. В ахал-текинском оазисе обитали 80-90 тысяч текинцев. Это были природные, смелые воины.

3 *Инглизы* – англичане

Этот текинец поистине послан к нам Аллахом. Да минует меня доброта Всевышнего, если я знаю ещё кого-либо, кто так умеет стрелять из пушки, как он. Воин он отчаянно храбрый, а на лошади сидит так, словно в седле и родился. Хидыр Мурад никогда не пропускает намаз и ненавидит неверных. Я думаю, ещё немало к нам примкнёт жаждущих испить из колодца Хейвак...

Пока Сеид-Мухаммед-Рахим говорил эти свои слова, на горизонте появилась малая точка, которая стала постепенно расти. Сеид-Мухаммед-Рахим приставил к глазу зрительную трубу.

– Вот и ещё один спешит примкнуть к нам, – сказал Сеид-Мухаммед-Рахим, – и правильно делает. Ловить джейрана надо быстро! Это верно говорится. Настанет момент, когда мы будем вынуждены ограничить число жителей города. Но вблизи его пусть строят себе хижины все, кто исповедует ислам.

Через какое-то время стало видно, что к крепости скачет всадник в фуражке с белым верхом, в белом кителе и в белых рейтузах

– Это урус!¹ – воскликнул кто-то из свиты хана, – его можно считать бараном, который сам просится, чтобы его ободрали и сварили в котле.

Все напряженно смотрели на приближавшегося уруса. Он подскакал к воротам и крикнул по-узбекски:

– Я посланник генерал-губернатора Туркестана фон Кауфмана, прибыл с посланием его превосходительству хану Сеиду-Мухаммеду-Рахиму. Господин фон Кауфман просит дать ответ на его письмо.

– Отоприте ему ворота! – приказал хан. Он подошёл к русско-му офицеру, нахмутив густые брови, долго вглядывался в лицо посланника, но было видно, что тот не испытывает ни малейшего страха. Хан уже знал, что урусы, выполняя службу, никогда ничего не боятся. Он мог приказать убить посланника. Но он знал и то, что казнить перевозчиков посланий – это дурной тон, это недостойно настоящего повелителя.

– Давай! – протянул унизанную перстнями руку хан, – Мы прочтём послание и тогда решим, отвечать ли нам на него...

Пакет был передан толмачу. Сеид-Мухаммед-Рахим уселся на стул под густыми ветвями столетней чинары и приготовился слушать. За его спиной возвышались украшенные синими и зелёными изразцами минареты и дворцы. Он думал о том, что в

1 Урус – русский.

песках в гиблых местах под видом пастухов днём и ночью дежурят его пикетчики. Как правило, они находятся у редких в пустыне колодцев. Эти «белые рубахи» (так хан называл русских) обычно страдают в пустыне от жары, от безводья. Но ханские пикетчики вооружены ружьями и бомбами. Они пасут себе потихоньку баранов и верблюдов. Их тонконогие текинские кони способны скакать без усталости в песках. Никто чужой не напьётся из дальних пустынных колодцев. В случае чего, пикетчики отравят воду. Мы тоже знаем военную науку...

Письму Кауфмана предшествовали драматические события. Самонадеянный хан думал, что он недоступен, снабжённый английским оружием и защищённый крепостью, построенной особо прочно, с глубокими рвами вокруг неё. Он поминал неудачные походы на Хиву Бековича-Черкасского и графа Перовского. А успехи русского оружия в войнах с соседними бухарским и кокандским ханствами не насторожили, а только увеличили его самонадеянность – теперь англичане и все правоверные мусульмане будут помогать только ему! Уверенный в своих силах, он всё чаще высылал отряды для грабежа персидских и русских купеческих караванов.

Толмач переводил. Кауфман писал, что имеет высочайшие полномочия на ведение пограничных дел и на движение российских отрядов за Сыр-Дарью для наказания разбойников, в том числе и хивинских, которые, видимо, без ведома высокого хана творят неслыханные злодеяния. Происходят грабежи персидских, российских и других купцов. Совершаются набеги на персидские селенья и южные губернии России с грабежами и угонами людей в рабство. Генерал-губернатор надеется, что хан немедленно примет меры по наказанию разбойников и больше не допустит набегов. Генерал-губернатор ждёт срочного ответа.

Хан сказал русскому посланнику:

– Поезжай к своему начальнику, скажи ему, что ответ ему вскоре будет послан.

Никакого ответа фон Кауфман не получил, а бесчинства грабителей продолжались. Тогда был спланирован поход на Хиву.

* * *

На земле ежечасно, ежеминутно, ежесекундно происходит масса самых разнообразных событий. Многие бесследно уходят в бездну времен, многие запечатлеваются тем или иным способом.

Константин Николаевич с нетерпением ждал писем от сына из Хивинского похода, каждый конверт вскрывал с трепетным волнением и словно сам переживал всё то, что довелось теперь переживать Николе. Письма аккуратно складывались в пачечку, перевязывались муаровой ленточкой, чтобы стать частичкой истории.

Вот отрывки из некоторых походных писем Николы.

*«Оренбург.
22 февраля 1873 г.*

Мой милый Папа.

В первый раз с тех пор, как выехал я из Петербурга, нахожу я время, чтобы писать тебе. Почти всё время мы были в дороге, а где останавливались на несколько минут, так только для того, чтобы закусить. Всюду, на каждой станции железной дороги, до самого Саратова, в каждой деревне от Саратова до Оренбурга встречали власти, а где их нет – жители с хлебом и солью.

Таким образом, остановки утомляют меня гораздо более, нежели самая дорога. Но и в кибитке ехать утомительно. Ухабы страшные, описать их нет возможности. Генерал-адъютант Кауфман, который недели две тому назад проезжал через Оренбург, приехал с огромными шишками на голове и с содранной кожей на боку. Он рассказывал Крыжановскому: в своем возке он летал, как птичка в клетке. Он ехал с одним из адъютантов и то он летал на адъютанта, то адъютант прыгал на него. В самом деле это выводит из терпения. Потребность строительства железной дороги через Оренбург, Ташкент в Индию кажется ещё необходимее.

Ко мне, кроме Штакельберга, присоединился ещё полковник Романов – человек замечательно способный и милый, которого Кауфман пригласил участвовать в экспедиции для научных исследований, в особенности же устья Аму-Дарьи.

Мы предполагаем вести каждый свои журналы, засим при каждом отправлении курьера, при каждом случае сводить их в общее целое и посылать тебе. Мне кажется, что эта мысль заслужит твое одобрение. При этом то, что я забуду или о чем судить не умею – будет пополнено другими. Если ты разрешишь, письма можно отправлять их после твоего прочтения в «Русский инвалид» для печатания. Таким образом, составитя ряд статей. Буду ждать твоего решения.

Обнимаю тебя от всей души и молю Бога о твоём здоровье.
Искренно любящий тебя сын Никола.

Казала. Форт № 1.
8 марта 1873 г.

Мой милый Папа.

Почтовая дорога в киргизской степи поражает своим неблагоустройством. Лошади не кормлены, должны питаться тебенёвкой¹, подобно лапландским оленям, станции огромные, доходят до 40 и 45 вёрст.

Мы вздохнули свободно только в Казале. 4-й стрелковый батальон уже прибыл сюда из Оренбурга. Его привезли на подводах, он отлично и тепло одет, но бураны, заставшие его на пути, сильно его беспокоили. К счастью замороженных не было и больных очень мало. Здесь мы нашли, кроме него, следующие войска, которые войдут в состав Казалинского отряда: 8-й линейный батальон, две сотни оренбургских казаков, четыре горных орудия, два единорога (для будущего укрепления Иркибай), две картечницы и 4 ракетных станка.

В понедельник 5-го числа на площадке, против форта, был отслужен молебен с коленопреклонением. На лицах всех идущих в поход была написана радость (хивинцы здесь всеми ненавидимы, ибо каждый год режут кого-нибудь и где только могут поживиться).

Уже отдано в приказе, что я назначаюсь в отряд офицером Генерального штаба, и при этом мне дано поручение возвести укрепление у колодца Иркибая, на старом русле Яны-Дарьи, для 1-й роты 8-го батальона, первой сотни и двух единорогов, которые нарочно для этого везутся в обозе. От Иркибая начнется уже настоящий военный марш по всем правилам.

Вчера осматривали мы Аральскую флотилию. К сожалению, главные пароходы «Обручев» и «Самарканд» зимуют в Перовском. Мы увидим их в Аму-Дарье. Генерал Кауфман приказал им идти туда в начале апреля. Они должны производить промеры и поддерживать сообщение между Туркестанским и Оренбургским отрядами. Жаль только, что при постройке всех пароходов желали достигнуть две цели: чтобы они ходили морем и рекою. А вышло, что для моря они слишком малы (и плоскодонны), а для Сыр-Дарьи велики.

Мы все теперь заняты покупкой лошадей. Все они киргизской породы: маленькие, но удивительно крепкие и, главное, могут несколько дней оставаться без корма.

1 *Тебенёвка* – добыча лошадыми корма в осенне-зимний период из-под снега глубиной до 40 см. В степи люди почти не заготавливали на зиму сено, животные круглогодично находились на подножном корме.

Мы надеемся, что будущие письма с похода будут интереснее. Обнимаю тебя от всей души, дорогой Папа, желаю тебе приятно встретить праздник Пасхи, который нам придется провести в пустыне и без церкви.

Искренно любящий тебя сын Никола.

*Бивуак у колодцев Иркибай.
25 марта 1873 г.*

Милый Папа.

Вот уже две недели прошло после нашего выступления из Казалы. Мы уже три дня стоим в Иркибае, здесь мне приказано возвести укрепление. Весь 8-й линейный батальон был прислан в мое распоряжение для земляных работ. Я выбрал место на берегу высохшего русла Джаны-Дарьи на высоте, которая командует всей местностью. За трое суток форт был готов и орудия поставлены. (Одно из них на станке генерал-адмирала). Сегодня подымут флаг и введут гарнизон. В Карабас-Бургуте (предпоследний наш бивуак) и в Иркибае мы нашли колодцы заваленными и солдаты с великим трудом их вычистили. В одном нашли собаку, немного только раздутую. Это первое враждебное действие со стороны Хивы. Вчера джигиты наши привезли известие, что хивинцы укрепляют крепость Клыч на озере Дау-Кара. И высланы их отряды к Мин-Булаку, следовательно нам навстречу. Там же находится разбойник Садык.

Киргиз, посланный начальником отряда в Казалу, уезжает и потому я должен закончить. Обнимаю тебя крепко и от всего сердца.

Твой верный сын Никола.

*Бивуак на колодцах Юс-Кудук
на восточном склоне Буканских гор.
5 апреля 1873 г.*

Милый Папа.

В первый раз с выхода нашего с Иркибая удается мне отправить к тебе письмо с посланным в Казалинск киргизом. Возведя в Иркибае укрепление и оставив в нём две роты и одну сотню, мы выступили 28-го марта. Меня назначили командовать авангардом. Главные силы и арьергард выступили 29-го и 30-го. Ко мне поступили 2 роты 4-го Туркестанского стрелкового батальона, первая рота 8-го линейного, взвод 3-х фунтовых нарезных горных орудий, две картечицы, нуртоповские колодцы, понтоны, караван Общества попечения о раненых при докторе Grimme, часть интендантского

транспорта и 25 оренбургских казаков; всего около 600 человек и 750 верблюдов.

Мы вступили в Кызыл-Кумы, имея запас воды на трое суток. Первый переход был в 40 верст, вторые два по 30 по ужасным сыпучим пескам. На наше счастье на полдороги мы нашли лужу от снеговой воды, в которой напоили верблюдов. Всего мы потеряли 30 верблюдов, и 15 человек заболело. 30-го мы пришли на колодцы Кызыл-Как и тут дневали. Колодцы глубиною 18 сажень, с трудом доставали воду.

2-го апреля мы, сделав два перехода, были уже в Буканских горах, буквально исполнив предписание Кауфмана: к третьему числу быть на пункте соединения Казалинского и Джизакского отрядов. Мы расположились в ущелье на отличных родниках Бокале и ожидали на другой день вестей от генерала Головачева из Юс-Кудука. Вдруг явилось предписание нашему отряду немедленно спешить чрез Юс-Кудук на Тамды и Аристан-Кудук к Джизакскому отряду, который находится на колодцах Аяк в 200 верстах от нас.

Это произошло потому, что они потеряли массу верблюдов, а неофициально – потому, что интендантский транспорт их опоздал, и они не могут двинуться далее. Мы своим движением прикроем их ошибку.

Киргизы всё показывают, так же и афганец-лазутчик хивинский (пойманный моими джигитами), что Садык с 2000 кавалерии стоит на Мин-Булаке, в 40 верстах от Бокале, куда Туркестанский отряд должен был двигаться по дороге к Шурахану. Теперь же он, по соединении с нами на Аристане, пойдет через бухарские владения на Халату к Аму-Дарье. Мы опаздываем на две недели и будем на Аму не 15-го, а 30-го. Завтра в 4 часа утра авангард выступает отсюда, и я надеюсь 11-го доставить его в Аристан-Кудук. Это первая крупная неудача. Обнимаю тебя, милый Папа, от всей души.

Твой верный сын Никола.

*Бивуак в бухарских владениях, на колодцах
Кужумды. 18 апреля 1873 г.*

Милый мой Папа.

Я не могу тебе описать, как я глубоко тронут твоим ласковым и интересным письмом. Оно глубоко запало мне в душу и обрадовало меня неописанно. Я так счастлив, что могу сказать тебе теперь всё, что думаю и делаю, хорошо ли оно или дурно. На будущее время, я убежден, отношения эти не изменятся никогда и, кроме хорошего, для меня из этого ничего не выйдет.

Письмо твое я получил в Тамды, близко от бухарской границы, в 508 верстах от Казалинска. Курьер приехал вместе с Квитницким, который назначен во 2-й линейный батальон. Я с ним тут же познакомился, разумеется, неофициально. Он показался мне очень милым и вовсе не тяжёлым человеком. Теперь я нахожусь уже в Главной квартире, живу в бухарской палатке, которая стоит возле ставки Кауфмана. Я явился к нему по приказу по отряду из Аристан-бель-Кудука и нагнал его уже на колодцах Чур-Кудук. Мне пришлось сделать 70 верст, я прибыл поздно ночью, когда все спали.

В три часа была назначена заря и вьючка. Я явился моему начальнику в три часа в полной походной форме. Он показал мне приказ по всем войскам, где мне объявлялась благодарность за исправное возведение укрепления и о названии его Благовещенским, в память дня поднятия на нем русского флага. Это было 16-го апреля.

Мы сделали огромный переход в 50 верст, и пришли только в 10 часов вечера на следующие колодцы Султан-биби.

17-го, вчера, отпраздновали с криком «ура» и молебном великий праздник, после чего Кауфман принял депутацию от бухарского эмира и кокандского хана, которая принесла ему поздравления. Мне подарили от имени хана кокандского лошадь.

Очень грустно мне было расставаться с Казалинским отрядом, который движется за нами в двух переходах. Я сблизился с офицерами 1-й роты линейного батальона и 3-й и 4-й рот стрелкового. Мы друг друга полкубили и они тронули меня, сделав мне проводы, когда я с ними расставался.

Здесь немного иначе. Не могу сказать, чтобы люди Главной квартиры, в которой невольно придется мне вращаться, возбуждали симпатию. Сплетни и интриги доходят до огромных размеров. Начальник штаба Троицкий отличный человек, из Малороссии. Он предупредил меня сам, чтобы я был как можно осторожнее и не сблизжался ни с кем. Он говорил, что каждое мое слово будет передаваться в искаженном виде в Петербург.

Мы находимся теперь в одном переходе от хивинской границы. Халага. Тут построим укрепление для интендантских складов и двинемся к Аму-Дарье. Мы можем быть на ней 26-го апреля.

Что касается до моего здоровья, то оно довольно хорошо. Многие имели лихорадку, а я ничего. Холода не вредили мне ни сколько. Напротив того, жары, которые делаются нестерпимыми, действуют на меня скверно. Я сильно ослабеваю, у меня болит горло, как то было в Ницце, и я чувствую боль в левой стороне

груди. Мы с Моревым хлопочем достать кумысу, но он думает, что в жару, которая ещё значительно усилится, я ещё более ослабну. В Хиве, в садах, может быть будет лучше.

Обнимаю тебя крепко, мой милый Папа. Желал бы ужасно тебя скорее увидеть; одиночество дурно действует на мою голову и сердце, но нечего делать.

Твой верный сын Никола.

*Лагерь при Халата (Укрепление св. Георгия).
28 апреля 1873 г.*

Милый Папа!

Прошу И. И. Мореву писать за меня, так как я слаб вследствие бывшей у меня лихорадки. Здесь, в Халата, в течение нескольких дней дули ужасно сильные ветры. В одну из самых бурных ночей с 23 на 24-е апреля в 2 часа ночи раздалось три выстрела на передовых постах, ударили тревогу, и отряд немедленно встал в ружье. От массы песку, носившегося в воздухе, едва ли можно было различить друг друга в нескольких шагах. Оделся я на скорую руку, и меня прихватило. Мы тщетно ожидали нападения.

Скоро было донесено, что неприятельская шайка наткнулась на передовой казачий пикет, стоявший по направлению предстоящего нам пути к Аму-Дарье, и, сделавши несколько выстрелов, быстро отступила. На другой день на месте происшествия найдены были ружье и пистолет, брошенные неприятелем.

В ночь с 17 на 18 апреля в Казалинском отряде произошло грустное событие. Полковник Романов, который ехал с нами от самого Петербурга и мечтал об исследовании русла Аму-Дарьи для заведения на ней пароходства, выстрелил себе в рот и наутро скончался. Он оставил мне письмо, которое я при этом прилагаю, и которое на меня произвело ужасно тяжёлое впечатление. Трудно было ожидать от человека с его спокойным взглядом на вещи, умом и образованием подобного события.

По проекту мы должны бы быть на Аму-Дарье у Шурахана 15-го апреля, но вот 28-е, а мы ещё далеко от нее. Официальная причина тому, конечно, утомление верблюдов, безводное пространство, неизвестность вновь выбранного пути, а, в сущности, Джизакский отряд более недели питался зелёными сухарями, а лошади стояли пять дней без ячменя. Провиантский транспорт до сих пор не подошёл, и если бы не Казалинский отряд, уделивший, по соединении, часть пищи Джизакскому, и не любезность бухарского эмира, который подарил и прислал нам муки и ячменя, то мы, может быть, усеяли бы его страну нашими трупами.

К.П.Кауфман поручил нескольким офицерам Генерального Штаба, а также и мне составить план движения к Аму-Дарье по безводному стовёрстному пространству. Пески ожидают нас громадные и, по донесениям, неприятель хочет ими воспользоваться, дабы задержать нас в безводном месте.

Моя слабость после лихорадки прошла бы гораздо скорее, если бы не было таких страшных жаров, от которых у меня приливает кровь к голове, как это бывало со мною и в Петербурге. Только и можно жить вечером, по заходу солнца, и ночью. А теперь ещё апрель месяц, что же будет в мае, июне и июле?

26-го числа в 6 часов вечера двинулся передовой отряд, который направился из Халата на колодцы Адам-Крылган. В этом отряде должен был идти, и я помощником начальника отряда, но слабость после лихорадки не позволила. В 9 же часов вечера произошло столкновение с неприятельскою шайкой. Дело было так, что подполковники Иванов и Тихменев с 4 казаками и с несколькими джигитами удалились от авангарда отряда более чем на версту вперед. В местности, где дорога пролегла между песчаными, довольно высокими холмами, они моментально были окружены неприятелем, спешили и отстреливались в течение нескольких минут.

Между тем один джигит дал знать отряду об опасности, подошло ещё 8 казаков на помощь окруженным в тот момент, когда подполковники Иванов и Тихменев, и все окружённые казаки были ранены и едва держались на ногах. От вновь прибывших казаков неприятель было рассеялся, но когда увидел, что их мало, снова начал нападать. К счастью, приблизилась авангардная стрелковая рота и выручила раненых из безвыходного положения. Видя приближение стрелков, неприятель немедленно рассеялся, не оставив на месте ни одного из своих. Один из посланных нами джигитов вернувшись, донес, что он был в неприятельском лагере и видел шайку туркмен на Аму-Дарье в 6000, а также слышал, что в двух стычках с нами убито 9 туркмен.

Крепко обнимаю
Твой Никола.

*Бивуак на Аму-Дарье у Уч-Учага.
12 мая 1873 г*

Мой милый Папа.

Ты будешь поражен безобразием моего почерка, но это неизбежно: я пишу на полу, так как столы и стулья уже давно нами брошены для уменьшения тяжестей. Живем мы с Моревым в

маленькой бухарской палатке, которая весит полтора пуда, спим на кошмах, под шинелями, питаемся кашей и консервами, больше ничего у нас не имеется, и живетя всё-таки хорошо.

Какая радость, какое торжество! Мы дошли до реки; два месяца ровно не видели мы ни души, ничего кроме песков и колодцев. Первые люди, которых мы увидели, был неприятель. Только третьего дня на Алты-Кудуке (когда все мы были в грустном настроении, ввиду предстоявшего похода к Аму по безводной пустыне, перехода, величины которого никто не мог определить, так как хивинцы преградили дорогу) получил я твое милое письмо от 15-го марта; итак, я через два месяца узнал, что ты был опасно болен, это ужасно подумать, до какой степени я далеко от всех милых сердцу. Это одно меня очень смущает, потому что этот поход, который, по мнению всех, самый трудный из всех бывших в Средней Азии, я переносу хорошо. Только вот климат даёт себя знать.

Странная вещь: мороз и холодный ветер, который я перенёс во время путешествия в Казалу и в начале похода я даже не заметил, а как только начались большие жары, я заметил, что здоровье моё здесь никуда не годится. Лихорадка, продолжавшаяся шесть дней, оставила слабость ещё несколько дней, боль внутри груди и в правом боку, которой я прежде не знал, ранки во рту показались снова, как в Италии, прошлой осенью. Только рано утром и ночью я совершенно здоров. Последнее время мы двигаемся походом ночью. Это меня спасает, впрочем, я пишу это только потому, что ты желал знать о моем здоровье, я чувствую, что служу, что исполняю свой долг и мне решительно всё равно до моего здоровья.

9-го вечером мы выступили с Алты-Кудука. Ночью остановились часа на два отдохнуть, неприятель сделал по бивуаку четыре выстрела, войска быстро стали в ружье, но ничего более не вышло. В 2 часа мы снова поднялись и пошли. В 7 часов торжество овладело всеми, до последнего солдата; мы поднялись на высокий бархан и увидели знаменитые три холма Уч-Учага. Генерал Кауфман поздравил войска с водою. Дорога была ужасная, песчаная. Оставалось ещё верст 30 до Аму.

День мы провели на месте. Вечером снова пошли и, не доходя верст 12 до реки, мы увидели все верхушки барханов впереди и по сторонам усеянными неприятельскими всадниками. Это были их передовые посты. Они явно решились преградить нам дорогу, думая, что мы придем измученные, без воды. Они открыли огонь из ружей с коня и из мультуков. Наши стрелки им отвечали.

В это время мы расположились бивуаком до утра, ночью драться было бы рискованно. Весь вечер длилась перестрелка

Картина Василия Верещагина «Нападают врасплох»

с нашими пикетами. Иногда их джигиты (туркмены, самые отчаянные) выезжали вперед и, подъехав к нашим шагов на 400, стреляли и быстро скакали назад. Некоторые из них попадали от бердановских выстрелов. Всю ночь стреляли они по нашему лагерю. Пули летали через голову. Странно мне было слышать их свист и, признаюсь, сердце билось сильнее.

Весь наш лагерь был окружен их огнями, они отдыхали и грелись. В 4 часа мы поднялись и пошли. Они с криком кидались навстречу, но наши пули скоро их отогнали. Против нас было 3000 всадников: туркмен, киргизов, узбеков и каракалпаков (по сведениям пленных) под начальством двух диван-беги и Садыка. Много у них было потерь. Я в бинокль ясно различал, как падали они с лошадей. Раненых они подхватывали за кушаки и тащили с собою.

Часа через два мы подошли к длинному хребту, который тянется от трех холмов направо вдоль реки. За ним, по показаниям лазутчиков, расположен неприятельский лагерь и лодки. Хивинцы стали толпами собираться у подошвы хребта. Мы выкатили два конных орудия и пустили две гранаты сажень на 800. Эффект был удивительный. Вторую разорвало у толпы, и она разнеслась во все стороны. Они отступили через хребет, видимо, в лагерь.

Генерал Кауфман приказал всей кавалерии (5 сотен) двинуться для преследования. Мне и Ежену приказано было явиться к начальнику кавалерии полковнику Главацкому и идти с ним. Он дал мне две сотни и Ежена послал с наездниками. Мы перешли через хребет, бросились в атаку в лагерь; неприятель у нас под носом его покинул и отступил в полном беспорядке. Лагерь был пуст, заблаговременно всё увезли на лодках. Лошади наши сделали 60

верст, не пили сутки, однако, мы решились идти далее, направо вниз по Аму.

Пройдя верст семь, мы с крутого берега увидели двенадцать лодок в семи верстах, нагруженных, которые переправлялись на левый берег. Это был конец неприятельской переправы. Мы, на огромных рысях, пошли вдоль берега к месту переправы, послав офицера с донесением об этом к Кауфману. Мы пришли туда через полчаса, выдвинули ракетный дивизион; я приказал Уральской сотне спешиться, и открыли огонь по хивинским лодкам. Одна из них была под красным флагом. Потом узнали от пленных, что это был один из диван-беги. Она была уже далеко, а последнюю наши выстрелы осыпали, многие из нее кинулись в воду, одна лошадь упала, на ней был провиант, бараны и бочки. С левого берега и с лодок нам отвечали выстрелами из фальконетов.

Кавалерия быстро отступала от нас по барханам, вдоль берега, не удалось нам порубиться шашками. Раз, видя гибель товарищей на лодке, которые тонули, конные туркмены собрались в толпу и остановились, но, увидав шипящие ракеты, летевшие к лодке, быстро повернули и марш-марш, скрылись из виду. Наши казаки и киргизы поймали несколько человек и множество лошадей.

Враги были вооружены курковыми ружьями, шашками, пистолетами. Ни одного не только фитильного, но даже кремневого ружья. Лодка села на мель. Уральцы бросились вплавь с лошадьми и с шашками и, взобравшись на нее и надев хивинские халаты и шапки (они были голые), сдвинули её с места и пригнали к берегу. Лодка-трофей оказалась огромная, способная поднять до 800 пудов. Нам это кстати при переправе. Генерал Кауфман, узнав о нашем движении рысью, пустился нас догонять. Подъезжая, он увидел сильный дым, пальбу и беспокоился, но вскоре обрадовался, узнав о происшедшем. Неприятель, по словам пленных, разбит наголову, вся Хива наша, паника распространяется по всему ханству.

Мы стали твёрдою ногою на Аму-Дарье. Завтра двигаемся далее и думаем ко дню твоих именин быть в Хиве. Трудная часть похода окончена, остается военная прогулка по садам Хивинского оазиса. Кончаю, мой милый Папа, немного устал писать лежа, а курьер едет скоро. Обнимаю тебя крепко от всей души. Я просто в восторге.

Твой верный сын Никола.

* * *

Никола, каким бы его не считали родственники, в этих письмах показал себя предельно скромно. Он не рассказал, как 22 мая послан был на фуражировку отряд из двух рот пехоты, который в

шести верстах от хазарского колодца был встречен бешеным огнем противника. Битва состоялась в садах. Люди падали мёртвыми среди прекрасных деревьев. На выручку нашим храбрецам Никола двинулся с двумя ротами и с двумя орудиями. Гранаты нанесли противнику немалый урон. Пули свистели возле головы Николая Константиновича, пробили козырек фуражки. Но он этим пулям не кланялся, не падал на землю, не прятался. Обычно военные это называют так: «от пуль не бегал». Солдаты и казаки удивлялись отчаянной смелости Великого Князя. Это их воодушевляло.

И когда 29 мая настало время штурма Хивы, авангардом Казалинского отряда командовал опять Никола. И опять пули свистели со всех сторон. Непосредственному начальнику Николы генерал-лейтенанту Верёвкину пуля пробила щеку пониже виска... Самого Николу Бог миловал.

11. ВОДА КОЛОДЦА ХЕЙВАК

Кауфмана ждала депутация хивинцев. Спешились с коней и преклонили колена перед русским генералом вновь избранный хан Атаджан-тюря и его престарелый дядя Сеид-Омар.

– Я требую открыть Хазараспские ворота, – именно через них я желаю вступить в город, свезите к воротам все пушки и сложите всё ваше оружие... – заявил генерал.

Вскоре вестовой принес записку из города: исполнены все требования относительно ворот и орудий. Генерал Кауфман вступил в Хиву весьма торжественно. Девять рот и семь сотен двинулась с музыкой и с развернутыми знаменами. В огромной свите генерала, составлявшей до 300 всадников, следовали Великий Князь Николай Константинович, герцог Лейхтенбергский Евгений Максимилианович, генералы Головачев, Троцкий, Пистолькорс и Бордовский, посланник при Японском дворе Струве, медицинский инспектор Суворов, американский корреспондент Мак-Гахан, уполномоченные «Красного Креста» и множество других официальных лиц. Возле Хазараспских ворот лежали снятые со стен орудия, и стоял старик Сеид-Омар с обнажённой головой. А за ним – громадная толпа горожан, сельского люда, пригнанного сюда для обороны города, и пленных персов. Они видели в солдатах своих избавителей от тяжёлой неволи и громко приветствовали русских воинов...

Колонна остановилась на площади перед дворцом хана. Здесь генерал Кауфман объехал строй и, остановившись затем в середине каре, произнес громко и внятно:

– Братцы! Презирая невероятные трудности с героическим самоотвержением, вы блистательно исполнили волю нашего возлюбленного Царя-Батюшки. Цель наша достигнута: мы – в стенах Хивы. Поздравляю вас с этим молодецким подвигом, с победой, и именем Государя Императора благодарю за ваши труды и славную службу дорогому отечеству!

Ответом на это было столь оглушительное «Ура!», что толпы хивинцев шарахнулись в стороны, а некоторые попадали наземь.

Внутри Хива казалась не такой большой, как снаружи. Обширные пустыри, сады, несколько кладбищ. Арк, правильный четырехугольник, тесно застроенный и обнесенный оградой ещё более высокой, чем внешняя. В арке – ханский дворец.

Караван-сараи из жёного кирпича. Крытый базар, как бы поставленный на землю купол, с круглыми дырами наверху для проникновения солнца внутрь, дабы освещало оно прилавки и ларьки торговцев. Притом внутри купола не было такого дикого пекла, как снаружи. Продавцы и покупатели могли торговаться не спеша. Там же мальчишки продавали подслащенную воду со льдом.

За дворцами – лабиринт глинобитных избушек, улочки, где двум ишакам не развернуться. Ворковали многочисленные арыки. Женщины несли на головах тазы с фруктами, кувшины с водой и тюки с домашним скарбом.

Отряды русских воинов расположились на отдых в обширном фруктовом саду, принадлежащем Сеид-уль-Омару. Сад этот, обнесенный глинобитною стеною, раскинул на обширном пространстве абрикосовые и персиковые деревья, а также виноградную лозу и гранаты. Сад пересечен множеством неглубоких арыков, наполненных водою. Здесь поместились восемь рот пехоты, два орудия, лазарет и другие части.

Для раненых офицеров устроено было весьма удобное и тенистое помещение на террасе находившегося в саду дома, впереди которого был большой бассейн.

Генерал Кауфман запретил продавать и покупать незрелые или гниловатые овощи и фрукты. Запрещено было продавать спирт и водку. Находившиеся в продаже у маркитантов и торговцев всякого рода спиртные напитки были опечатаны печатью начальников отрядов и не могли быть отпускаемы в частную продажу.

Строгость всех этих мер позволила уберечь войско от болезней и недопустимого в военном лагере пьянства.

Никола, совершенно незнаваемый от восточного загара, прошёл к знаменитому колодцу Хейвак, чтобы испить сладкой влаги.

Картина В.Верещагина «Пусть Войдут» (1871), посвящена взятию Хивы.

Эта вода из колодца доставалась с помощью ишака. Он шёл по кругу, наматывая цепь на деревянный стержень. Из древней глубины поднималась в деревянном жбане волшебная вода. Никола испил её и улыбнулся, вода показалась действительно волшебной, вода была сладка, как поцелуй Фанни Лир.

Он ей писал, но не так часто, как хотелось. Скоро они встретятся, он выдержал испытание, и может возвратиться домой. Пачка её писем всегда хранилась в нагрудном кармане, и тонкий аромат французских духов напоминал о многом, так, что сердце билось часто-часто.

Его радовало то, что в этом походе он не дрогнул, не поддался животному страху, который имеет каждое живое существо. Он во главе авангарда Казалинского отряда, понесшего наибольшие потери, следовал одним из труднейших маршрутов через пустыню Кызылкум. Иной солдат сходил с ума от жары, безводья и песков, и тогда приходилось его тащить за собой на веревке. Первая же разведгруппа, возглавленная Николой, попала в такой плотный артиллерийский огонь, что в отряде их возвращения живыми уже не ждали. И люди видели, что Великий Князь отдаёт расчетливые, умные приказы, ведет себя стойко и мужественно. Это и помогло отряду не дрогнуть, не кинуться в бегство.

Слава Богу, всё кончилось. На войне Николу мучила не только жара, но и мизерность употребления воды на пищу и питье, для купанья и обмыванья, для стирки белья и мытья посуды. Сколько бы ни был он неприхотлив, всё-таки выносить это всё много дней подряд в песках, в дикой жаре было тяжко.

Обратный путь показался Николе намного легче, хотя кочки и ухабы на дорогах были те же, да и расстояние до Петербурга тоже не уменьшилось. В багаже он вез немало записей, зарисовок, а так же восточных диковин, в том числе и подаренную ему маленькую бронзовую бухарскую пушечку с настоящими ядрами для неё.

На больших станциях в селениях и городах его встречали громкими криками «Ура!» толпы народа. Ему подносили хлеб-соль и подарки: дорогие иконы, кресты, перстни, выбитые специально в его честь памятные медали. Именно во время триумфального возвращения в Петербург Никола собрал почти целый воз дорогих и редких икон, картин, статуй, различных поделок местных умельцев.

Устраивали ему пышные обеды. Всегда в речах звучали слова «наследник», «цесаревич». Ему даже приходилось обрывать некоторых ораторов. Он очень хорошо понимал, что такие приветствия кое-кому в столице придутся не по нраву. Это правда, что при дворе многие шепчутся, вот, мол, родился с золотой ложкой во рту. Его подобный шум всегда коробил. Он ничего пока не желал, он искренне заинтересовался Востоком, наметил для себя вехи по изучению этого экзотического края. А больше всего он желал бы поскорее обнять свою милую Фанни.

По возвращению в Петербург он был награжден орденом святого Владимира третьей степени, что воспринял, как издевку. Это удивило многих командиров, видевших его на ратном поле. Он рассчитывал, по меньшей мере, на «Георгия». Друзья ему пояснили, что ему вменили в вину некую отлучку из отряда, хотя на самом деле ничего подобного не было. И он понял: несмотря на все его старания, его стремятся «задвинуть в угол».

По долгу вежливости первый визит его был к матери, она даже всплакнула, увидев похудевшего и загоревшего сына.

– Чистый эфиоп! – только и вымолвила она. Общих тем не было, от обеда Никола отказался, сказав, что только что отобедал.

– Ну, Господь тебя благослови! – неловко перекрестила она его.

Первенец казался настолько отдалившимся от неё, что был почти чужим. Отец же обнимал его бурно, говорил, что всегда верил в него, и что Императорское русское географическое общество, недавно получившее несколько его писем с описанием Хивы, непременно желает видеть его на очередном своем заседании.

И, наконец, было самое главное – он увидел свою Фанни. Она повисла на нем, приговаривая:

– О! После этой пустыни тебя надо отмачивать в Карлсбадских водах, а затем освежать на парижских выставках... – каждое слово сопровождал поцелуй. – Ты, конечно, будешь обедать?

– Да, я от матушки ушёл, я от батюшки ушёл, а от тебя Фанни ни за что не уйду.

Фанни крикнула прислуге, чтобы накрывали на стол.

Он явился в свой родной полк обстрелянным бойцом, ему было что рассказать о дальних краях и баталиях. Офицеры и солдаты приветствовали его как героя.

Подготовил он и подробнейший доклад для видных деятелей географического общества. Все понимали необходимость экспедиции в среднюю Азию. На собрании его избрали не только почетным членом русского географического общества, но ещё и решили, что экспедицией, названной Амударьинской, будет руководить именно он.

Никола вернулся в Петербург с удивительными воспоминаниями о стране, похожей на сказку о Синдбаде-мореходе. Да, там действительно таились чудеса, которые ещё никем не открыты. Пещеры с сокровищами. Он даже Фанни прожужжал все уши воспоминаниями о древних стенах крепостей, дворцах, минаретах. Там возвышаются сказочного роста платаны, там пирамидальные тополя упираются в небеса, как острые пики. Там в зарослях роз в аспидно-чёрной ночи под огромной луной свищут соловьи. Его всерьез заинтересовала ориенталистика.

– Я напою тебя и всю Россию сладкой водой из колодца Хейвак! – сказал он своей милой подруге. И Фанни поверила. Её возлюбленный – великий и могущественный человек.

12. ТРИ БРИЛЛИАНТА

Призрачное мерцание заиндевевших деревьев и не менее призрачные в морозные дни дворцы над Невой. Этот город может быть пугающе-величественным. Он кажется колдовски красивым, когда схлынет мороз и крупные снеговые шапки на головах статуй уменьшатся. Но когда морской, холодный и мокрый ветер продувает пустынные проспекты, хочется скорее умчаться куда-то, где много солнца и ласково призывно рокошет море.

Вскоре Фанни с Николой отогрелись в тёплой Италии и приехали в заманивающий рекламой, огнями, криками газетчиков, подмигивавший огнями кабаре и театров Париж. Если здесь и было величие, то другое – жизнерадостное, поражающее фантазией, какой-то особенной неугомонностью. Здесь все как бы заключили договор жить шутя и шутить живя.

Но божественная жизнь несет в своих длинных тонких пальцах не только шедевры живописи, музыки, стиха, но и вывернутые наизусть человеческие взаимоотношения. В те дни, когда Фанни Лир и Никола появились в Париже, город был полон пересудами о том, какие оригинальные плоды принесла дружба двух титанов: Поля Верлена и Артюра Рембо. Между ними происходили бесконечные ссоры, расставания и примирения. Недавно в Брюсселе Верлен выпил столько, что в беспомысленности выстрелил в Рембо, ранил его в запястье. Осознав, что натворил, Верлен дал пистолет Рембо, умоляя, чтобы тот убил его. Рембо отказался, и они отправились в больницу, чтобы обработать рану. Но на улице Верлен затеял новую ссору, вновь вытащил оружие, и Рембо пришлось звать на помощь полицию. Результат: Артура Рембо забрали в больницу, а Верлена арестовали и приговорили к двум годам лишения свободы.

– Несчастный! – сказала Фанни. – а ведь он пишет такие добрые нежные стихи, один его «Пастушок» чего стоит, вот послушай, – она стала в позу:

Я боюсь поцелуя:

Он – пчелиный укус,

Днём и ночью влачу я

Страха тягостный груз.

Я боюсь поцелуя!

Но глаза хрупкой Кэт –

Словно пара агатов.

И лица её цвет

Обольстительно матов.

Ах, мне нравится Кэт.

Завтра день Валентина,

И предстать должен я

Перед нею с повинной...

Где ж решимость моя

В страшный день Валентина?

Мы помолвлены с ней -

Это было бы счастье,

Если б в лучший из дней,

Тайной мучимый страстью,

Я не млею перед ней!

Я боюсь поцелуя:

Он – пчелиный укус.

Днем и ночью влачу я

Страха тягостный груз.

Я боюсь поцелуя!

– Ну, каково? – спросила Фанни.

Никола удивился:

– Откуда ты всё это знаешь? Ты много читаешь газет и книг?

– А что же делать женщине, если её мужчина где-то за тридевять земель сражается, совершает подвиги и рискует жизнью! Я надеюсь, что больше ты никогда не будешь от меня уезжать на такой большой срок. Мне было так грустно без тебя. Я за тебя безумно боялась. Если ты поедешь в экспедицию к этим минаретам, соловьям и розам, то и я поеду с тобой.

На одной из улиц Фанни заметила рекламу цирка «Барнум». Ей захотелось увидеть представление. Никола стал её отговаривать:

– Ну что ты, в самом деле? Цирк – это развлечение детей и дворников.

– А я хочу. Давай будем считать, что ты мой папа, а я твое дитя. – Никола согласился. Он здесь инкогнито, можно и в цирк, и в трактир, и куда угодно.

На представлении, как ни вглядывалась Фанни в лица артистов, но ни одного знакомого лица она не увидела. Фокусник в программе был. Он тоже умел заглатывать шпагу, а вместо неё вытаскивать изо рта змею. Но он не умел распиливать пополам юных девочек.

Нет, это был другой цирк, другие люди. А если бы кто-то и попался из людей знавших Фанни раньше, они бы всё равно не узнали её, выросшую и роскошно одетую. Никола откровенно скучал. Но вдруг объявили, что на манеже будет выступать кони из королевской конюшни. Никола оживился. Фанни поняла, что и кони, и дрессировщики тут – другие. Но номера были те же. Была даже кобылка с гривой до самых копыт. Фанни вдруг ощутила, что зря попросилась в цирк. И Том, и всемирный маг Али Бурхан, и аристократ маркиз де Амбуаз навсегда ушли из её жизни. У неё есть только Никола, а если и он исчезнет, то у неё уже не будет ничего. Нет-нет! Николу она не отпустит. Это – её судьба.

Фанни наморщила нос. И шепнула:

– Никола! Давай уйдем. Какая я была дура, что затащила тебя в этот балаган.

– Ну, я же говорил. Впрочем, лошади у них очень интересные. Отличная дрессировка, великолепная джигитовка...

Фанни стала грустной, и Никола это заметил:

– Что-то моя девочка хмурится как зимнее Петербургское небо? Но не надо беспокоиться, мы вернёмся в российскую столицу в самый радостный момент, когда на деревьях будут набухать почки, а в талых лужах будут прыгать и горланить воробы.

На одной из выставок картин Фанни неожиданно увидела маркиза де Амбуаза. Он раскланялся с ней, взял под руку, отвел в комнату, где выставлялись монументальные статуи, в это время Никола стоял как зачарованный перед старинным французским пейзажем. Граф сказал Фанни:

– Я очень рад видеть вас, моя крошка. Я приглашаю вас завтра в обед посетить мой дом, но без вашего покровителя. Нет-нет! Не беспокойтесь, увы, я теперь почти безопасен для женщин. Просто у меня будет один человек, который давно восхищается вашим талантом и теперь хочет высказать добрые слова. Вашему высокому покровителю вы скажите, что везёте дочь Жанну показать знаменитому французскому детскому врачу. Вот так, приезжайте ко мне вместе с Жанной.

Фанни была несколько заинтригована. Но она полагала, что маркиз не способен ни на что дурное. На другой день она сказала Николе, что хочет показать Жанну детскому врачу. Жанна недомогает, а именно в Париже есть лучшие специалисты по детским болезням.

– Конечно, милая, – отвечал Никола. – Езжай, поскучаю немного один, мне надо подготовить к отправке закупленные картины и скульптуры.

В доме маркиза уже был накрыт стол. Фанни всегда смешило то, что на столе у французских аристократов среди прочих блюд всегда присутствуют свежие перепелиные яйца. Высасывать содержимое из малюсеньких скорлупок неудобно и мучительно, а вот, поди ж ты!

Маркиз де Амбуаз отправил Жанну с горничной в комнату для игр. Он сказал:

– Там много игрушек и Жанне составят компанию две мои премиленькие правнучки, они такие затейницы!

Затем Маркиз познакомил Фанни с пожилым господином, чопорным и холеным. Он назвался Джоном Маккллойдом. И сказал:

– Вы англичанка, мисс, это видно сразу, я – тоже англичанин.

– Но я родилась в Америке, – возразила Фанни.

– Это ничего не значит, в ваших венах течет английская кровь. Ведь ваши родители приехали в Америку именно из Англии. И вы должны сочувствовать вашей великой прародине. Сейчас вы поднялись очень высоко. Ваш друг – будущий монарх России. Это по общему признанию талантливейший из всех сегодня существующих Романовых. Возможно, что он женится не на вас,

из-за этих глупых предрассудков, заставляющих царей искать себе невест обязательно царской крови. Но бывают и исключения. Мы в Англии сочувствуем вам и хотим помочь вам в вашей дружбе с будущим императором. Вот пакет с деньгами. Это крупная сумма. Она позволит вам не зависеть от денег вашего друга. Мужчины, как бы не любили своих подруг, всё-таки всегда чуточку жалеют, если приходится тратить на них слишком много.

Деньги, которые я вам передаю, это подарок от доброй старой Англии. Но это не всё. В Петербурге наш посланник и другие англичане будут помогать вам, с тем, чтобы вы по-доброму отнеслись к своей прародине, когда станете императрицей. И даже если вы останетесь только любовницей императора, мы всё равно будем рассчитывать на вас.

Маркиз с аппетитом высасывал перепелиные яйца. Звенели бокалы, Фанни подумала о том, что как-то неловко брать деньги у старого господина, она и так ни в чем не нуждается. Потом вспомнила старую поговорку о том, что деньги никогда не бывают лишними. И, если ей передаёт привет прародина, пусть будет так. Об этом, как она поняла, – никто никогда не узнает.

Вскоре она с Жанной вернулась к своему Николе. И стала вместе с ним сортировать купленные в Европе редкости.

Был апрель 1874 года. Они возвратились из Европы довольные и счастливые. Никола пополнил свою коллекцию, Фанни привезла модные духи и несколько томиков французских поэтов. Николе исполнилось двадцать четыре года, столько же лет было и Фанни. Влюблённые были по-настоящему счастливы.

Неожиданно в семье Николы разразился скандал. Бывшая принцесса Саксен-Альтенбургская, которая, выйдя замуж за Константина Николаевича, в России стала Александрой Иосифовной, готовилась к поездке в Штутгарт, где должна была состояться свадьба её дочери Веры с герцогом Вюртембергским. Во время сборов княгиня увидела, что в дворцовой часовне на той самой иконе, которой император Николай Первый благословил её брак с Константином Николаевичем, не хватает трех дорогих бриллиантов.

Она подняла такой истерический шум в мраморном дворце, что Константин Николаевич вызвал полицию. Вскоре бриллианты были найдены в одном из ломбардов Санкт-Петербурга.

Выяснили, что сдал их туда адъютант Николы Верняховский. На допросах он говорил, что ничего не воровал, а только отнёс в ломбард камни, переданные ему Великим Князем Николаем Константиновичем.

Николай, присутствовавший на допросе, сказал:

– Дайте мне библию, и я поклянусь, что я не причастен к краже алмазов.

После клятвы Никола добавил:

– Вы, видите, я поклялся. Но я готов взять вину Верняховского, не просто адъютанта, а своего товарища, на себя. Теперь, когда бриллианты возвращены, стоит ли портить жизнь такому молодому человеку? Можно, ведь, замаять это дело?

Бывшая принцесса Саксен-Альтенбургская, услышав эти слова Николая, гневно завопила:

– Это не Верняховский, это ты взял у матери святые бриллианты, чтобы купить этой своей низкой твари очередной подарок!

– Пусть обшугут мои комнаты и увидят, что у меня в письменном столе только в одной шкатулке в пять раз больше денег, чем стоят все ваши «святые» бриллианты!

Шум, поднятый в семье, немедленно привлек внимание императора. Александр Второй взял дело под личный контроль, подключил к расследованию только что назначенного шефа корпуса жандармов графа Шувалова, который, конечно, хотел сразу же доказать, что доверие ему оказано не зря, и готов был рыть землю зубами.

Граф три часа допрашивал в Мраморном дворце арестованного Николая Константиновича в присутствии отца. Николу заклинали всем, что у него осталось святого, облегчить предстоящую ему участь чистосердечным раскаянием и сознанием!

Но теперь мысли его неслись, как молнии, освещая что было, и куда дело клонится. Никола вспомнил о том, что однажды в лёгком подпитии говорил его отец – Николай Константинович. Александр Второй родился до того, как Николай Первый вступил на престол, поэтому по династическим законам не являлся абсолютно прямым и неоспоримым престолонаследником. И вот теперь он, не вполне законный царь, расчищает место подрастающему до брачного возраста сынку, который уже такой крепкий здоровячок, большими глазами пошедший в Николая Первого, но больше – ничем. Ему бы борцом быть в цирке. Он мог руками гнуть подковы и пальцами сгибать пятаки. Никола про себя называл его в качестве невесёлой шутки – бутуз с оловянными глазами. Не зря же этот бутуз «убил» своего старшего брата, умного, благородного, честного. В умных играх победить старшего брата Николая Саша не мог. Поэтому однажды Саша-бутуз вызвал брата на боксёрский поединок. После мощного удара, и без того не слишком здоровый, старший брат Николай стал хворать, ездил за

границу на знаменитые курорты – ничего не помогло. Признали серьезный менингит. Ну, и от чего это могло произойти в мозгах, как не от мощного удара? Хотя болезнь могла произойти и сама по себе. Как бы то ни было, брат Бутуза умер.

И теперь, когда Никола, как старший сын в семье братьев Николаевичей, должен был стать императором, Бутуз явно недолюбливал Николу. Однажды в театре, входя в императорскую ложу, он так обратился к Николе: «Ну, здравствуй, Мольтке!» На что Никола спокойно ему ответил: «Уж лучше быть Мольтке, чем случайным мужиком на троне!». Бутуз, конечно, понял что имеет Никола ввиду – устранив старшего брата, Саша-бутуз несомненно метил в будущем влезть на трон. А Никола получил высшее образование, достиг успехов на войне, он – явный конкурент.

Не питая ни к кому особой неприязни, Никола всем царственным родичам давал в уме шуточные прозвища, но вслух никогда ничего обидного не произносил. Глупо было слышать от Александра Второго: «Украл у матери брильянты для своей шляхи...». Никола знал, что знали многие другие. У царя при живой жене был целый табун любовниц: до Долгорукой Второй была Долгорукая Первая, Замятина, Лабунская, Макова, Макарова, петербургская блудница Ванда Кароцци, просто гимназистка, дочь камер-лакея, да и кто их всех считал? Было множество других, о которых мало известно. Хотя, говорят, он хвастал своими любовными утехами перед собственной женой, расписывая всё в ярких красках.

Николу коробило то, что они затеяли всю эту возню с его разоблачением в то самое время, когда шли трудные переговоры с англичанами о разграничении линий противостояния в Средней Азии. Что, им больше заняться нечем, как его гнобить?

Ну, мать, эту старую женщину, приревновавшую сына к молодой, очаровательной иностранке, её ещё можно было понять. Обида на жизнь, на свое превращение из красавицы в никчемное и уже ненужное мужу существо. Это горько, поневоле начнешь искать виноватых. А отец? Разве не видел он, что возвратившись из трудного хивинского похода, Никола не получил практически ничего: ни достойного ордена, ни обязательного в таких случаях повышения в чине? Доверие императора, призвавшего брата помочь в переустройстве общества, помогало отцу чувствовать себя

1 *Мольтке (1800-1891гг.)* – генерал-фельдмаршал, военный теоретик. Его «поучения», основанные на опыте войн с более слабым противником, привели к переоценке германским командованием возможностей Германии, и, как следствие, к авантюризму в политике и стратегии. Выпускники русских военных школ понимали это и имя Мольтке использовали как прозвище.

уже наполовину властителем. Магнит власти. Ему передовверена не половина её, не треть, даже не четвертинка власти. Самая малая капелька монаршей власти. И он готов был содействовать Александру во всём. Вплоть до шельмования собственного сына.

В конце концов Николу привели в кабинет императора для разговора наедине, император сурово сказал:

– Смотри мне в глаза и говори – ты взял бриллианты?

Никола, не смущаясь, пристально поглядел в его глаза. Это были большие глаза, как у Николая Первого, но не было в них того особенного блеска. Это были глаза страшно усталого старого человека. Перейдя к наследникунику, глаза не потеряли уверенности, но как бы потускнели. Ещё Никола вспомнил разговоры о том, что кавказские народы оттого лезут на ножи и совсем не чувствуют страха смерти, что они себя повторяют сотни раз в своих бесчисленных сыновьях, братьях и прочих родственниках. Одного, двух убьют – не жалко, на их место встанут сотни почти точных копий. Вот как рождается гордость и презрение к смерти.

То же и у государей, они тоже плодят своих детей во множестве, хотя, конечно, в связи с цивилизованностью, не отрицают ценности каждой человеческой жизни. Только вот почему-то с Николиной жизнью никто не хочет считаться.

Кровь прилила к голове Николы, хотелось затопать ногами, зарычать, закричать, выругать этого человека самыми подлыми словами, а там – будь что будет. В то же время было жаль родственника. Никола упрямо молчал. Поскольку пауза слишком затянулась, Никола брезгливо вымолвил:

– Да, делайте, что хотите! Считаете, что брал бриллианты, значит, брал!

Император тотчас выглянул коридор и пригласил к себе всех родственников:

– Заходите! Он сознался!

Состоялось собрание монаршего дома, которое император назвал конференцией. Кто-то предложил:

– Отдать его в солдаты.

Александр Второй возразил, что негоже порочить это святое звание. Были предложения придать публичному суду и отправить на каторгу. Но и это было отвергнуто, ибо престижу царской семьи в таком случае наносился болезненный удар. Спасительным казался лишь один выход – признать Николу безумным. Конечно, тут свое слово должны были сказать медики, и их соответствующим образом проинструктировали. Великий Князь-отец получил на руки заключение о «болезни» сына. «Мое страшное положение

таково, что я этот результат принужден принять с благодарностью», – записал он потом в дневнике.

Решили, что предположительно Великий Князь Николай является душевнобольным. Если медики это подтвердят, то по указу императора он будет лишён имущества, всех прав наследства, которые переходят младшим членам семьи. Кроме того, он лишится всех званий, чинов и наград, его вычеркнут из списков полка. В бумагах, касающихся императорского дома, будет запрещено упоминать его имя. Его вышлют из Петербурга навечно, и он будет обязан жить под арестом в том месте, где ему будет указано.

Николе было понятно, что сумасшествие – это был вариант для российского общественного мнения. А уж что они ещё придумают?

Он не выдержал и заговорил громко и страстно:

– Я – сумасшедший? Нет! Это вы все сумасшедшие. Как писал поэт, вы, действительно, толпитесь жадною толпой у трона. В угоду тому, кто в данный момент на этом троне восседает, вы готовы родного сына и брата съесть живьем без хрена и горчицы! Вы хуже теперь тех первобытных дикарей, которые при случае закусывали своими ближними. Надели звезды, позументы и думаете, что стали от этого умнее? И некому за меня слово сказать? Нет! Это не я сумасшедший, это вы все с ума посходили. Но есть Бог, он всё видит и всё слышит...

– Да он бунтовщик! – воскликнул возмущенный граф Шувалов.

Никола усмехнулся:

– Сумасшедший не может быть бунтовщиком, господин граф, он просто больной. Или вам, граф, всё равно, что валить в вашу кровавую корзину?

– И он ещё смеет дерзить! – воскликнул император, – уведите его с моих глаз долой!

После Николай Константинович сидел и ждал врачей на гауптвахте в зарешённой комнате.

До Фанни уже дошла весть о случившейся беде. Не помня себя, взяв с собой судки с едой, хлеб и колбасы, она поехала к зданию гауптвахты. Там её остановил часовой:

– Сюда нельзя, барыня.

Она сунула ему в карман несколько крупных ассигнаций:

– Мне только взглянуть на него, да еду передать.

Часовой разрешил ей войти.

Она вошла и увидела, что Никола сидит за решеткой на топчане, обхватив голову руками, и раскачивается. А солдаты, которые

ещё несколько дней назад при виде его вытягивались в струнку, смеются, суют сквозь решетку старую измусоленную куклу:

– Накось, поцелуй её в губки, дурачок!

– Молчать, сволочи! – крикнула на них Фанни.

Солдаты схватили её под руки:

– Кто тебя пустил сюда, у нас строго!

Вырвали из рук кошёлку, вывели Фанни во двор. Часовой смущенно сказал:

– Я же соопчал, что заходить туда невозможно.

В тот же день к Фанни явился жандарм с пакетом:

– Распечатайте и прочтите при мне.

В пакете значилось: высочайшим повелением иностранка Фанни Лир выдворяется из России с запрещением когда-либо сюда возвращаться.

Жандарм сказал:

– Не вздумайте задерживаться, мадам, через неделю проверим, если вы всё ещё будете здесь, то попадёте не во Францию, а в Сибирь.

Фанни уехала в тот же день, поручив своей верной прислуге продать дом и всё имущество. С Фанни отбыла во Францию дочка и нянька, ухаживавшая за подраставшей Жанной.

Вскоре с гауптвахты Николу перевезли в психиатрическую лечебницу. Тайная высочайшая комиссия во главе с лейб-медиком Двора опытным врачом-психиатром Гауровицем никак не решалась вынести окончательный вердикт, но император торопил. Врачебная комиссия признала Великого князя «психически неуравновешенным, склонным к, необдуманному, непредсказуемым поступкам, галлюцинациям, выпадению памяти».

В пасмурный мрачный и как бы способствующий сумасшествию день 11 декабря 1874 года вышел указ Александра Второго об опеке над имуществом Николая Константиновича.

С высылкой пока медлили. Всё никак не могли решить: куда именно выслать, где и как содержать? Может, медлили бы ещё, но через некоторое время Шувалов донёс Александру Второму, что в психолечебнице уже две недели пир идет горой. Никола дал денег, и врачи накупили изысканных яств и вин, и теперь в лечебнице пьяны не только все врачи, но и некоторые больные.

– Лечение считать оконченным. Он неизлечим. Увезти подлека в какое-нибудь отдаленное место, где его никто не знает. Поместить в какой-нибудь избе и следить строго, чтобы ни с кем не сошёлся.

13. А У МЕНЯ ЕСТЬ!

Российская империя может заковать в кандалы сотни людей и отправить их по этапу в Сибирь. При дедушке Николе она загнала в рудники декабристов, среди которых были высокородные дворяне. Но что делать, куда спрятать бывшего цесаревича, бывшего великолепного флигель-адъютанта самого Государя Императора? Каторга и тюрьма не для него, он объявлен всего лишь сумасшедшим. Велено было поселить Николу где-то в глухом месте, на отшибе, так, чтобы не обростал друзьями, знакомыми.

И вот Николу привезли в Умань, находящуюся в двустах пятидесяти верстах от Киева. Поселили в одном из окраинных домов. Дали ему предписание более ста шагов от дома не отходить. Поближе к этому дому поселился жандарм, чтобы следить: не шастал бы ссыльный по городку, и чтобы никто из местных жителей с ним не общался. Сумасшедший, укусить может.

Никола нанял молодую кухарку и такую же юную горничную. Конечно, жандарм их вызвал и строго-настрого наказал, чтобы сообщали, если кто к Николе придёт или он сам куда идти соберётся. Шли дни, недели, месяцы. Никола сидел целыми днями за своими среднеазиатскими чертежами. Составлял планы поворота Амударьи в её прежнее русло. Потому что из старых книг, а также от знатоков Средней Азии Никола знал, что в незапамятные времена Амударья впадала в Каспийское море. Вот, если повернуть её в прежнее русло! Оросить пески – какие сады зацветут на месте пустыни! Никола знал, что если он свои проекты и закончит, то Императорское Русское Географическое Общество их всё равно не примет, кто он теперь? Опальный. Отверженный. Человек не в своем уме. Мало ли что взбредет в дурную голову? Но он верил, что когда-нибудь сможет свой проект осуществить. Ну, лишили его всего, любимой лишили. Но ум, энергия при нём. Иногда он щипал горничную за мягкое место, но это так, для освежения эмоций, смазлива была чёрнобровая дивчина.

Выходил изредка в садик. Дышал. Но всё-таки осточертело одиночество. Выпить бы! Так ведь обслуга тотчас жандарму донесет. А во хмелю он всякого неприятного наговорить может и про самого Императора, и про всё его окружение. Всё это немедленно донесут до императорских ушей. И тогда не только спиртное – всё изымут и прикажут, чтобы в лавках ему ничего такого не отпускали, но самого его могут на психу либо в кутузку упрятать.

А осень как раз была тоскливая такая, с завыванием ветра, с мелкими дождинками, с листопадами. И казалось, что жизнь кончается. Хотелось выть, материть родню и государя императора в первую очередь. Неужели же все они так душой очерствели, что ради трона готовы его в гроб загнать?

Когда совсем стемнело, Никола выбрался в сад, а потом чрез заднюю калитку вышел на пустыри и пошёл прямо к кладбищу. Он его приметил ещё когда его сюда везли.

Кладбище старое, ухоженное, с высокими деревьями. Чем не парк? В голову пришли мысли о земной тщете, будь ты Император, будь ты крестьянин – конец всем один. Так за что же идёт борьба при жизни? За тёплый угол и жирный кусок? Эти вот, под холмиками, лежат тихо, ничего им не надо, ни званий, ни наград.

Идет Никола, в руке кошёлка с наливками и водкой, стакан, кусок пирога на закуску. Присел возле могилки на лавочку, осушил первый стакан. Ветер дунет, листва сыплется густой волной. Решил Никола ещё погулять по дорожкам. Вдруг – трах-тарарах, и летит он незнамо куда, крепко боком о дно ямы ударился, звякнули посудины в кошёлке, но всё же не разбились. Хорошее стекло, английское.

Присел Никола, растер ушибленный бок. И ещё в стакан наливает. А почему в яме не пить? Ещё лучше, ветра здесь нет, теплее. Никола пил и думал, что вот он, по праву должный в будущем стать Императором великой Российской империи, лежит теперь в яме на кладбище в украинском местечке, окружённый покойными украинцами, своими подданными, пьёт вино и видит дальние звезды в небе. Он славно жил, ему некогда было думать о секретах мироздания. Но эта тайна велика есть. Может там, на какой другой планете, другие люди тоже теряют любимых и пьют с огорчения какой-нибудь свой особенный пьянящий нектар. Много женщин знал Никола, но почему ни с кем из них ему не было так сладко, как с Фанни? Кто знает, может, такими же загадками озадачены люди там, в зазвёздной дали?

Вдруг слышит Никола:

– Тарас! Тарас! Слухай, я стакан потерял, а як с цього жбана без стакана пити?

– Не розумію! – отвечал другой мужик.

Тут Никола крикнул со дна могилы:

– А у меня стакан есть!

Мужики от страха чуть в штаны не наделали, однако протянутый стакан взяли. Пьют, а он им из ямы голос подает:

– Я тоже хочу!

Вытянули они его за руку из ямы, познакомились. Он им рассказал, что он ссыльный, скучно ему. Мужики слышали уже, что в Умани цесаревич живет, вроде как сумасшедший. Поняли, с кем имеют дело. Да и показалось им, что парень – вовсе не буйный. Сказали, что будут ему по ночам через задний ход в сад самогон приносить. А то ведь скучно ему, они понимают.

Прошло с полгода, а уж вся Умань о ссыльном знала. Разные слухи заворошились, и вроде бы горничная забеременела

Доносы в Петербург пошли. Решили перевести Николу в местечко Таврово недалеко от Винницы.

Здесь ему нашли домик рядом с домом священника и церковью. Тут же в соседстве поселили жандарма. Но и здесь Никола нашёл друзей, знакомых, а главное – его полюбил настоятель церкви Даниил. Во-первых, Никола часто ходил молиться, при этом он осматривал иконы, среди них было много старых икон времён Гетмана Мазепы. Никто из прихожан и сам отец настоятель не знал, какую цену можно взять за иконы на аукционах или у любителей старины у заядлых коллекционеров.

Однажды Никола затеял с батюшкой такой разговор:

– У вас, отец Даниил, иконостасы, как после пожара большого, черным-черно. И полы прогнили, того гляди, ногой в дыру попадешь.

– Что же делать? – отвечал отец Даниил, – приход бедный, еле выживаем с матушкой и отроками. Епархия ничего не дает.

– А я готов оплатить ремонт полов и заказать новые, красивые иконы.

– Так ведь старые-то намоленные!

– А что толку, если даже лица не разглядишь, то ли это Богородица, то ли Иисус Христос или, к примеру, Николай Чудотворец? Я старые иконы, когда меня в Петербург вернут, отреставрирую, а пока сделаю ваш храм светлым, как пасхальное яичко.

– А денег-то хватит?

– Ну, я ссыльный, но мои капиталы никто не отбирал.

И действительно, преобразил церковь Никола. Свежеструганные полы сияли, как чистое озеро, светили лаком новые иконы, писанные благолепно винницким богомазом и помещенные в красивые оклады. Батюшка на радости проповедь сказал, в том смысле, что следует всем миром помолиться за скорейшее восшествие на престол наследника Николая Константиновича Романова.

Едва успели замолкнуть последние слова проповеди, священника арестовали, а Николу велели идти домой и дожидаться дальнейших указаний.

Никола пошёл ожидать очередного переезда. Велел прислуге укладывать вещи. Сидел задумавшись. Было жалко себя, священника и всех людей. Зачем они друг друга мучают? За что? А если бы он стал императором, то тоже издавал бы жесткие указы? Бог его знает! Наверное, издавал бы. Иначе империя развалится, и людям станет жить ещё хуже. Впрочем, возможно, он бы всё-таки лишних наказаний не устраивал. Как этот генерал фон Кауфман, всё у него было строго, но всё для общей пользы, и о людях он всегда заботился чрезвычайно.

14. КАК ВЕРЁВОЧКА НИ ВЬЁТСЯ...

Ещё несколько мест не по своей воле сменил Никола. Нигде не давали ему прижиться. Или сам начинал бузить, или начинали шуметь жители, узнав, что в их селе или городке живет бывший наследник престола. Всё время получалась смута.

В Петербурге доложили царю, что никак от людей Николу не отделить, разве что, заточить в одиночку. Но ведь такого указания не было. Слабоумный – и всё тут. Александр Второй, совершенно затырканый делами раскрепощения крестьян и угрозами преступных бомбистов, сказал Шувалову:

– Все ссыльные у нас в Оренбурге живут. Отправьте его туда, там казаки, они к ссыльным строги. Призовут к порядку. Небось, не забалует.

Так в 1881 году в Оренбурге появился Николай Константинович Романов. Тут, вдалеке от сановного Петербурга, он почувствовал некоторое облегчение своей участи. Дело было в том, что за него в царской семье вступился его младший брат Константин Константинович. Он был морским офицером, но более всего – поэтом.

Однажды он стал горячо и взволнованно говорить на собрании своих блестящих царственных родственников:

– Слушайте, сколько же можно нашего несчастного Николу мучить? Его гоняют по России, как будто это не человек, а какой-то колобок или мячик. За семь лет Оренбург у него будет уже восьмым местом поселения. Говорят, у него в волосах уже появилась седина. Так ведь человек может ожесточиться и что-нибудь сделать с собой. Хорошо ли это будет для нашего престижа? Не будет ли этим взбудоражено общественное мнение в России и за границей? Я думаю, надо дать ему хотя бы в этом далеком Оренбурге прижиться. Чтобы мог собственный дом занять, семью. Он занят научными изысканиями. Будут у него дом и жена, он будет

спокоен, и мы избежим ненужных кривотолков...

Первыми, кого увидел Никола, подъезжая к Оренбургу, были уральские казаки. Они были в высоких барашковых шапках, каждый при ружье и шашке, некоторые восседали на верблюдах, между горбами, а иные ехали в громадных таратайках, в которые были запряжены опять же верблюды.

– Здорово, братцы! – крикнул им Никола, – ловко же вы управляетесь с этими горбатыми!

– И не говори, батюшка! – отвечал старший из казаков, – с волками жить, по-волчьи выть. А вообще нет полезнее скотины для здешних гиблых мест, колючкой бывает сыта, без воды терпеть может долго. И мясо дает, и шерсть, и молоко, из которого напиток-кумыс готовим. Мы этому всему научились у киргиз-кайсацких, каракалпацких людей. А еще здесь проживают калмыки, греки, армяне, индийцы, персы, бухарцы, хивинцы и прочие народы.

– Мясо-то вкусное? – осведомился Никола.

– Наверде говядины будет, ваше превосходительство! Только варить дольше надо, а то жестковата будет верблюжатина. А вот кумысу извольте отведать, не побрезгуйте!

Никола бережно взял ковш с кумысом, напиток и в самом деле был великолепен, освежал и бодрил.

– Ба! – вдруг воскликнул один из казаков, – да это же его императорское высочество господин полковник Николай Константинович Романов, с которым мы вместе Хиву брали! Никак опять где-то война затевается?

– Да нет, – успокоил его Никола, – я приехал в этот край, чтобы лучше его изучить, чтобы и эти земли могли лучшим образом служить россиянам.

– И то дело! – сказал старый казак, – ученых людей у нас нехватка. Раз уж вы к нам пожаловали, то понятно – не зря.

К удивлению Николы у въезда в город его ждали священники с иконами, полицмейстер и сам губернатор. Кортёж проследовал к губернаторскому дому, где гостя ждал торжественный обед. Было ли это личное решение губернатора, или так ему наказали, Никола не знал. За обедом Никола рассказал о своем желании снарядить несколько экспедиций в глубь здешних степей, чтобы снять чертежи, замерить, описать горы и реки, изучить животный и растительный мир. Заодно он думает начать составлять словари местных наречий.

И Николе разрешили купить для себя приличный дом. Он приобрел богатую мебель. Завел дворецкого и челядь. Теперь он смог организовать кружок людей желающих изучать и осваивать

дикие азиатские земли. Он, конечно, знал, что надзор за ним останется прежним, хотя уже не такой жёстким, как раньше. Здесь, на границе бескрайней пустыни, в крайне тяжёлом и дурном климате, и без него хватало забот – постоянно случались набеги, разбои, смуты. А он – просто бывший наследник престола, опальный Великий Князь, хотя и по-прежнему, его Императорское высочество. Да ведь ещё неизвестно, как оно всё дальше повернётся. Поэтому прежнего надзора здесь за ним не было.

Никола выгодно купил несколько местных приземистых, но выносливых лошадок, десяток верблюдов. Однажды он скакал в степь, объезжая лошадь и озирая окрестности. Его обогнал невысокий всадник на великолепно сером жеребце. Когда всадник оглянулся, Никола понял, что это – женщина. У неё из под шапки выбились две длинные чёрных косы. Она натянула поводья, остановила коня и стала заправлять косы обратно под шапку.

Никола нагнал её, увидел, что это совсем юная девушка, и поразился глубине больших чёрных глаз.

– Мадемуазель не боится злых людей, да ведь и волки могут наброситься.

– А пистолеты у меня на что? – отвечала она по-французски.

– О! Франсе! Вы дворянка?

– Я – казачка, ваше высочество!

– Рядовая казачка и говорит по-французски?

– А я и не рядовая, мой отец – полицмейстер!

– Час от часу не легче! Может, вы захотите меня арестовать?

Она посмотрела Николу, впитывая его всего в глубину своих черных глазниц:

– Может, и захотела бы! – прищипила коня и исчезла в зарослях тугайника.

Вскоре Никола был приглашён губернатором на бал. Там завязалась беседа с отцами города, они явно гордились своим Оренбургом. Подумать только, город – центр генерал-губернаторства! Почти столица! Здесь находятся учреждения, ведающие пограничными делами, управлением казахов. Здесь центр торговли с Казахстаном и всей Средней Азией! С проведением железной дороги Самара – Оренбург налажился вывоз парного и замороженного мяса, сибирского топлёного масла, сала, кож, шерсти, козьего пуха в Москву и Петербург. А уж оренбургский пуховый платок известен всей России. Здешнюю пуховую шаль можно продеть через обручальное кольцо!

Никола за столом познакомился и с людьми собирающимися тянуть железную дорогу дальше до самого Ташкента. Он согласил-

ся принять участие в экспедиции по изучению местности, через которую будет проведен новый путь.

А когда грянул оркестр, и Никола перевёл свой взгляд на женскую половину человечества, представленную в зале довольно щедро, он с трудом отыскал загадочную давешнюю всадницу. В бальном платье она была неузнаваема. Не так много было тут дам, которые могли бы соперничать с ней красотой. Никола поспешил ангажировать её на танец.

Когда они неслись в вихре танца, Николе невольно вспомнились Париж и «Фоли Бержер», и спустившаяся с небес милая Фанни. Но отсюда бесполезно писать ей, все его письма схватит косматая когтистая лапа, Фанни тоже до него не дотянется, разве, только мыслью. Но мысли бесплотны и бесплодны. А сейчас его рука лежала на талии, ощущала живую женскую плоть.

После бала Никола пригласил Надежду Александровну покататься. Полозья взметали снежную пыль, и так сладко было целоваться на морозе и искать под теплой медвежьей полостью маленькую, но твёрдую руку спутницы. Она была не белоручка, окончила курсы фельдшеров. Это было так удачно! В дальней экспедиции надо иметь своего лекаря.

Вскоре он включил её в состав первой своей здешней экспедиции. Никола с группой других энтузиастов проехал верхом в глубь казахских степей. За этой экспедицией последовала другая: от Оренбурга до Перовска. Надежда Александровна не только наравне со всеми переносила тяготы пути, но многих ободряла, а заболевших – лечила. Он был в восторге от неё и называл не иначе, как княгиней Искандер. Этим именем на Востоке обычно обозначают Александра Македонского.

Неоднократные изнурительные и опасные экспедиции в безводные, кишасшие ядовитыми тварями пустыни Средней Азии – Каракумы и Кызылкумы – он совершил на свои средства.

Материалы были обработаны, результаты экспедиций Великий Князь позже изложил в двух публикациях: «Аму и Узбой» и «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим». Пусть имени автора на книгах не было, но для него было важно внедрять в сознание людей свои идеи. Ещё он хлопотал о постройке железной дороги из России в Туркестан. Из Петербурга пришел ответ: «Проект не может быть принят, так как тамошние земли мало населены».

Вскоре Никола был в доме полицмейстера с особенным визитом:

– Дорогой Александр Густавович... Я прошу руки вашей дочери.

Для отца это не было неожиданностью. Однако Александр Густавович выглядел всё же несколько растерянным. Волнуясь, он сказал:

– Ваше императорское высочество, Николай Константинович! Для нашей семьи это, несомненно, высочайшая честь. Но не навлечем ли мы этим браком гнев ваших царственных родственников? Ведь я птица невысокого полёта. Выходец из казачьего сословия...

Вообще-то, полицмейстер несколько лукавил, из казачьего сословия его предки вышли достаточно давно, а один из фон Дрейеров был уже генералом. Немцы давно поселились в этих степях и, как умные люди, быстро поняли, что вступать в казаки выгодно. В этом качестве они могли чувствовать себя на чужбине более свободно. А, главное, казаки могли вести хозяйство, не выплачивая никаких налогов, бесплатно могли рубить лес, ловить рыбу, охотиться. Правда, при этом надо было с детства учиться джигитовке, стрельбе и прочей воинской науке, чтобы по призыву батюшки царя стать в строй. Но и к этому немцы были весьма способны, из них получались отличные казаки, тем более, что среди них практически не было пьяниц.

– Ну, какой гнев! – сказал Никола. – Мне тридцать один год, самая пора жениться. В конце концов, я волен в этом вопросе.

– Тогда что же, придётся вас благословить. Надежду я уж и не спрашиваю, я знаю, что она вас боготворит.

Венчались они в деревеньке неподалеку от Оренбурга. Это нужно было для конспирации. И вот уже густой бас возглашает:

– Венчается раба Божия Надежда рабу Божию Николаю...

И свечи, и кольца, и дивный церковный хор из юных деревенских казачек и казачков.

Конечно, никаких пиров на Николиной свадьбе не было. Просто жена перевезла некоторые вещи из дома отца в его дом. Надежда сияла от радости. Теперь она – Надежда Александровна Романова, эта жительница Оренбурга очень хорошо понимала, что это непростая женитьба. Высочество её супруга, так или иначе, будет отражаться на её дальнейшей жизни. Она хотела быть достойной женой.

Но как ни далеко Оренбург от столицы, весть об этой свадьбе довольно быстро дошла до Петербурга. Почувствовавший волю, Никола иногда устраивал в своем оренбургском дворце гулянки, приглашая на них верных ему и готовых пойти за него в огонь и в воду казачьих есаулов и сотников. Случалось, во хмелю. Вели-

кий Князь кричал, что стоит ему сейчас только объявить народу, что он, законный наследник трона, насильно сослан в эту глушь, вот, наденет боевую форму, свой Андреевский орден, выйдет к народу, тот восстанет и освободит его из плена. Пьяные сотники кричали:

– Любо! Любо!

Есаулы и сотники выбегали из дворца на крыльцо и палили в чёрное небо. Надежда Александровна с трудом прекращала эту суету. Но, поди, успокой пьяных казаков!

* * *

Слухи о женитьбе Николы и о его буйствах во всех подробностях дошли до Петербурга. Выяснилось, что определённый департамент и в Оренбурге не дремлет.

Император был взбешён:

– Ну и мерзавец, он продолжает позорить нас! Но я применю к нему самые жесткие меры. Он у меня еще попляшет.

Неизвестно, какое именно наказание готовил Александр Николаевич. Пришёл вешний месяц март и все разрешил по-своему. Император уже пережил несколько покушений на свою особу, очевидно, как-то притерпелся, что ли, к подобным нападениям, может, считал, что Бог не допустит гибели царя-освободителя. Он, действительно, провёл много реформ, но, к сожалению, так, что от некоторых не было никакого толку, от некоторых была лишь минимальная польза каким-то слоям населения России. К примеру, крестьяне получили свободу ухода от помещиков, но куда они могли уйти, если им не дали земли? За земельный надел они продолжали гнуть хребет всё на тех же помещиков. Но вот отмена двадцатипятилетней службы была реформой действительно важной и милостивой.

1 марта 1881 года государь император Александр Второй, царь-освободитель, решил сделать развод караулов. Зачем это ему было надо? Ведь он получил накануне несколько анонимных угроз. Всякий здравомыслящий человек поймёт, что, если он несколько раз избежал верной смерти от руки стрелявших в него людей ввиду промахов, то они извлекли из этого урок и уж в следующий раз постараются сделать его гибель неизбежной. Очевидно, что какое-то фанфаронство овладело душой государя, когда он отправлялся в этот путь. Он считал, что все должно пред ним склоняться, как трава, и гранаты тоже должны лететь мимо.

Едва государева карета доехала до Театрального моста, раздался взрыв, взломавший задок кареты, которая тут же остановилась. Государь остался цел, но одного из скакавших впереди кареты

офицеров убило. Кучер императора, обладая простой человеческой сметкой, крикнул с козел: «Поедьте, государь!». Полицмейстер тоже просил немедленно уехать с этого места. Но император не слушая их, вылез из кареты. Толпа волокла бомбометателя.

– Это ты хотел меня убить? – яростно спросил его Александр Николаевич и хотел что-то добавить, но вторым взрывом был повален на землю. Через час с небольшим Александр Второй скончался в Зимнем дворце.

По этой самой причине разбираться с Николой, женившимся на простолюдинке, и с его буйными речами должен был уже Саша-бутуз, то есть Александр Третий.

Никола немедленно обратился к нему с просьбой разрешить ему присутствовать на похоронах своего великого дядюшки. Бутуз ответил строгим запретом. Некоторое время он был занят похоронами родителя, коронацией, приёмом многочисленных послов и чиновников. Когда немного схлынуло напряжение, взялся и судьбу неприятного родственника решать. По его указанию Священный Синод постановил считать брак Николая Александровича Романова с девицей Дрейер недействительным.

Но Надежда Александровна заявила, что она даже думать не желает о том, чтобы покинуть мужа. Он ей Богом был предназначен, она была в девицах, и теперь только Никола может ею обладать. Он её муж навеки пред Богом и перед людьми, и никто не смеет разлучать её с супругом. Она всё это написала в Петербург родственникам Николы. Опять же вступил в ходатайство брат Николы Константин Константинович. Он попросил императора Александра Третьего не разрушать уже сложившуюся семью, там, наверное, уже и детей ждут. Как же можно...

Счастливо обретший громадную власть двоюродный брат опального Великого Князя – Император Александр Третий, видимо, был в благодушном настроении. К тому же он понимал, что Никола в своей продутой вьюгами дыре, в немыслимой глуши вряд ли может сделать предложение какой-нибудь представительнице монаршего дома. Но не быть же ему вечным холостяком? И император милостиво разрешил узаконить морганатический брак¹. Вместе с тем, он издал указ, о том, что молодожены должны отправиться в Туркестанский край, в Ташкент. От греха, как говорится, подальше. Никола хорошо знает Среднюю Азию, грезит ориенталистикой, походами, экспедициями, у него большие

1 *Морганатический брак* – неравнородный брак, при котором жена не пользуется сословными привилегиями мужа, а дети – отца.

познания в среднеазиатских делах, он был в тех краях в походе. Пусть послужит России в этом жарком краю. Никола вошёл в зрелый возраст, ему по плечу большие свершения.

Перед отправкой в Ташкент молодоженам предоставили возможность навестить родителей в Павловске.

По прибытии в Петербург Никола по-настоящему, отчаянно, ощутил ту громадную потерю, которая выпала на его долю – дворцы и парки, каналы, знакомые улицы и переулки – всё это напоминало его детство и юность. Вот Академия, вот здания гвардейского корпуса. Павловск. Дворец. Мостик с кентаврами. Речка Славянка. Белые лебеди...Великолепие северного лета. Опьяняюще пахнет сиреню – её кисти так свежи после только что прошедшего дождя! Вот вековые дубы и липы, знакомые с детства. И птицы заливаются на разные голоса. Балконы с переплетением вьющихся растений. Всё это было здесь каждое лето, а его здесь не было. Неужели и после этого приезда тоже будет разлука? Возможно, со всем этим придётся разлучиться навсегда. А как всё близко сердцу – беседки, аллея вокруг пруда... Господи! За что? А, может, простят, поймут? Зыбкая надежда.

Вот уже и комнаты, сам запах которых – родной. Но как чопорно, официально встретили их родители! Обед проходил в полном молчании. Никола заметил каким холодным, да что там – ледяным взглядом, смотрит матушка на Надежду Александровну Романову фон Дрейер. А она красивая, скромная, сидит спокойно, она жена, она мать будущих Николиных детей, которые высокомерной Александре Иосифовне, хочет она того или нет, будут приходиться внуками. Обед закончился чаем, затем ещё на серебряных блюдах подали мороженное, оно было выполнено в виде белых медведей с иозминками, изображавшими черные глазки.

Константин Николаевич сказал:

– Твое положение, Никола, значительно улучшено нашим новым мудрым монархом. Ты едешь в Ташкент, в столицу Туркестанского края. Я слышал, что тебе будут выделены деньги на строительство приличного дворца, так же есть сведения, что уже выделен из казны ежегодный пенсион. Если всё это так и будет, ты сможешь спокойно заняться ориенталистикой, которую ты избрал своим поприщем ещё со времени твоего участия в боевых операциях. Я думаю, теперь ты более свободно будешь публиковать печатные работы по этим темам. Я знаю, что у тебя есть замечательные проекты по ирригации этого края и другие – дай Бог тебе все их осуществить. Это будут достойные и важные дела на благо великой России.

– Ты прав, папа, я благодарен такой судьбе. Конечно, я сейчас особенно остро почувствовал, как мне будет недоставать вас и мамы, всех родных, нашего замечательного Павловска и блистательного Петербурга. Да, у меня будет любимая работа, семья – всё, что нужно человеку моего возраста и темперамента. Но в полученном мной в Оренбурге предписании мне рекомендовано жить в Ташкенте под псевдонимом – полковник Волынский. Какой же у меня будет авторитет среди туземцев с таким псевдонимом? Мне же придётся общаться с людьми только ещё выходящими из первобытного состояния, которые чрезвычайно ценят большие чины, они преклоняются перед важными людьми. Я хотел бы в Ташкенте называться князем Искандером. Это для них будет звучать убедительно. И поможет мне во всех делах.

– Правда, – добавил Никола, – люди из племени йомудов, захватив в песках экспедицию князя Бековича-Черкасского, содрали с него живого кожу и натянули её на барабан, в который они, видимо, до сих пор стучат в своих песчаных уделах.

– Никола! – подала голос Великая княгиня, – ты как был, так и остался шарлатаном, за обеденным столом при женщинах говорить такое...

– Но, муттер¹, это же просто исторический факт. Это было давно, еще при императоре Петре Первом. Я вовсе не хочу никого пугать, но со мной в моих экспедициях может случиться всякое. Однако почётное имя князя Искандера может предотвратить беды и напасти. Искандер – это неприкосновенность. Они помнят все походы и победы славного полководца Александра Македонского. По-ихнему он – Искандер. И, значит, мой псевдоним сразу их заставит проникнуться ко мне уважением. Таков Восток.

– Хорошо. Я посодействую твоему желанию. Думаю, тебе позволят называться, как тебе хочется, – сказал Константин Николаевич, – это не так принципиально. Я желаю тебе семь футов под килем, так говорят моряки, желая кому-либо успеха.

Никола облегченно вздохнул. За столом он всё время изо всех сил старался скрыть своё неприязненное отношение к матери. Он знал, что она была глубоко сентиментальна, могла всплакнуть над судьбой какого-нибудь несчастного юноши из немецкого романа. Любила музыку, сама сочиняла марши. Устраивала концерты. Иоганн Штраус (сын) даже посвятил ей вальс «Великой княгине Александре» и кадрили «Терраса Стрельны». Но способная расстрогаться от литературного или музыкального образа, она хлад-

1 Муттер (нем. – Mutter) – мама.

нокровно погубила собственного сына, и совершенно ясно, что она не испытывала мучений совести. Наоборот! Она выказывает свою злобу и по отношению к сыну, и к его законной жене.

Обед благополучно закончился. Никола вышел из дворца с братом Константином. Ушли в беседку и там дали волю воспоминаниям детства, отрочества. Константин Константинович рассказал о своих плаваниях в морях в качестве морского офицера. Он по воле отца отдавался службе с достаточным рвением, но выяснилось, что здоровье ему не позволяет переносить длинные морские переходы. Поэтому он будет переведён в сухопутные войска.

– Я пишу стихи, – признался брат Николе, – меня к этому подвигнул бывший мой преподаватель литературы Гончаров. Он показал мои стихи Афанасию Фету, тот дал о них восторженный отзыв. Сказал, что мне надо обязательно печататься, сказал даже, что со временем я займу его место в российской поэзии.

– Ах, ты представить себе не можешь, что такое – муки творчества. Зачеркиваешь слова, вписываешь новые, ты уже в отчаянье, кажешься себе полнейшей бездарностью, и вдруг – озарение: рифмы и образы возникают сами собой, только успевай, записывай. Конечно, мне в моем положении не совсем удобно заниматься литературой. Ты же знаешь наших. Многие косятся. Но что же делать, если я не могу удержаться от творчества. Глядишь, может, еще и меня сумасшедшим объявят. Я готовлю к выпуску небольшую книжечку под псевдонимом «КР». Когда книжка будет готова, я пришлю тебе её в Ташкент.

– Спасибо тебе, мой замечательный, добрый брат. Только ты один все время поддерживал меня в моем изгнании. Меня это всегда спасало от какой-нибудь крайности. Я думаю, мы можем иногда переписываться. Всё-таки жаль, что я опять буду от тебя так далеко.

– Не грусти, дорогой мой Никола, может, мы ещё не раз встретимся. Все течёт, всё изменяется, ты же это знаешь. Главное в жизни – оптимизм. Надо всегда, в любых обстоятельствах, надеяться на лучшее! – сказал Константин, и братья обнялись.

15. ПО СЕМЬ ТРОЕК

Чета Искандеров вскоре распрощалась с родней и отбыла из Петербурга. Сначала ехали поездом, потом помчались на перекладных по тракту Орск-Ташкент. За ними со значительным отставанием следовал багаж. Он тоже сначала ехал в поезде, в

багажном отделении, а затем был перегружен в грузовые фургоны и неспешно двинулся вслед за супружеской парой.

Что же было в том багаже? Сказать вам по секрету, там были самые неожиданные вещи, закупленные Николой в Петербурге. А было в том багаже: сто бильярдных столов с киями и подставками для киев, запасное бильярдное сукно и огромные брусья мела. Было пятьдесят фотоаппаратов, стеклянные негативы, несколько пудов химических реактивов для фотографии. Были музыкальные ящики, дверные колокольчики, парикмахерские ножницы и бритвы. Были часы фирмы «Павел Буре» и других известных фирм. Были самые модные французские и английские романы. Были мангалы и шампуры в огромном количестве. Сотни малюсеньких флакончиков французских духов, и даже – базарные весы с гирями и безмены.

Другой багаж был отправлен тестем Николы из Оренбурга. В том, другом багаже, были уже обычные вещи: оружие, мебель и утварь из дома четы Романовых. Тесть Александр Густавович поместил в багаже и свои подарки: два бочонка домашнего вина, большое количество пуховых оренбургских платков, несколько пледов из теплой верблюжьей шерсти. Тесть был горд родством с Великим Князем. Многие в Оренбурге ему завидовали: надо же было хитриться выдать дочь за великого человека! Сопровождали багаж казаки, которых на сходе решили послать служить при его Высочестве и помогать в его экспедициях и прочих делах.

Ехали по тракту Орск-Ташкент достаточно быстро. По семь запряжённых троек лошадей ожидали их на каждой станции. Никола понимал, чьё это распоряжение, догадывался, что жандармы отслеживают его перемещение. Если бы он смог прочесть секретные документы, то узнал бы, какой переполох наделало его перемещение в Ташкент. На всем пути за ним должны были следить сотни агентов, чтобы не было никаких встреч, демонстраций, приветствий. Николу надо было провести по тракту как человека-невидимку. Эту задачу решали большие государственные люди, словно не было у них в государстве более никаких забот.

Из петербургского жандармского департамента было заявлено, что его высочество душевно больной, поэтому следует следить за всеми его действиями, неправильные поступки пресекать. Указывалось, что его Высочество по-прежнему находится под домашним арестом, необходимо перлюстрировать все письма и документы Великого Князя, а если обслуживающие его люди поведут себя неправильно – не церемониться, арестовывать немедленно.

Между тем, Туркестанская жандармерия отлично понимала двойственность положения Великого Князя. С одной стороны –

это арестант, и можно обходиться с ним, как с таковым, с другой – это его Высочество, у которого в Петербурге полно сиятельных родственников. И если проявить излишнее рвение, они, возможно, обидятся за своего, тогда можно затормозиться в служебном росте, или, вообще, потерять работу и чин. Да ведь и воевал-то он под руководством нынешнего генерал-губернатора Туркестана фон Кауфмана, в случае чего, может пожаловаться своему боевому соратнику.

Ташкент встретил супругов жарой, какая бывает в парилке на верхней полке. Спасением от жары были только деревья. Во временное пользование Николе было предоставлено обширное помещение, в достаточно озеленённом месте в центре города, где жили лучшие его люди.

На другой день после приезда, когда в новом жильё еще не успели расставить мебель, явился толстенький крепыш лет сорока и заявил:

– Я доктор медицины Лазарь Антонович Зенкевич, я буду вашим врачом постоянно, для этого следует выделить мне в доме место, где бы я мог жить.

Никола взял его под руку, вывел на крыльцо, указал на собачью будку неподалеку от ворот:

– Это помещение вас устроит?

– Но это же не мое личное желание быть при вас! Это указание дано мне, знаете кем?

Зенкевич вытянул руку вверх.

– Понимаю, вас прислал Господь Бог, но у меня жена хороший лекарь, два эскулапа в одном доме – это будет перебор. Вы в карты играете?

– Причём тут карты?

– А притом, что это – явный перебор. Шагайте, пока я не вышел из себя. Если это произойдет, вас потом уже никто не вылечит.

Зенкевич вышел за ворота и, привстав на цыпочки, через забор сказал:

– А всё-таки, мне придётся вас иногда обследовать, таково указание верхов! И вы поймете, что никакого перебора здесь нет!

Никола повернулся к нему задом.

Через несколько дней в Ташкент стал поступать Николин багаж. Казаки построили в ограде большой сарай и стали туда складывать привезённые ящики. Вскоре в ограде появились несколько молодых азиатских овчарок.

– Эти будут служить мне куда лучше, чем Зенкевич, – заявил Никола. – Они быстро подрастут, и тогда мало кто захочет совать свой нос в мою жизнь.

Как бы там не суетились жандармы, но всё же сам Император приказал выслать Николаю Константиновичу для строительства приличного дворца триста тысяч рублей. Это был как бы знак благосклонности. И Никола мог действовать не как «сумасшедший», а как вполне здравый заказчик крупнейшего строительства. Конечно, «слухачи» и «топтуны» трудились неустанно. Но Никола вроде не замечал их. Он тут же отправил Императору благодарственное письмо, в котором сообщал, что половину этой суммы он потратит на строительство в Ташкенте театра. «Я хочу иметь, по крайней мере, одну ложу в местном театре, и это счастье, что и ташкентцы смогут приобщиться к высокому искусству».

Неизвестно, как отреагировал Саша-буруз на такое Николино заявление, но деньги были получены, и театр начал строиться. Это было дело не одного месяца.

Зато в очень короткое время был построен Николой синематограф. Ведь всё оборудование для него было предусмотрительно закуплено в Петербурге. Он стал первым в Ташкенте настоящим столичным кинотеатром под названием «Хива». В названии была как бы зашифрована память о бывших боевых походах Великого Князя. Кроме того, в память о давней встрече с незабвенной Фанни Лир, Никола затеял ещё строительство варьете под парижским названием «Фоли Бержер» – пусть местная молодёжь сможет услышать настоящих шансонье и увидеть искромётный кордебалет.

Не мешкая, Николай Константинович пригласил известного архитектора Алексея Леонтьевича Бенуа для возведения личной резиденции. Очень опытный архитектор, строивший уже и дворцы в восточном стиле, и в самых разнообразных стилях, с жаром взялся за работу. Дело в том, что Алексей Леонтьевич немало претерпел от самоуправства чиновников, не получил должного признания своих трудов, поэтому он сочувствовал Великому Князю, как человеку тоже обиженному властью.

Ташкентцы удивлялись, как это опальный Великий Князь затеял в городе несколько крупных строителей? Но у Николы был деятельный настойчивый характер. Он по природе своей не мог проводить дни праздно. Мысль постоянно работала: «А что можно еще сделать? Ещё?»

Даже в самые жаркие дни Никола выезжал в своем фаэтоне¹ с зелеными шторками и открывал в разных уголках города бильярдные, парикмахерские и фотографические залы, часовые и прочие

¹ Фаэтон (франц. – phaeton) – небольшая конная коляска с открывающимся верхом.

магазины. Оборудование-то он привёз. В летнее время в Ташкенте бильярдные столы можно было ставить просто под брезентовым навесом, а павильон можно было строить потом. Наладив дело, Никола тут же записывал его на Надежду Александровну Дрейер, или сдавал в аренду для того, чтобы никто из монархической фамилии не смог упрекнуть его в том, что он позорит их род, занимаясь коммерческими делами.

Кроме развлекательных заведений князь построил ещё гостиницу и баню, считая, что и то, и другое дело первоочередное. Для бани бригада казаков драла растения, из которого получались очень хорошие вехотки.

Его планы на будущее были грандиозны. Он сразу понял, что жить в этом краю можно лишь при достатке во всех районах города хорошей воды, которая дает жизнь плодам, овощам, цветам, ну и, разумеется, людям. Она же нужна для озеленения. Князь уже готовился закупать саженцы самых различных деревьев. Особо по душе ему были дубы и чинары. Он был – Искандер, что значит – могучий, и деревья он планировал выращивать могучие.

Князь преобразовывал этот полудикий город под себя, не только озеленяя его, но и приобщая его к культуре. Он выписал десятки аппаратов фирмы «Братья Пате»¹ и устанавливал их в открытых им шашлычных и рюмочных. Ташкент впервые услышал голоса Сандуновой, Жемчуговой, Хохлова, Корсова, Дейша-Сионицкой.

Свита Великого Князя состояла из отчаянных уральских казаков, к ним ещё добавились казаки-семиреченцы, он им всем неплохо платил, и они были готовы пойти за него в огонь и в воду. Хотя теперь он ходил в штатском костюме, и на голове у него вместо фуражки был штатский «котелок», они видели в нём славного командира, с которым никогда не пропадёшь.

Было исполнено распоряжение выплачивать ему ежегодно из государственной казны пенсию – двести тысяч рублей. Но уже в первый год пребывания в экзотическом городе Николай Константинович заработал сумму почти в десять раз большую, а в будущем ожидал более крупные доходы.

Своим примером он показывал, что Великий Князь, есть Великий Князь, хоть ты его к эфиопам отвези, хоть к эскимосам.

В 1882 году умер губернатор края Константин Петрович Кауфман. Никола, несмотря на протесты чиновников и жандармов,

¹ «Братья Пате» – в то время одна из крупнейших фирм, занимавшихся производством и продажей фонографов и киноаппаратуры.

сразу после церковной панихиды произнёс страстную речь о своём боевом командире и возглавил похоронную процессию. Ему сначала шептали на ухо, а потом уже почти кричали, что впереди должен шагать новый губернатор и другие высокопоставленные лица, он ничего не слушал, лишь раз коротко бросил:

– Здесь всех выше – я!

С врачом Зенкевичем, который всё-таки продолжал настаивать, что жандармерия предписала ему присматривать за Николаем, как за душевнобольным, и даже находиться при нем неотлучно, Никола поступил немилосердно.

– Ишь, какой лечить меня вздумал, да ещё и комнату ему выделить в квартире требует! Казаки, привяжите его к креслу и влейте ему в рот пол-литра касторки. И немедленно выкиньте после этого на улицу, чтобы он нам тут всю квартиру не обдрил.

Так и поступили. Как ни странно, Зенкевич жаловаться жандармам не стал, и Николе свои лекарские услуги более не предлагал.

От всех болезней Николу лечила жена. Она выписывала много медицинской литературы. Она боялась, что по приказу неких злых людей Николу могут отравить, и, прежде, чем подать ему какое-либо блюдо, сначала сама его пробовала. Она страстно любила Великого Князя, хотя внешне старалась своих чувств не проявлять.

16. А НА ТОМ БЕРЕГУ...

*Есть в Ташкенте речушка Салара,
Она шумно и быстро течёт,
А на том берегу – плановая¹,
Кто подкурит – тот счастье найдёт...*

Из личной лирики

У крутой извилины реки Салар на краю Ташкента лепились одна к другой глинобитные мазанки. Подобные жилища устраивались просто. Выкапывалась в глинистой почве яма, в ней замешивалась тамошняя вязкая глина, солома, порой добавлялся конский навоз. Месили всё это ногами. Когда масса достигала нужной вязкости, её кетменями² набивали в решётчатые формы, чтобы на солнышке засохли глиняные кирпичи.

1 План (воровской жаргон) – марихуана, анаша.

2 Кетмень – круглая азиатская лопата.

Иногда поступали ещё проще – из ямы черпали глину кетменём и сразу клали в стену. Поскольку строительное дерево в тех краях – дефицит – обходились малостью. Вкапывали четыре столба, потом клали сверху две поперечных жердины и несколько продольных, настилали сверху солому и замазывали опять же глиной. Крыша была готова. Иногда для входа в мазанку устраивали дверь, а чаще просто вешали циновку. В стенах делалось одно небольшое окно, реже – два. Мазанки пристраивались одна к другой. Получалось, что надо было сделать только три стены, а четвертая – это стена другой мазанки.

Внутри в зимнее время топили малюсенькие печурки, летом чай варили на таганках во дворе, лепешки пекли в небольших конусных глиняных печах-тандырах. Печь протапливали хворостом, затем на внутренние стенки приشلёпывали тесто. Когда лепёшка от стенки отваливалась, её можно было подавать на стол. Лепёшка и зелёный чай – вот и вся пища здешнего человека. Ну, конечно, летом ещё был к столу виноград, абрикос. Но он был далеко не у всех жителей этого окраинного мирка.

Между мазанками были узкие кривые ходы, в таких лабиринтах человек ещё кое-как протискивался, а ишак с поклажей уже застревал. Кто жил здесь? Бедняки, лодыри, философы, люди, вообще, непонятные. Полиция сюда редко заглядывала. Здесь не случалось убийств, тут брезговали селиться настоящие бандиты. Тут жили парии¹. Иногда у них совсем не было еды, зато вода была всегда – рядом был Салар².

Одна мазанка была чуть больше других и от неё нередко тянуло особенным запахом жжёной тряпки. Там жил хаджи Хидыр Мурад, ещё не старый человек, но уже совершивший хадж и видевший чёрный камень Каабу. Он хорошо знал весь Коран, читал многие суры наизусть, вообще считался тут первым мудрецом и авторитетом. Это тот самый человек, которого когда-то хвалил несчастный хан Сеид-Мухаммед-Рахим. Хвалил он его за то, что Хидыр замечательно умел стрелять из английских пушек и обучал этому искусству других хивинских воинов. Вах-вах-вах! Теперь Сеид-Мухаммед-Рахим давно уже не хан, он проиграл битву, его, может, вообще нет на свете, и да упокоит его душу Аллах! Зато Хидыр Мурад жив, и бедные люди, которые никогда не будут ласкать

1 *Парии* – низшее сословие, как бы своя особая каста, с которой прочие считают осквернением приди в малейшее соприкосновение. Слово «пария» приобрело значение «отверженный», «бесправный».

2 *Салар* – канал, часть водной системы Ташкента, издревле проходил по его бедным окраинам.

ных прелестниц и жить во дворцах, полуголодные, в заношенных одеждах могут найти у хаджи Хидыра сладкое забвение.

Наргиле¹ на земляном полу. Мундштук – во рту, посасывая «булькающую трубку», сиди на набитых соломой подушках спокойно, молчи, другим не мешай, и будешь ласкать красавицу, вроде бы наяву, хотя и в мечтах, или будешь вкушать райские плоды. Каждый будет иметь то, о чём он всю жизнь мечтал. Больше приходят молодые, но иногда заглядывают и старики. Видишь его иссохшие руки, запавшие глаза, но дайте ему хорошо скатанный зеленый шарик, и он станет юным, хотя бы не для всех, а лишь для себя. Побывать часа два юным, разве это не диво? Шарик называется – терриак. Его глотают. Курить не надо, надо только запить терриак водой. Кто часто его употребляет, быстро становится лысым, его голова становится блестящей, розовой, как коленка юной девы. Но голова обмотана чалмой, всё равно лысину никто не увидит.

Не очень большие барыши получал Хаджи от своего опийного товара, но в полудрёме люди прочно впитывали его слова о том, что уруссы – шайтаны, они разрушают праведную жизнь восточных людей, единственные, кто может за них заступиться и сразиться с русским шайтаном – это англичане. Они спасут Восток. Это они прислали этот чудесный нектар, который переносит всех в рай. Они и оружие дадут, и многое другое. Слова эти Хидыр Мурад подкреплял словами Корана.

Иногда сам брал кальян, покуривал, и перед ним пролетали прожитые годы. Он словно вновь видел юную девушку Гэти, которую он лишил девственности под шлепанье волн о борт корабля. Он видит себя на безымянном французском острове. К ноге у него пристегнута цепь на другом конце которой болтается железное пушечное ядро. Он вместе с другими каторжниками должен был целый день пилить белый камень на ровные строительные блоки. Белая пыль забивала легкие и ноздри, но остановиться, отдышаться было нельзя, тотчас подбегали надсмотрщики с плётками и хлестали так, что кожа лопалась.

Начальником на острове был француз, а его помощники и надсмотрщики были арабами и эфиопами. Бежать было нельзя – кругом океан, с ядром, прикованным к ноге, далеко не уплывёшь, сразу потонешь. Несмотря на молодость, бывшему американскому

1 *Наргиле* – то же, что кальян – прибор для курения табака и опиума, в котором дым предварительно проходит через сосуд с водою, охлаждается, и затем через резиновую трубку попадает в рот.

ковбой, бежавшему с пастырской дочкой из Америки во Францию, хотелось умереть. Иногда ночами он рычал в бессилии. Но ничего поделать не мог.

Однажды ночью, когда самый сон, на острове вдруг раздались стрельба, взрывы бомб, крики. Потом в барак к каторжникам вбежали неизвестные люди с ружьями и пистолетами в руках, велели вставать, и погнали к берегу, где в бухте маячило судно.

Вскоре они уже были на судне, которое быстро подняло якорь, расправило паруса и помчалось в неизвестном направлении. С каторжников кандалы не сняли, спустили всех в трюм, кинули несколько больших связок бананов, и люк закрылся. По-каковски говорили – никто не понял. Вроде темнокожие. Куда везут, за-чем?

Сколько прошло времени бывший ковбой Том, будучи в полудреме, не понял, судно где-то причалило, люк открыли, велели вылезать. Усадили в лодки по пять человек, рядом сели конвоиры с ружьями. Перевезли всех на небольшую пустынную пристань, выстроили в ряд. Важные толстые арабы стали обходить строй, указывали на каторжников пальцами и что-то спрашивали. Но что?

Неподалеку возле пристани люди в белых шлëмах щелкали фотоаппаратами. Том услышал английскую речь:

– А что, Джеймс! Не купить ли нам себе пару рабов?

– Я думаю, если бы продавались юные рабыни, то ещё можно было бы подумать.

Том крикнул им:

– Господа! Я – англичанин! Спасите меня!

Англичане подошли к пиратам-работорговцам и заговорили с ними на их языке. Они объявили им, что один невольник является их земляком, поданным великой Англии, и что они должны немедленно его освободить, иначе у них будут крупные неприятности.

Очевидно пираты не хотели отдавать Тома бесплатно. Поэтому англичанин отслунил им толстенькую пачку денег. Арабы что-то недовольно пробурчали. У пиратов не было ключей от кандалов и они отдали Тома англичанам вместе с цепью и ядром.

Через некоторое время Том был освобожден от своих оков и Джеймс заявил, что отвезет их в лондонский музей. Вскоре вся компания оказалась на пассажирском корабле, отправлявшемся в Индию. Там Тома отвезли в военный лагерь, где два следователя вежливо, но дотошно допрашивали его обо всех подробностях его жизни. Потом господин в чине полковника сказал:

– Вы многое пережили, вы мужественный парень, вы сирота, у вас есть только одна мать – старая добрая Англия. Сам Бог вам велел служить в английской разведке.

Затем два года Тома обучали на разведывательных курсах. Он изучил узбекский и туркменский языки и их многие диалекты, в подробностях изучил Коран. Два года он ходил в туркменских одеяниях, в конце концов, ему для убедительности сделали обрезание, и он был направлен в качестве текинца к хану Сеид-Мухаммед-Рахиму. Он был там главным пушкарём. После падения Хивы в Секрет Интеллидженс Сервис¹ посоветовали ему совершить хадж, а затем обосноваться в Ташкенте и активно распространять там разведение опиумного мака и индийской конопли.

Этим Том теперь и занимался. Он уже почти забыл своё прежнее имя и почти не вспоминал свою милашку Гэти. Но на днях он увидел на одной ташкентской тумбе афишу: *«Барнум!» «Барнум!» «Барнум!» При участии всемирно известного мага Али Бурхана! Королевская конюшня и многое другое! Гастроли начнутся через неделю. Наш шатёр уже строится на площади. Билеты у нашего представителя в кинотеатре «Хива».*

Том судорожно глотнул дурманящего дыма. Ну, погоди, великий и всемирный! Я тебе покажу гастроли. Теперь уж мы посчитаемся. За всё!

Том купил билет в первый ряд. В махалле² неподалеку от Салара жил здоровяк Абдурахман, который не мог жить без опиума. В день начала гастролей Том, он же – Хидыр Мурад, пригласил Абдурахмана в курильню. Ввиду позднего времени там уже никого не было, Том запер двери заведения.

– Только в долг! – сказал здоровяк Абдурахман. – Неделю назад с базара я тащил одной старухе две вязанки дров, такие огромные, ишак бы под ними упал. Да старуха скупая, мало дала, всё проел за день.

– Неважно, пошли, будешь курить, сколько хочешь...

1 *Секрет Интеллидженс Сервис* – разведслужба Великобритании. Традиционно действует изощрёнными методами, прибегая к организации заговоров, терактов, подкупу, шантажу, политическим провокациям и идеологическим диверсиям. Широко использует нелегальное распространение наркотиков на территории государств, которые предполагают превратить в колонии. Так, с 1773 г. британская Ост-Индская компания начала поставки опия в Китай, в 1838 г. ввоз опиума составил 1500 тонн, что стало страшной разрушительной силой китайского общества. Проиграв Англо-Франко-Китайские опиумные войны, китайская империя фактически перестала существовать. Лишь с 1906 г. в Китае началось искоренение опиумокурения.

2 *Махалля* – район в старом узбекском городе.

Хидыр Мурад заложил в шар двойную дозу. Ахмед курил с наслаждением.

– Абдурахман, ты хочешь попасть в рай?

Абдурахман покивал, продолжая дымить.

– Слушай меня внимательно. Я тебе купил билет в цирк. В город приехал шайтан в образе человека. Он распиливает пилой пополам девочек, у него изо рта вылезают дьявольские змеи. Иди в цирк, садись на указанное в билете место. Как только увидишь, что он девочку пилит, так хватай его и дави. Тогда душа твоя обязательно будет потом в Эдеме.

Обкуренный Абдурахман с помощью контролёра с трудом нашёл своё место. Наконец, объявили фокусника. На своё несчастье маг решил начать выступление именно с распиливания девочки. Она была не так милостива, как Гэти, но всё-таки...

Когда Абдурахман увидел, что маг распиливает ящик пополам, и голова девочки болтается отдельно, а ноги находятся в другой половине ящика, он взревел, выскочил на арену, схватил Али Бурхана за горло, приподнял, сдавил. Немолодой итальянец несколько раз дрыгнул ногами и затих.

Публика сначала отреагировала смехом, все думали, что так и надо по сценарию...

Абдурахмана скрутили и отвели в полицию, но через некоторое время он вернулся в свою глинобитную пещеру. Врачи признали его ненормальным, каковым он, в сущности, и являлся. После этого «подвига» Хидыр Мурад месяца два снабжал его райским зельем совершенно бесплатно.

17. ОРЁЛ ВЗМЫЛ В НЕБО

В 1883 году дворец Великого Князя Николая Константиновича в соседстве с генерал-губернаторской резиденцией был полностью готов. Это было здание в стиле модерн, но оно имело свои особенности. К таланту архитектора и инженеров-строителей приложилась фантазия незаурядного заказчика. С высоты птичьего полета здание смотрелось как двуглавый орёл.

Великолепное здание, выложенное из буро-жёлтого жжёного кирпича, украшенное фигурной кладкой и коваными решётками. Внутренние помещения покрыты резьбой по ганчу¹ в националь-

¹ Ганч – слой алебастра, покрывающий поверхность сооружения. Резьба по ганчу стелется по плоскости, декорируя её, заполняя всё поле бесконечной вязью узора, развивая, варьируя одни и те же элементы фигур.

ном духе. Тут было что-то от мавританских дворцов. Возле дворца было высажено множество деревьев, разбиты цветники, розарии, и забил первый в Ташкенте фонтан.

Здание дворца было двухэтажным с подвальным помещением, где даже в адскую жару можно было чувствовать, как в тени кипарисов у моря. Там была и обширная кухня. На флангах дворца были построены круглые башни, красиво сливающиеся со зданием.

К крыльцу, выходящему на Кауфманский проспект, шла от улицы кругообразная широкая въездная аллея в виде крытого застеклённого портика с колонками. От улицы этот участок был огорожен красивой высокой кованой решёткой с двумя воротами: въездными и выездными. Между решеткой и въездной аллеей был разбит круглый, огороженный подстриженными растениями в виде живой изгороди, – цветник.

По обеим сторонам входной лестницы на мраморных цоколях лежали в натуральную величину бронзовые олени с громадными ветвистыми рогами.

В левом крыле дворца располагались апартаменты Великого Князя, а в правом крыле – апартаменты его жены.

Через резные дубовые двухстворчатые широкие двери, расположенные в передней части дворца, посетитель попадал в круглый большой холл, отделанный тёмным деревом, где сверху опускался на чугунной цепи замысловатой формы фонарь. Далее из холла выходили три двери: прямо перед вошедшим, а также справа и слева. За левой дверью была круглая винтовая, узорчатая железная лестница, ведущая на второй этаж – в богатую, большую библиотеку и в бильярдную.

Войдя в правую дверь, посетитель попадал в огромный зимний сад. Здесь росли пальмы разных сортов, лимонные, апельсиновые, мандариновые и померанцевые деревья. С левой стороны от входа в зимний сад был устроен ещё и японский садик с карликовыми фруктовыми деревьями, в нём журчали ручейки, через которые были переброшены красивые мостики с перилами в виде заборчиков и туннелей, а также стояли крошечные домики. Около них – масса фигурок людей и животных в живописных позах.

Через левую дверь из холла, можно пройти в три зала, следовавших один за другим. Там вас ждали мраморные статуи и картины. В первой небольшой гостиной, недалеко от громадного французского окна, стояла очаровательная статуя Венеры, которая выглядела розово-прозрачной, когда через окно на неё падали солнечные лучи. В следующем зале в застеклённых шкафах и

витринах находились многочисленные экспонаты из коллекции – статуэтки, игрушки из слоновой кости, ордена, медали, кольца, браслеты, серебряные и золотые украшения и многие другие интересные вещи такого рода.

Следующий зал был оформлен в восточном стиле с чудесными бухарскими, афганскими, туркменскими и персидскими коврами, с драгоценным огнестрельным и холодным оружием. Низкие тахты были покрыты коврами и материями, расшитыми шелками, серебром и золотом. Также в этом зале находились картины известных мастеров живописи со сценами из жизни Азии, знаменитые места паломничества Востока.

Из зала «Венеры» можно было пройти в зал «Хивинского похода». На эту тему были выполнены картины, книги, статуэтки, отлитые из чугуна. Там был макет хивинской крепости, которую брали приступом туркестанские стрелки в кепи с назатыльниками. Они лезли по приставленным лестницам, некоторые падали ранеными и убитыми. Хивинцы стреляли в осаждавших крепость из ружей, луков, бросали камни и лили горячую смолу. Стреляли медные пушки внизу и на крепости. Вот казак везёт раненого товарища. Другой увозит хивинку. Ещё один, джигитую, поднимает фуражку. А вот лежит раненый казак, а возле него стоит верный конь, обнюхивает, не покидает. Рядом изображена охота с соколом и беркутом.

В столовой, отделанной деревом, потолок по карнизам расписан золотом, тушью, малиновыми и зелеными надписями – молитвами из Корана. Большой длинный обеденный стол, массивные стулья с высокими спинками, обтянутыми кожей, с богатыми резными ножками, спинками и подлокотниками. По стенам шкафы с массивным семейным серебром – блюдами, хрусталём и сервизами, заказанными на императорском фарфоровом заводе.

Великий Князь отправил письмо в Петербург отцу. Он написал, что не смеет надеяться увидеть на новоселье своих родителей и прочих родственников, но посылает фотографии внешнего вида дворца, а также внутреннего убранства. Он уповает на то, что Константин Николаевич понимает, что теперь коллекции, собранные его сыном во время его поездок по Средней Азии, России и Европе, могут дополнить убранство дворца и будут чувствовать себя нём удобно и уютно.

Родитель Николы внял голосу разума. Кроме коллекции, была послана в Ташкент и собранная Николой библиотека в пять тысяч томов.

В это самое время Константин Николаевич переживал глубокую драму, по сути дела, фиаско. Он с детства готовился быть моряком. Воевал. Будучи наместником в Польше, был ранен террористом. Стал морским министром, адмиралом. При защите Кронштадта от англо-французских войск привлёк талантливого организатора Н.И.Путилова для строительства винтовых канонерских лодок¹: «Можешь ли ты, Путилов, сделать невозможное – построить до конца навигации флотилию винтовых канонерок? Денег в казне нет – вот тебе мои личные двести тысяч».

Так на его личные деньги возникла группа канонерок. Это было так важно в морском бою: канонерки могли топить тяжёлые и грузные суда, сами оставаясь неуязвимыми ввиду маневренности.

Потом Константин Николаевич был занят переделкой российского парусного флота в паровой. Был Председателем Государственного совета и активно помогал брату продвигать реформы. Когда пришёл к власти его племянник, адмирал, конечно, ожидал, что он ему будет нужен как первый советчик и помощник. Вышло совсем не так. Однажды, читая очередное государственное распоряжение, он узнал, что генерал-адмиралом назначается ещё один человек. И даже удивился: как это могут править российским флотом сразу два адмирала? Но вскоре понял, что командовать будет другой, а его самого отстранят от должности. Да так и было. Это был только первый камушек, за ним покатались все другие. Постепенно Константин Николаевич лишился всех своих должностей. Пришёл другой царь, пришли и другие чиновники. Что-то стало грызть изнутри душу бывшего блестящего сановника.

Отменивший все прежние преобразования, Александр Третий ввёл не слишком много новых. Он стремился укреплять армию, флот и полицию, что в истории Российской империи было не ново. Вообще, он любил повторять: «У России есть только два союзника – армия и флот». А одно его преобразование было потешным. Пошили новую форму для военных и полиции. При этом он считал, что всё должно быть дешёво, строго и без прикрас. Особенно смешной была кургузая мелкая шапка, такую же теперь носил и сам государь. Ну, ему-то такая, может, и нужна была в виду рано облысевшей головы.

Но что странно: он так сурово обошёлся с невинным дядюшкой, зато обвинённого в страшных грехах и объявленного сумас-

¹ *Канонерские лодки* – небольшие деревянные суда длиной 30-35м, оснащённые гребным винтом и паровой машиной, вооружены были обычно двумя мощными 214-мм бомбическими орудиями. (Ср.: Канонир (нем. Kanonier) – рядовой артиллерии, буквально пушкарь).

шедшим двоюродного братца пожаловал и деньгами на дворец, и солидным ежегодным пенсионом. Хотя, в общем, странного-то и нет. Никола далеко, объявлен сумасшедшим, значит, не будет совать свой нос в дела нового государя. А дядюшка наверняка стал бы надоедать советами.

Вот почему, получив письмо сына, Константин Николаевич сразу же отправил ему все картины и скульптуры, книги, карты – пусть хоть несчастный сын порадуетя. Сам Константин Николаевич пребывал в самом мрачном настроении. Дремавшие прежде в его теле болезни вдруг разом все обострились – известно, что тоска и отчаянье – самые лучшие пособники любой хвори.

Вскоре дворец Николы засиял по-новому драгоценными полотнами и скульптурами, мраморными статуями и гобеленами. Залы дворца украсили коллекции картин – великолепные редкостные произведения, была даже знаменитая «Купальщица» Беллони.

18. НАКОРМИТЬ ГОЛОДНУЮ СТЕПЬ!

Великий Князь в спортивном костюме, верхом на великолепном жеребце по кличке Алмаз скакал впереди полусотни казаков к реке Чирчик. Здесь, оплаченная Великим князем и отчасти казной уделов, развернулась великая стройка Искандер-арыка.

На пути арыка был древний холм. Никола приказал его вскрыть. Археологов не приглашали, прибыв с подмогой, сам Князь наблюдал за процессом.

– Эй-эй! – вскричал он, заметив, что один из землекопов попытался спрятать в свои рехмоты¹ старинный перстень, – осторожно разгребайте землю руками, складывайте всё на циновки: и ожерелья, и посуду, и кости, – вызовем потом ученых из Петербурга – разберутся. Ведь это, возможно, остатки Парфянского царства, которое создал великий Александр Македонский. Это всё будет принадлежать местному музею. Если кто-нибудь ещё какую-нибудь вещь попытается спрятать – запорю до смерти!

С окончанием постройки Искандер-арыка Великий Князь практически перестал бывать дома. Он рвал в клочья всякие документы и предписания полиции и жандармов – это всё были запрещения выходить из дома или что-либо предпринимать, строить. Были жалобщики. Кому-то казалось, что мало заплатили за работу, кто-то считал, что можно было вообще обойтись без

1 Рехмоты – лохмотья.

нового арыка. Кого-то князь отхлестал плетью. Кто-то думал, что с него несправедливо берут плату за пользование арычной водой.

Вода в этом климате – всё. Будет она на твоём участке, будут у тебя виноград, арбузы, дыни, слива, абрикос, да тот же сладкий лук, та же капуста, и сам будешь пить, и барашки будут пить, может и ишачку останется, а верблюды и так обойдутся. Воры подкрадывались к шлюзам по ночам, перекрывали их так, чтобы направить воду именно на свой участок. А, те, которые заплатили за орошение, замечали, что вода перекрыта, и мчались к шлюзам, нередко это приводило к дракам, а то и к убийствам.

Жандармы все эти неурядицы и разбои валили на больную голову опального князя, в надежде упрятать его в кутузку или в психушку.

Поэтому Никола установил ночные дозоры возле шлюзов, казаки разъезжали вдоль арыка, готовые ко всему. Теперь Никола здесь стал по-настоящему главным коренным жителем. По новому дворцу уже весело топотал недавно начавший ходить сынок Артемий.

Надежда Александровна говорила, что поедет в Петербург, что Артемий – вылитый Великий Князь Константин Николаевич и на Александру Иосифовну чем-то походит.

Никола укрощал её порыв:

– Погоди, пусть подрастёт, тогда ещё больше походить будет. А младенцы – что ж, они все друг на друга похожи...

У Великого Князя и планы были великие. До проведения Искандер-арыка на этих землях находилось лишь несколько домов бедных дехкан, переселившихся из Газалкента. После проведения сюда воды, здесь заложили «великокняжеское» селение Искандер. В стороне от арыка Великий Князь разбил большой сад, тут же он устроил богатейшие плантации, где росло всё – от фруктов и овощей до цветов.

Разветвление Искандер-арыка позволило часть ранее безжизненных земель оживить искусственным орошением. Эти земли были заселены крестьянами из России, Бесарабии и коренными жителями. Тут построили свою малую станицу Николины казаки. Эта долина радовала глаз новыми домами, садами и огородами. Часть освоенных земель перешла в собственность князя, некоторые он сдал в аренду, а также – в казну. Он стал крупнейшим землевладельцем в этом крае. Кроме того, в городе он устраивал всё новые производства: шёлковую фабрику, кожевенный завод, лёдодельный завод, бумагоделательную, ткацкую фабрики, сыроварню, наладил и выпуск мороженого. Строил и сдавал в аренду

жилые дома. На свои деньги он мостил главные ташкентские улицы хоршим камнем, того же требовал от местной управы.

В эти годы американцы, под видом научной экспедиции, провели в Туркестане опыты по выращиванию хлопчатника. Московские фабриканты с «ситцевым королем» Саввой Морозовым верно поняли значение опытов. Князь немедленно взял дело в свои руки. Он быстро разбил плантации хлопчатника и построил несколько хлопкоочистительных заводов, выписал множество книг по выращиванию и обработке хлопка. В результате, остатки после переработки сырца в волокно, употреблялись в качестве сырья на маслобойнях, а жмых шёл как на удобрения, так и на корм скоту. Американцы уехали домой, как говорится, не солоно хлебавши.

У Николая была главная мечта – оросить Голодную степь, чтобы она стала зваться Сытой степью.

Пригласив на пасхальный обед деловых людей Ташкента, Никола заявил:

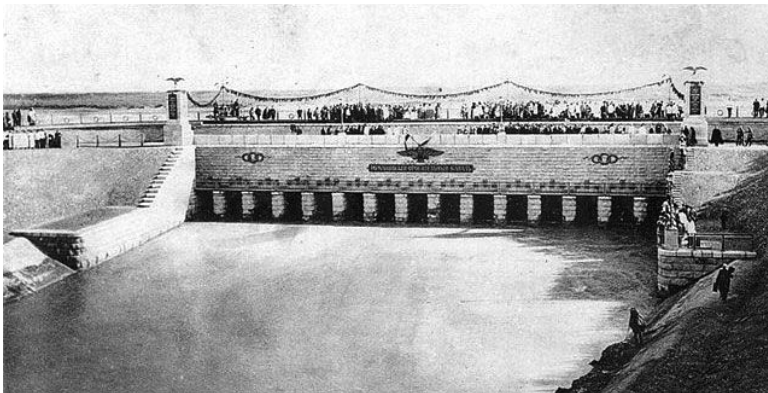
– Моё желание – оживить пустыни Средней Азии и облегчить правительству возможность их заселения русскими и прочими людьми всех сословий.

Гости приняли речь с восторгом, истово христосовались, многие пожертвовали небольшие суммы на строительство будущего грандиозного канала.

Никола слов на ветер не бросал. В 1886 году Великий Князь приступил к «выводу» сырдарьинской воды, желая, во что бы то ни стало, оросить хотя бы часть Голодной степи между Ташкентом и Джизаком. Работы по проведению канала обошлись князю свыше миллиона рублей. Корова тогда стоила три рубля. Вот и думайте сами, мало ли он потратил собственных денег?

На прибрежной скале около реки, у головного соопения близ Бекабада, была высечена огромного размера буква «Н», увенчанная короной. Сооружение было названо каналом имени Николая Первого. Но, может, так Никола увековечил и себя самого. Канал производил сногшибательное впечатление. Молитвенно преклоняли перед ним колена и русские, и узбеки, и туркмены, и киргиз-кайсаки, и Бог ещё знает какие народы, жившие в здешних степях.

Князь сделал много снимков, и вместе с чертежами и планами, отправил их двоюродному братцу, императору. Дескать, Мольтке не Мольтке, а тоже не даром хлеб жуём. Спустя некоторое время Великий Князь построил неподалеку от нового канала двадцать домов для переселенцев из России, со временем число домов в посёлке выросло в десять раз.

Главное сооружение Романовского оросительного канала в Голодной Степи.

Надежда Александровна Дрейер вновь вынуждена была кроить широкие платья. Надежде хотелось девочку.

Удовлетворенный своими трудами, Никола учредил десять стипендий для лучших учащихся Ташкента, с тем, чтобы они могли дальше продолжать образование.

И ещё он решил отметить окончание важнейших работ в кругу друзей. Во дворце Великого Князя собрались деловые люди, строители, художники, актеры, музыканты, казаки. Ни один чиновник или военный здесь не мог присутствовать, его бы сразу за это уволили. Ведь даже на пользование собственным дворцом опальный Великий Князь должен был получать ежегодное официальное разрешение губернатора. Всё это больно ранило его душу, но всё же некоторая часть общества его признавала, была с ним всегда рядом. Например, казаки. Им не требовалось ничего разрешения, они были как бы сами по себе и признавали только свой сход. И простой ташкентский народ относился к Николе с великим уважением – он дал людям воду, значит, дал жизнь.

Пиршество было обильным. На фарфоровых тарелках и блюдах были виды Петербурга и Павловска. Ложки, вилки и рюмки были серебряные. На стол подавали официанты в лайковых перчатках с раструбами. Никола слушал восхваления в свой адрес, а потом сказал:

– Господа! Не хочу никого обидеть, но знаю, что многие за глаза называют меня сумасшедшим, а иногда и как-нибудь похуже. Да, я не ангел. И не скажу, что ссылка меня не тяготит. Она не сделала меня ни красивее, ни добрее. И я не люблю своих ближайших родственников, отправивших меня сюда, и сидящих теперь на

самой верхушке пирамиды. Я больше люблю вас оттого, что вы помогаете мне делать полезное для России дело.

Вы знаете, я воевал под водительством славного фон Кауфмана, царствие ему небесное! Мои военные заслуги невелики. Но я знаю, англичан очень беспокоят успехи русских в Туркестане и перспективы их выхода через Афганистан к владениям британской короны. И мы должны дать этому краю жизнь, чтобы нас уважали, и чтобы к нам сюда не лезли ни англичане, ни американцы. Туркестан – подбрюшье России, это должны запомнить все и навсегда!

Был февраль, в распахнутые окна торжественно врывались бело-розовые облака зацветшего миндаля и абрикоса. Вдруг один из казаков воскликнул:

– Эй, Богу, люстры качаются и посуда в буфетах дребезжит!

Никола вскочил:

– Надька! Хватай ребенка и бегом – в сад, садись под самую толстую чинару. Казаки – бегом к конюшням, успокойте и седлайте лошадей, мне заседлайте Арапа, он хоть старый, зато бывалый.

Грохот и пыль наполнили Ташкент, в некоторых местах земля разверзлась и снова смыкалась. Глинобитные землянки, избушки из кирпича-сырца валились одна за другой.

Вопли и стенания наполнили город. Великий Князь с полусотней казаков оказывался там, где крики были громче. Разбирали кирпичи, раскапывали глину, доставали из-под обломков детей, стариков, женщин. Подъехали узбеки с арбой, стали отвозить раненых в лазарет. До полуночи Никола со своим отрядом метался по Ташкенту.

Домой вернулся затемно. Обошёл дворец со всех сторон, остался доволен:

– Вот что значит настоящее строительство. Только пара кирпичей с трубы свалились, да в каретнике перекосило дверь... Это нам всем напоминание о том, что наше пребывание на земле всего лишь временное.

Нашёл в саду Надежду Александровну, Артемий у неё на руках спал, мирно посапывая. Сказал:

– Пойдём в дом, чего тут сидеть?

– Ага! А ну как ещё трахнет?

– Но дом же устоял и ещё устоит. И вообще два раза в одну воронку бомба не падает.

Никола, как выяснилось потом, был не совсем прав. Четвёртого апреля Ташкент снова изрядно трянуло.

Опять казаки участвовали в раскопках, ругались:

– Черты копчёные! Перестаньте делать избы из глины. Деревянная изба, она вся связана, как спичечный коробок, поскрипит, поскрипит, да и перестанет. А вы, получается, глиняные могилы себе строите.

Казачи были правы только отчасти. Строевой лес в Ташкенте не растёт, из кривых стволов фруктовых деревьев дома не строишь.

Никола объехал свои строения. Остался целехоньким кинотеатр «Хива», ничего не сделалось с варьете «Фоли Бержер». Кое-где покорежило брусчатку, не беда, каменщики восстановят в два счета. Дома в имении Искандер были построены в основном из фабричного обожённого кирпича, балки, стропила – всё было нужной прочности. Посёлок не пострадал. Цели остались и каналы. Не зря он гонял строителей, чтобы всё делали на совесть. Гордо возвышалась буква «Н» на главном канале, и сияла золотая имперская корона.

19. МРАМОРНАЯ ЖЕНЩИНА

Однажды Великая Княгиня Александра Иосифовна прогуливалась в парке в сопровождении иностранных послов. В зарослях была еле видна вросшая землю мраморная скульптура.

– Э! Да это американочка! – воскликнул неожиданно один из провожатых.

– Какая ещё американочка? – удивилась Великая княгиня.

– Та самая, которая недавно в Америке выпустила книжку о том, как она жила в Петербурге с вашим сыном Николаем Константиновичем.

Великая княгиня ничего не ответила иностранцу, но после прогулки велела рабочим извлечь скульптуру из земли, отмыть и упаковать в ящик. Она всё-таки не вытерпела, пришла взглянуть на отмытую скульптуру. Перед ней была полуобнаженная красавица с яблоком в руке. Когда скульптуру упаковали, Александра Иосифовна положила в ящик записку: «Теперь ты можешь любоваться вдоволь на бесстыдные черты прелестницы, сведшей расчётливо тебя с ума и толкнувшей на бесчестье!» И поставила свою роспись.

Никола, получив посылку, подумал: «Даже годы не уменьшили её злобы и ехидства. Но за посылку ей, всё же, спасибо, это будет жемчужина моей коллекции, я поставлю её в парке перед дворцом».

Не так давно брат Константин Константинович ему писал: «Глядя на наших деток, припоминаю я и свое детство... Дивлюсь, замечая, какая между нами разница. Никогда не были мы так привязаны к родителям, как наши дети к нам. Для них, например, большое удовольствие прибегать к нам в наши комнаты, гулять с нами. Мы, когда были совсем маленькими, со страхом подходили к двери Мама»..

– Как всё это точно брат выразил, как меткий стрелок попадает в мишень, но так видно нам было на роду написано. Не стоит роптать, надо действовать, – подумал Никола.

Мраморная скульптура «Девушка с яблоком» заняла достойное место среди деревьев гледичий и цветов юкки, неподалеку от фонтана и курлыкающего арычка. Красавица в вечном раздумье слушала шум воды и листвы.

За сторожа у Николы служил семиреченский казак Елисей Часовитин. Он решил: не всё ли равно, где дрыхнуть: дома на кровати, или в великокняжеском саду на скамье? Зато лишняя копейка будет в кармане. Елисей уснул богатырским сном, как только разместился на скамье.

Светила огромная южная луна и освещала мраморную красавицу, а когда редкие полосы облаков проплывали в чёрном, как сажа, небе, то казалось, что мраморная девушка шевелится на своем ложе.

– О! Гэти! Моя милая Гэти! Каким чудом ты очутилась здесь! Я столько лет ждал тебя, о, Гэти! Отзовись мне, любимая Гэти! Я прощу тебе всё! Каторгу, рабство, мучение – всё, всё! Но почему ты молчишь, Гэти?

При этом последнем возгласе Елисей очнулся и заорал:

– Геть видсия! – Часовитину вспомнился бабушкин язык. И чего это в сад пробрался какой-то узбек в белой чалме, да ещё кричит «Геть, геть!», врезать ему, что ли, святым кулаком по ока-анной шее?

– Ты кто? – спросил Часовитин.

– Хаджи.

– Вижу, что хаджи. Чего тут хотел украсть?

– Ничего. Красивый девушка смотрел.

– Смотрел? Давай на пол-литра, иначе в полицию сведу.

– С собой нет. Завтра приходи. Где поворот Салара – много мазанка, там спроси Хидыр Мурада мазанку, там выпить будет, закусить будет, гашиш будет.

– Гашиш нам ни к чему, мы к водке привычны.

– Приходи, всё будет...

– Ну, смотри, если обманул, всё равно найду, тогда уж точно голову набок сверну.

– Не надо набок, завтра в гости ждём, приходи. Будь другом.

Елисей почесал затылок, – обыскать, что ли, незваного гостя? Да нет! Чего зря ссориться. Хаджи врать не должен. Пророку ходил кланяться. Хрен с ним, пусть идёт. А нам ещё поспать не повредит... И улёгся на скамье в прежней позе.

Наутро всё же пошёл искать своего хаджи около Салара. Ему указали нужную мазанку.

Хаджи Хидыр Мурад встретил Часовитина, пожимая его руку руками, словно грел его ладонь, при этом он всё время кланялся. Отвесив поклонов двадцать, Хидыр Мурад сказал:

– Посмотри, сколько людей сидят с кальянами. Среди них есть урусы, видишь? Они тоже любят водку. Но у нас каждый сначала курит. Им делается сладко-сладко! Поверь мне, ведь я – хаджи, мне лгать Аллах запретил, выкури одну набивку, потом мне скажешь, плохо это или хорошо. Потом и водки дам. Вот тебе моя лучшая подушка, новая, только купил, на ней ещё никто не сидел. Устраивайся поудобней и соси вот этот мундштук – узнаешь, что было и что будет.

Часовитин привалился к стене, взял в рот мундштук, стал дышать дымком, который имел запах травы и жжёной тряпки. Он хотел уже бросить это дело, как вдруг увидел свою давно умершую прабабушку, она издали кивала ему, говоря:

– Ты молодец, молодец!

Затем он увидел посёлок Верный, высокие горы, на самой высокой горе лежала его жена в бесстыдной наготе раскинув ноги, из чёрной щели меж её ног вылезали огромные младенцы мужского и женского пола и вопили:

– Папка Елисей! Ты всех нас будешь кормить! Будешь, будешь!

Их уже вылезло десятка три, а они всё продолжали лезть, крича:

– Кормить будешь!

– Кыш! – вскричал Елисей. Сморгнул. Младенцы исчезли, и сразу возникла та самая мраморная девка, которую вчера проводывал хаджи Хидыр Мурад. Эта мраморная прелестно улыбнулась и сказала:

– Бросай свою жену Часовитин, женись на мне, я тебе буду рожать детей из чистого мрамора. Каменные дети не будут просить есть. Ты будешь тратить деньги на вино и на гашиш. К тому же я не буду орать во всё горло, как твоя жена, я буду тихо передавать

тебе свои мысли, как передаю их тебе сейчас. И ты будешь спать, сколько захочешь. А ещё я сделаю тебя есаулом, и ты будешь командовать казаками.

Очнулся Часовитин не соображая, где он, и сколько сейчас времени. В окне была луна. Ночь, значит. На него смотрел, улыбаясь, Хидыр Мурад, голова у него была огромная, как гора, а рот был, как пещера, в которой торчали огромные зубы.

– Закрой рот, ради Бога! – попросил Часовитин, – мне страшно.

– Ничего, – ответил Хидыр Мурад, – на вот ковш, попей воды.

Часовитин жадно выпил воду, потом попросил ещё, ещё. Хидыр Мурад приобрел нормальные очертания.

– Кушать хочешь?

– Очень, очень, как волк.

Хидыр Мурад подал ему казан с пловом.

– А где – все остальные? – спросил Елисей.

– Они домой пошли кушать, много надо кушать. А завтра все снова придут курить. И ты тоже приходи, знакомых казаков приводи.

20. ЛЕНТЫ-БАНТИКИ

Дождлся Елисей радости, посватали дочь Дашу, исполнилось ей пятнадцать, жених тоже казак, кучерявый такой, а главное, не даром говорят: «Баба с воза – кобыле легче!». Скорей бы всех дочек распахать, да парней оженить, тогда и жизнь настоящая начнется. Конечно же, на свадьбу Елисей пригласил своего благодетеля – Великого Князя Николая Константиновича. Он пришёл в чёрном сюртуке, величественный такой, важный гость, самый главный, на этой свадьбе – главнее никого нет.

Соблюдая старые обряды, сыпали пшено под ноги, дошло и до проверки женихом приданого невесты. Он начал считать юбки, кофты, шали и тулупы и многого не досчитался из того, что было обещано за невестой дать. Уже изрядно пьяный красавчик пнул блестящим сапогом невестины юбки и закричал:

– Все видели – обман? Часовитины нас дураками считают? А вот не буду я жениться, пусть себе другого дурня найдут!

И, пнув дверь, вышел.

Невеста упала на стул, слезы потекли ручьями. За окном уже ждали тройки, лошадям были в гривы вплетены ленты, алые розы,

колокольцы малинового звона готовы были зазвенеть, Гармонисты уже разместились по тройкам, чтобы поезд в церковь катился весело, с музыкой. багюшка в церкви ждет, ему оплачено, а тут...

Елисей стоял, как соляной столп, наконец, хрипло вымолвил:

– Что делать-то теперь?

Князь подошёл к нему и жарко зашептал на ухо:

– Моя Надежда с мальцами в Петербург укатилась. Вот тебе сто рублей. Я еду с твоей дочкой, женюсь гражданским браком, жить будем с ней в моем старом доме у станции. Внуками порадую. Ты пойми, как азиаты живут? У кого денег много, тот и содержит хоть трех жен. Почему мне при моих капиталах не жить на два дома. Жена вторая будет в холе и при деньгах, на воспитание детей будут не гроши, а настоящие деньги. Где она ещё найдет такую судьбу, твоя Дарья? Ты замучаешься, пока всех своих дочек замуж выдашь. Решай!

– Как же – без попа?

– А что тебе – поп? Я её буду любить, холить, ты ведь знаешь, что я, можно сказать, самый богатый в Ташкенте человек. Бери деньги и – по рукам. Командуй!

Елисей недолго колебался, всё-таки сотня рублей, и жених не какой-то там рядовой казачишко, а даже подумать страшно – его высочество. Такой зять всегда деньгами обеспечит, и на гашиш хватит, и на водку.

Взял Дарью под руки поднял со стула:

– Его высочество сватают, согласна?

– Да как же? Ведь он, вроде бы женатый?

– Он сам знает, что делает, тебе плохо, что ли? Дом свой будет, там с ним будете, разберётесь что к чему. Раз решили выдать тебя замуж, так и выдадим.

У Дарьи ноги подкосились, мужчина, правда, видный и богат из богачей, да разве ж она ему пара?

А он уже под руку её взял. Повёл. Уселись. Елисей объявил:

– Которые женихова родня – прощевайте, наши все размещайтесь в экипажах.

Тройки помчались мимо церкви к станции, хотя Елисеева родня была несколько озадачена таким поворотом. В то же время все знали Великого Князя, все знали его заслуги. Знали и то, что некоторые господа и без венчания семьи создают. Так что? Лишь бы Дарье хорошо жить было.

В старом княжеском доме за станцией было не слишком прибрано. Бабы быстро подмели полы, расставили столы и стулья. Посуду в арычке помыли. Достали из экипажей бутылки водки,

хлеб, колбасы, бочонки с брагой. Разлили вино по стаканам, дружно гаркнули:

– Горько!

Ах, как сладко с молодой, невинной девкой целоваться! Она и не умеет ещё толком-то, губы в себя втягивает. Никола прилип к её губам, всосался, язык ей в ротик просунул. Ага! Сообразила – своим язычком ответно двинула. Вся свеженькая, зубки белые, мленькие.

– Горько!

Кому горько, а Николе – сладко. Такой бутон, такая ягодка! Конечно, не Фанни Лир, не поговоришь с ней об Артюре Рембо, о Гогене, но юностью своей, свежестью хороша.

Хрен с ним, с Гогеном, мог бы не ухо, а что-нибудь другое себе отрезать. Все эти художники всё равно импотенты. У них, как говориться, весь пар в свисток уходит, а ехать уже и не на чем. А у нас всё на месте. И пару – достаточно!

Тут гармони запели, и хор грянул:

– Посияла огирочки!

Пели, плясали. И «горько» много раз кричали. Уже полночь Никола потряс задремывающего Елисея.

– Отец, собирай своих, садитесь в экипажи, дуйте домой. Молодым отдыхать пора.

Уехали все. И здоровенная луна, словно нарочно в окно встала. И были объятия жадные, ненасытные до самого утра. И лишь когда луна ушла, и солнце из-за горизонта показалось, Дарья словно опомнилась – принялась безутешно плакать.

– Ты чего? – удивился Никола.

– Да-а? Кто я теперь? Ни девка, ни мужья жена, а худая сатана. Обманули меня, дуру. Обидно-о!

– Чего обманули-то? Я тебя не обижу, ты – славная. У тебя будет свой дом, дети. Все будете мне дороги. Помогу поставить детишек на ноги. Вот посмотришь, ни в какой беде одна не останешься. И наследство для детей оставлю. Столько наследства оставлю, сколько тебе ни один самый крепкий казак за всю жизнь не заработает. Поняла? Ну вот, и вытри нос.

21. ХОЛЕРА ЕЁ ВОЗЬМИ!

Живущие на севере России завидуют южанам, дескать, там, на югах, всегда тепло и комаров нет, фрукты кругом, живи и радуйся. Но, как известно, там хорошо, где нас нету.

В адской жаре Туркестана зреют не только виноград и абрикос, в застоялых прудах, в плохо прочищенных арыках в многомесячную жару быстро заводятся и чума, и холера, и чёрная оспа. Порой вымирают целые селения!

Великий Князь, услышав, что неподалеку от его имения появились первые холерные больные, велел ведрами лить в отхожие места карболку и тут же вызвал из Петербурга специальную лабораторию. Все расходы по доставке лаборатории и её работе Великий Князь оплатил из собственных средств.

Через какое-то время прибыл лабораторный вагон, заведовал которым молоденький поручик, он брал пробы воды, земли. Что-то там высчитывал, и сверкая, своими пенсне¹, объяснял какие арыки надо получше очистить, какие земли обработать дезинфицирующими составами. Князь в высоких болотных сапогах, суровый и деловитый, сам – стоя в арыке, кетменём выгрёбал оттуда всякий мусор и хлам.

После его женитьбы на Дарье Часовитиной у него состоялся с вернувшейся из Петербурга Надеждой Александровной неллицеприятный разговор. Надежда, конечно, ругалась. Говорила о разводе. Но она понимала, что без Князя ей жить будет невозможно. Она столько унижений вытерпела в Петербурге, добиваясь приема то у Константина Николаевича, то у Александры Иосифовны, то у Константина Константиновича. Показывала своих ангелочков: старшенького – Артемия и младшенького – Александра.

В конце концов, она многого добилась. Она могла отныне называться Княгиней Искандер, а её дети стали светлейшими Князьями Искандер и были зачислены в Пажеский корпус. И по её мнению, Великий Князь своим безобразным поведением мог повредить детям в их продвижении по иерархической и служебной лестнице.

Князь сердился и втолковывал ей, что она получила титул княгини только благодаря ему. Что он поступил достойно: спас девушку от позора. Что Надежде до этого не должно быть никакого дела, она – Княгиня и живёт в шикарном дворце. Даша ей не конкурентка, она сейчас в положении, но все дети, которые родятся у нее, будут записываться как Часовитины. А он никакой не развратник. Если посмотреть на биографии всех его царственных родственников, да посчитать всех любовниц, то у каждого получится такая орда голых баб, какая бывает в банный день в главной Петербургской женской бане.

1 Пенсне – так называли тогда пенсне.

Он вскоре познакомил её с Дашей Часовитиной. Встреча прошла мирно. Даша прижалась к её щеке своей и сказала:

– Пусть он больше находится у вас, но, поверьте, когда он бывает у меня, я очень и очень забочусь о нем.

Надежде девушка понравилась, она сказала:

– Заходите ко мне во дворец, когда захотите. Думаю, что я буду частенько навещать вас. У меня уже подросло два сорванца, а вы ждете только первого, может, я вам смогу чем-то помочь, что-то подсказать.

Ласковая Часовитина сказала:

– Поверьте, я буду очень, очень рада.

Даша по-своему была счастлива. В отцовском доме детей было – как сельдей в бочке. А теперь она – хозяйка огромного дома. Пусть это далеко не дворец, но она сумеет навести в доме чистоту и уют. И муж её – великий человек. Большая честь.

Борьба с холерой была в самом разгаре. Уже вечерело, но Князь со своими казаками и прочими слугами продолжал очищать от скверны арыки. Тут же была и княгиня Искандер, она прошла к лаборатории, чтобы спросить у поручика, какие противохолерные меры может она принять в своём дворце

– Прикажите слугам всё кипятить с хлором – и бельё, и скатерти. Нужно ошпаривать даже чистую посуду перед подачей на стол. Фрукты не только мыть, но тоже ошпаривать, да я думаю, княгиня, вы и сами всё это знаете. Вы ведь часто бываете в Петербурге? Я хотел бы с вами там встретиться.

Поручик приобнял княгиню, а она почему-то не поспешила убрать его руку, – может, не юной Надежде захотелось чуточку пофлиртовать.

И вдруг раздался громовой голос Князя:

– Ах, сволочь! Изменять? Мне? Казаки сюда! Связать их!

– Вместе или по отдельности? – спросил один казак.

– Он ещё спрашивает! Конечно – по отдельности. Каждому будет назначена отдельная казнь.

Казаки мигом исполнили приказ.

– Теперь, этого хлыща закопайте в землю, так, чтобы одна голова снаружи осталась.

Есть такая восточная казнь. Ночью придут шакалы и объедят его голову.

– Ваше высочество! – заныл поручик, – не надо, ничего же не было, я же молодой, Выше высочество, не берите грех на душу, не губите молодую жизнь!

Казаки быстро затолкали его в яму и забросали землей так, что осталась одна голова.

– А Надьку запихните в самый большой мешок, завяжите и утопите в глубоком арыке. Помните песню: «И за борт её бросает в набежавшую волну»? Она хоть и не персидская, не княжна, а княгиня, всё равно топите сволочугу!

Княгиня Искандер позабыв, всю свою вальяжность, заскакала по глинистым кочкам, крича:

– Помогите! Спасите!

Спасать её было некому, но казаки сделали вид, что она от них ускользнула, и княгиня скрылась в вечерней мгле. Николе казаки доложили:

– Вырвалась из рук, скользкая, холера её возьми!

Вскоре она постучалась к Часовитиной. Та отперла дверь и удивилась:

– Что с вами, вы вся в грязи и такая бледная.

– Дашенька, спрячьте меня где-нибудь в чулане.

– Зачем же?

– Он убьёт меня.

– Кто?

– Николай Константинович.

– А в чём дело?

Княгиня рассказала. Даша улыбнулась:

– Умывайтесь, а я согрею чай, я ватрушки состряпала вкусные.

– А вдруг он сюда явится?

– Делов-то! И ему ватрушек дадим. Он, поди, успокоился давно, и жалеет, что погорячился. И, вообще, нас – двое, а он – один.

– А поручик?

– Да выкопает его кто-нибудь. Покричит-покричит – и выкопают.

– Я боюсь, что за это Николу всего лишат: и дворца, и прочего, и детишек моих из пажей выгонят.

Даша успокоила:

– Да его Высочество не тать какой и не сумасшедший, как его жандармские шавки в своих писульках величают. Умнейший человек. Он лишь попугать, пошутить решил, вот увидите. Чего умирать раньше времени? Попьем чаю, да ляжем спать спокойно, утро вечера мудренее.

По приказу Николы поручика откопали часа через два. Шакалы не успели ему откусить ни нос, ни уши. Покусили его всего-навсего комары. На другой день он покатил со своим фургоном обратно в Петербург. И даже жаловаться никому не стал..

22. БУТУЗ ПРИКАЗАЛ ДОЛГО ЖИТЬ

Александр Александрович считался редкостным силачом. И, казалось бы, должен был жить долго. Он с негодованием вспоминал нелепую смерть отца. (Да и бывает ли она лепой?). Свой Гатчинский дворец под Петербургом он превратил в настоящую крепость. Если уж куда выезжал, то с такой охраной, что ни бомбу не докинуть, ни пулей взять. Сотни всадников в два ряда скакали впереди и позади экипажей. И карет ехало сразу целый десяток, поди, пойми, в которой из них Государь находится.

Во дворце на каждой лестнице – охрана, охрана, охрана. И вокруг дворца днем и ночью бродили переодетые под садовых рабочих, дворников и трубочистов – опять же охранники.

Недосягаемый для бомбистов, он всё же не уберется от гибели. Никаких бомб не потребовалось. У него просто болели почки. И страшно было видеть, когда этот медведь корчился от боли, а придворные медики в ужасе склонялись над ним, бессильные как-то помочь, вызывали всяких заморских медицинских светил. Много разных лекарств изволил принимать ежедневно. Конечно, на почках отразилась склонность императора к частым возлияниям, но могло повлиять и то, что во время крушения поезда неподалеку от станции Борки, он, как настоящий Геркулес, удерживал на весу крышу вагона, пока все из него не вышли.

20 октября 1894 года наследник Никки, которого отец называл малоохольным, считая, что в лице сына нарушилась могучая романовская порода, стоял на веранде ливадийского дворца с кислородной маской в руке. Врачи сокрушенно разводили руками.

Отец казался бессмертным, и когда Никки вдруг случайно узнал о неизлечимой болезни отца, им овладел страх. Он умолял разрешить ему отречься от престола. Но отец был непреклонен: во-первых, закон о престолонаследии должен быть свят, во-вторых, и Георгий и Михаил – младшие братья Николая казались отцу ещё менее способными для царствования.

Николай покорился воле отца, и ему разрешили взять в жены гессенскую принцессу. Теперь он ожидал от отца какого-то главного совета. Но со стороны умирающего не последовало никаких эффектных фраз, он лишь невнятно пробормотал молитву. Все взоры были обращены к наследнику – щуплому, невысокому, невзрачному.

О смерти очередного Государя очень быстро стало известно в России и за её пределами. И это повлекло множество больших и малых событий, разных волнений и пересудов. Кто-то боялся потерять пост, кто-то, наоборот, надеялся получить повышение. Теперь все думали об этом невысоком и невзрачном, который в тот момент стоял на веранде Ливадийского дворца.

Конечно, и в Ташкенте все уже знали о переменах. В курильне Хидыр Мурад объявил:

– Умер царь Александра! Все слышали? Теперь очередь нашего Великого Князя на престол взойти. Николай Константинович страной править будет. Сами знаете, какой мудрый. Степи оросил, воду людям дал. Казаки! Надо скакать в степь, поднимать казахские жузы, надо проводить казацкие сходы, узбеков и киргизов тоже зовите, пойдем походом на Москву, на Петербург. Все встанут: оренбургские, донские казаки, степь поможет. Кто едет жузы поднимать, берите вот по двести рублей. Потом пить и курить будем, сейчас надо дело делать.

Николай Константинович удивился, услышав шум возле дворца. Вышел на крыльцо – казаки в седлах с ружьями, с шашками. Самые старшие вперед выехали:

– Ваша светлость, князюшко! Бери, веди войско, тебя на троне видеть хотим. Да ты ведь несправедливо его лишен был. Все знают, все молчат. А теперь время кричать пришло.

Князь встал на крыльце. Бровь дергается. В голове мысли скачут: оно бы и неплохо, да ведь, вряд ли, что получится, он не зря академию Генерального штаба окончил. Он знает, какая сила у государства. Добро б Петербург рядом был, можно было бы решительным казачьим ударом влететь, разбить охранные войска и воцариться. А так... Конечно, с сумасшедшего спрос невелик, но... И всё таки лестно. Откашлялся, крикнул:

– Не дело задумали казаки! Даже если поднимутся все казаки России, нам не разбить регулярную армию. Не ищите себе петлю на шею или глубокие сибирские рудники. Хрен редьки не слаще! Расходитесь быстрее!

Ушёл в дом, в дверь тут же позвонили. Ну, конечно, покоя теперь не дадут. Наверно жандармы явились. Отпер дверь – узбек в дорогом халате стоит, но кланяется, как-то не по-узбекски. И заговорил по-французски:

– Ваше высочество, я представитель английских военных властей. Я полковник Джеральд Хоустон, уполномочен вести с вами переговоры от имени правительства Великобритании. Мы предлагаем немедленно передать под ваше командование целый

корпус наших войск. Это испытанные в Афганистане бойцы, хорошо вооруженные скорострельным ручным оружием и пушками. Вы понимаете, что мы пойдем до конца, будем наращивать и использовать свои силы в этой войне, пока не увидим вас на троне. От вас потребуются только подписать небольшой договор о том, что после вашего восшествия на трон, наши экспедиционные силы в Туркестане будут располагаться по всему югу Средней Азии. Туркмения полностью отойдет к нам. У России в Туркестане уже достаточно колоний. Вы понимаете, что за наши, так сказать, услуги мы берем не такую уж большую плату.

Князь иронически прищурился:

– Курочка, как говорится, ещё в гнезде, яичко сами понимаете где, а вы уже хотите омлет приготовить. Кроме того, как же я вам отдам Хиву, ежели я сам за неё воевал? Как известно, в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году было подписано соглашение о создании русско-английских военных комиссий для определения окончательных границ России и Афганистана. Границы были утверждены. Ещё десяти лет не прошло, а вы хотите их нарушить? Советую немедленно покинуть мой дом, неровен час, жандармы нагрянут. Как бы для вас конфуз не вышел, узбек из вас липовый получается.

– Что означает – липовый?

– Теперь не время разбираться. Уходите.

Великий Князь как в воду глядел. Только мнимый узбек ушёл, тотчас явились жандармы.

– По приказу генерал-губернатора приказано немедленно определить вас на гауптвахту.

– Гм... сколько лет в Ташкенте живу, а с подобным предложением сталкиваюсь впервые.

Крикнул жене:

– Надежда! Меня в кутузку берут. Что делать – сама знаешь.

Надежда Александровна позвала к себе Дарью Часовитину с родившейся у неё недавно дочерью, которую тоже назвали Дарьей. Часовитина осталась присматривать за дворцом, а княгиня отправилась в Петербург. Не жалея денег, она брала на станциях несколько троек лошадей, пока, наконец, не пересела в Оренбурге на поезд.

Через какое-то время в Ташкент въехала на маленьких степных лошадаках дикая орда казахов в тёплых полосатых халатах, и в шикарных лисьих малахаях. Вооружены они были саблями, фитильными ружьями, а некоторые даже пиками и кистенями.

Навстречу им выехал начальник гарнизона с переводчиком. Он сказал:

– До Петербурга вам скакать придется полгода. Но не доскачете. У нас много пушек, а солдат больше, чем звезд на небе. В Петербурге на троне – законный император Николай Второй, сын умершего Александра Третьего. А тот Николай Константинович, который живет в Ташкенте – сумасшедший, и права на трон не имеет. Сейчас мы его посадили в тюрьму. А потом отправим в Сибирь. Если вы немедленно не вернетесь в свои степи, то и вас отправим туда же.

По толпе казахов прошёл гул, потом они повернули лошадей и отправились туда, откуда приехали. Казаки уже давно рассыпались по своим куреням. Занялись хозяйством, дескать, знать – ничего не знаем, ведасть – ничего не ведаем.

Никола на гауптвахте играл с охранниками в карты. Из Петербурга уже пришёл указ отправить Николу в ссылку в Читу. Великий Князь сказал, что согласен ехать хоть в Японию, но пусть его подержат на гауптвахте, пока жена домой не вернется. Должен же кто-то за дворцом присматривать?

Тем временем княгиня Искандер добилась приема у Никки. Она поклялась на иконе, что у Великого Князя и мысли не было о троне. Он уже пожилой больной человек, столько всего построил в Ташкенте, оросил степь. У него планы повернуть Аму-Дарью в её прежнее русло. Он ученый-ориенталист.

Молодой император и сам понял, что дядя Ко (так он называл Николая Константиновича) не мог затеять такую глупую авантюру. Он много полезного в Туркестане сделал, о нем отзываются, как об умнейшем человеке, собственно, именно благодаря ему в последние годы Ташкент стал вполне культурным городом. Нет, жандармы тут переусердствовали. Мало ли что там кто-то забунтовал не от большого ума. Великий Князь не стал бы ставить перед собой совершенно нереальные цели.

Никки милостиво специальным указом отменил ссылку дяди Ко в Сибирь, в том же указе говорилось, что отныне Николай Константинович может свободно распоряжаться всей своей собственностью. Никки также предложил Николаю Константиновичу отдохнуть и поправить здоровье в Ливадийском дворце, а если ему там понравится, то он может сделать Ливадию местом своего постоянного пребывания. Однако же Никки не пригласил дядюшку Ко возвратиться в Петербург. Вот это несколько царапнуло по сердцу Николы. Но всё же можно было считать, что новый император изволил значительно улучшить жизнь своего ссыльного дядюшки.

22. У САМОГО ЧЁРНОГО МОРЯ

Был январь. Надежда Александровна отговаривала мужа от поездки в Крым, там ведь никого не будет из сановных родственников. Зачем же такой бесполезный вояж?

– Родственники? Дьявол на них уже поставил свою печать на Ходынском поле! – мрачно отвечал ей Николай Константинович. – Меня даже не волнует парикмахерская красота Ливадии – парк Чаир, то да сё. Но жандармы должны понять, что я еду туда, куда захочу. Вот и всё. Подумать только, эта лошадь Аликс, после стольких смертей, случившихся из-за непомерной глупости Никки и его чиновников, настояла на том, чтобы обязательно был бал. Никки открыл его с графиней Монтебелло, а Аликс танцевала с графом. Ей было совершенно наплевать на гибель многих сотен русских людей. А Никки?! Что он сказал после Ходынки? «Значит, так Богу было угодно!» Удобная позиция всегда ссылаться на Бога! Но это обязательно аукнется, и, поверь мне, очень даже скоро. Бомбистам нужен только предлог, а теперь предлогов будет более чем достаточно. Ну и Никки! Гроб с телом отца лежал на первом этаже здания, а сыну хотелось скорее затеять свадебный бал – на втором. Что это – черствость души? Как же может править государством такой человек? Ну ладно, хватит о нём... Думаю, самое время искупнуться в Чёрном море, раз такая возможность неожиданно появилась.

– В январе купаться в море? Вода ледяная!

– Ну, ладно, голь мороза не боится, передавай все дела Дашке, и покатаим.

Вскоре они уже были в Ливадии. Большинство дворцов и парков пустовали. Окна были забиты крест-накрест досками. Только вечно зеленые растения несколько скрашивали пейзаж, да море равнодушно катило на берег волну за волной, в прах разбивая их о берег, и поднимая мириады брызг.

Выбрали небольшое здание поблизости от моря. Управляющий говорил:

– Надо было летом, Ваше высочество. Сейчас – что? Никого нет, чем развлечься?

– Найдём.

– Что закусить подать?

– Кашу и севрюжину с хреном.

После обеденного сна князь пошёл по бону среди морских волн. На краю бона скинул халат, остался в полосатом купальном костюме. Надежда отговаривала:

– С ума сошёл!

– Ну, это я уже от других слышал. Повыше держи полотенце, чтоб не забрызгало.

От мощно шумевшего моря пахло йодом, свежестью, и вечностью.

– Але-ап! – воскликнул князь и с разбега прыгнул в море. Он поднырнул под одну волну, под другую, под третью не успел – она накрыла его, приподняла и шлёпнула о воду. Князь тут же повернул обратно к бону.

Вылез на сушу.

– О, чёрт! Плавать разучился. Да и обожгло как крапивой.

– Я же говорила!

– Говорила-говорила! Мало ли что ты говорила!

Он скинул мокрый купальный костюм, остался нагишом, высокий худой, ещё крепкий мужчина. Схватил махровое полотенце, начал яростно растираться. Тело порозовело.

– Да, не Италия, конечно, – сказал Великий Князь, – но всё-таки – море.

Они гуляли под сенью кипарисов и других вечнозеленых деревьев. Всё вокруг было приторно красиво. Потом собрали раковины, нашли несколько вполне приличных, можно будет при помощи увеличительного стекла выжечь «Ливадия, 1905 год».

Недели две прожили, ни с кем не общаясь, кроме прислуги. Вдруг им доложили, что прибыл и просит его принять некий господин. Оказалось, что явился к ним министр путей сообщения и финансов Сергей Юльевич Витте.

Он, прежде всего, поцеловал руку Надежде Александровне, затем пожал жилистую руку Николая Константиновича.

– Так вот вы какой! – воскликнул он, – я много слышал и знаю вас.

– Да уж, представляю. Наговорили. Родственники меня ужасно любят. Из любви ко мне мои милые родственники взяли на память мои коллекции. Маман взяла даже статую моей любовницы-американки и прислала мне её только через шесть лет, когда один посол, увидав её у неё в саду, сказал: «Да это американка!» Только тогда и снизошла ко мне. Вот я какой нехороший.

– Нет-нет, не в том смысле. Ну да, конечно, я знаю и ту давнюю историю, но что там было или чего не было, не мне судить, да и незачем. Я знаю другое. Вы не раз уже писали о необходимости строительства железных дорог, связывающих Туркестан с Россией.

Мне хотелось бы поблагодарить вас за ваши разработки, многими из которых мы воспользовались.

– Да, хорошо, что железка соединила Ташкент с Оренбургом! Славно и то, что железная дорога от Каспия пришла к нам, но надо бы и дальше тянуть на Верный, во все казахские и киргизские степи, ближе к великим озерам и горам. Все железные дороги и старые тракты огородить бы щитами и лесопосадками. Там, где это возможно, надо вывести из русел рек каналы в безводное степное пространство. Тогда всё будет закольцовано, и край сразу экономически окрепнет, расцветет. И, разумеется, охранять дороги и каналы должны наша армия и казачество. Это будет весомый повод для нашего присутствия.

– Вы государственно мыслите, дорогой Николай Константинович, я с вами вполне согласен. Жаль, что сейчас не хватает денег на всё сразу. В пустыне, в степи паровозам потребуется вода, а это означает, что надо бурить глубочайшие скважины. Это такое дорогостоящее дело. В отношении самих восточных железнодорожных путей нас берут сомнения: не достанутся ли эти пути в результате англичанам?

– Такое можно предполагать, но ведь наши войска могут туда быстрее всего доставляться по железке, так?

– Ах, Николай Константинович! Если бы у нас не было внутренних врагов! Ведь вы знаете: два последних царя пали в результате их козней. Общество неспокойно, общество неоднородно. Всякие там Чернышевские, Белинские мутят воду, потом ловят политическую рыбку в грязной воде. И что греха таить, молодому императору трудно, у него нет опыта.

– И у него жена – дура! – добавил Никола. – До нас сюда уже докатились известия о расстреле демонстрации рабочих перед императорским дворцом. Читая газеты и письма, поверьте мне, я был не только в глубокой печали, но и в полной ярости, что и теперь могу повторить. Этого следовало ожидать – сублинный Никки и эта истерическая немецкая балда! Эх! Мы проиграли войну маленькой Японии, адмирал Рождественский погубил флот, который с таким тщанием строил и переоборудовал мой папа. Когда не хватало снарядов, армия, как бы в насмешку, получила вагоны с иконами. Солдаты говорили с горечью: «японцы нас снарядами, а мы их – иконами». Мы катимся с горы и прямо в глубокую попу. Краешки горы смазаны лампадным маслом, а попа – глубокая, глубокая! Вонючая, вонючая!

– Вы не чиновник и можете резать правду-матку в глаза. Я же этого не могу, – отвечал Сергей Юльевич. – Но вернёмся к англичанам. Насколько серьезны их происки в Туркестане?

– Их происки в Ташкенте я ощущаю ежечасно. А жандармы вместо того, чтобы ловить английских шпионов, исписали горы бумаги о том, что я делаю, куда хожу, кому и что говорю. Им казенной бумаги не жалко. Они считают, что именно за такую работу им платят деньги. Туркестан английскими шпионами буквально наводнён.

– Ну вот, значит, нам не стоит там тратиться на туркестанские дороги?

– Вы министр дорог и финансов, вам виднее. Но должен сказать, что после восстания сипаев 1859 года англичане не могут полностью положиться на своих колониальных солдат. Периодически восстают афганцы. Так что у англичан в Туркестане под ногами не слишком твердая почва. Нынешний наш с ними договор о разграничении противостояния они в ближайшее время вряд ли нарушат. Но они находят союзников в индийской конопле и опиумном маке. Вот каким оружием они подчиняют местное население. Эта зараза проникла и в Ташкент.

– Вам Никки предложил постоянно жить в Ливадии?

– Предложил. Но я вернусь в Ташкент, я там многое построил, создал впервые, меня там местные люди почитают. А что я могу построить в Ливадии? Красота тут какая-то лимонадная. Приехать отдохнуть, может, и хорошо, но жить тут постоянно – извините. Что касается внутренних врагов, то я прочел в стихах брата под псевдонимом «К.Р.» я нашёл такое вот для нас всех предсказание.

Вы послушайте только какую колыбельную песенку посвятил Константин Константинович старшему сыну Иоанну:

*Спи в колыбели нарядный,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В тёплом своем уголку...»
В тихом безмолвии ночи
С образа, в грусти святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой...
Сколько участия во взоре
Этих печальных очей,
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.
Спи же, ещё не настали
Годы смятений и бурь!..*

Уж если поэт об этом пишет, значит – не зря, задело его, как говорится, за живое. Кстати, Константин нездоров, я уж и не надеюсь когда-нибудь с ним свидеться. Но что же делать? Пока человек жив, он борется.

– Хорошо, Николай Константинович, я очень вам благодарен за беседу.

– Пожалуйста, Сергей Юльевич, рад был пообщаться.

– Я думаю, что мы ещё с вами встретимся, может быть в том же Ташкенте!

– Приезжайте, всегда будем рады.

– Ну, как говорится, гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдется, особенно с таким, как вы.

– Спасибо от всей души, Сергей Юльевич!

23. БЕЛЫЙ ВАЛЬС

Княгине фон Дрейер очень хотелось познакомиться с новым монархом и с его окружением. Артемий и Александр подросли, должны были получать военные чины, устраивать карьеру. Правда, теперь не к кому было обратиться, прямых родственников почти не осталось. Александра Иосифовна почти ослепла. И в своем Мраморном дворце она уже никого не принимала. Имелось одно связующее звено – Константин Константинович, да и тот, говорят, тяжело болен. Княгиня отбыла в Петербург.

Конец февраля в Ташкенте месяц уже весенний. Афиши на тумбах возле городского сада обещали весенний бал. Торжествуя и сияя, Великий Князь надел костюм, сшитый во Франции, и направился к саду, вдыхая ароматы зацветающих деревьев, слушая теньканье маленьких арыков и гордясь собой. Вот эта брусчатка, где камни подогнаны один к одному, стоила ему не только больших денег, но и больших нервов. И дубовые рощи, и фонтан в саду, и фигурные скамьи, – всё его рук и ума дело. Кто сказал, что мужчина в пятьдесят пять – старик, плюньте тому в глаза. Ну-да, крестьянин, который от зари до зари гнёт горб, а по праздникам пьёт, пока на свалится в грязь, к этим годам, может и угробит данное Богом здоровье. Но не князь, да ещё такой, как Николай Константинович. Он ладен, гибок, силен.

Вода, зелень, гладко оструганные доски громадной танцевальной площадки, раковина для музыкантов, где уже разместился смешанный оркестр. К духовому оркестру пожарников, который сиял начищенной мелом медью, добавились исполнители местного

общества музыкальных искусств. Виолончели, скрипки и гобои, мандолины и балалайки придали звучанию особый шарм.

И вот уже объявлен «Белый вальс», оркестр заиграл «Сказки Венского леса». Тонкая, как тростинка, пятнадцатилетняя красавица, торжественно держа в левой руке огромную белую розу, поклонилась Великому Князю, и он закружил её в такт музыке, а она, отклоняясь в вихре танца, едва не доставала до пола распущенной косой. Князь шептал:

– Завтра, божественная моя, я подъеду к восьми утра. Приготовь документы и всё необходимое тебе в пути. Не успеешь оглянуться, как мы будем в Ливадии. А если там не найдем понимания у моих царственных родственников, я умчу тебя за границу. Главное – твой будущий статус.

– Главное – наша любовь! – дрожащими алыми губами тихо проговорила она.

– О, какой танец! – шептал Великий Князь, – когда-то в Париже я танцевал вольт, тогда он был почти запрещённым танцем. Именно из вольта получился нынешний вальс, теперь его танцует весь мир, восхищаясь музыкой Иоганна Штрауса. Всё меняется, всё течёт. Я с таким нетерпением буду ждать завтрашнего утра.

– А я его уже жду с нетерпением – с придыханием прошептала Валерия.

Вальс закончился. Лера проводила князя на место и пошла, заплетая растрепавшуюся косу.

На другой день неподалеку от усадьбы Хмельницких остановилась карета с золотыми шторками на дверцах. Кучер сидел на козлах в виде буквы «Э» и боролся с дремотой. Неожиданно из калитки выбежала девушка в дорожном плаще с маленьким саквояжиком в руке, где-то в глубине ограды слабо тьякнула собака, скорее это было приветствие хозяйке, чем ругань.

Лера быстро впрыгнула в приоткрывшуюся дверцу кареты. Кучер тряхнул вожжами. Карета легко помчала вперед. Великий Князь перекачивал в своей большой шершавой ладони два золотых кольца, одно – большое, другое – маленькое.

– Боже мой, как это мило! – повторяла Лера, они были уже за городом, когда она отдернула шторку заднего окошка и почти с восторгом сказала:

– За нами погоня, это наш экипаж!

– Ерунда, – отвечал Николай Константинович, – мой Алмаз мог бы призы на стадионах брать, и карета у меня американская. А как поддресорена? А? Едем по кочкам и – ни одного толчка.

Въехали в посёлок. Вошли в небольшой дом, В комнате, где помещался приличный иконостас, их уже ожидал молоденький священник. Вчера Великий Князь дал ему такую сумму, что молодой человек испытал и уважение, и восхищение.

Он принялся править свою службу. Князь вполголоса сказал:

– У нас билеты на оренбургский поезд, опоздать можем.

– Венчается раб Божий Николай рабе Божией Валерии.

Вот уже и золотые кольца на пальцы надеты. Всё!

В этот момент в церковь ворвались Хмельницкие. Мать закричала:

– Лера, что ты наделала? Он ведь женат, у него – дети. Сними кольцо немедленно!

Дядя и брат стали наперебой объяснять, что ей ещё рано выходить замуж, сначала надо получить высшее образование.

Лера запальчиво отвечала:

– Кольцо снимать и не подумаю. В храме Божьем кричать нехорошо. Николай Константинович Великий Князь, но был женат морганатическим браком. Он его расторгнет. А я дворянка, и не просто дворянка: моя прабабушка по отцу была троюродной сестрой короля Польши Станислава Лещинского. Это будет равноценный брак, я стану Великой Княгиней, и мои дети будут Великими Князьями!

– Бред! – закричала мать Леры Хмельницкой. – Мы едем к генерал-губернатору, он ему покажет!

Пока шли препирательства, ещё один из Хмельницких привёз указ генерал-губернатора считать брак Великого Князя с Валерией Хмельницкой незаконным. Мужем Валерии Хмельницкой Никола побыл всего несколько минут.

Молодого священника постригли в монахи и послали в дальний монастырь, в голодную степь, в совсем уж в глухоманный посёлок. Несостоявшуюся княгиню Валерию силой увезли из церкви в особняк Хмельницких.

Вечером во дворец пришёл дядя Леры. Он просил о разговоре тет-а-тет.

– Пройдемте ко мне в кабинет, – пригласил князь.

Хмельницкий попросил разрешения курить.

– Курите! – ответил Никола. Его удивлял этот визит. Они ему помешали, чего же теперь хотят, о чем говорить?

– Дело в следующем. Лера действительно увлечена вами. Но кто вы такой в настоящий момент? Вы ссыльный Великий Князь.

Вы многое похвальное сделали для Ташкента. И так далее. Но дело в том, что вы сидите на бочке с порохом.

– То есть?

– Вы умный человек. Неужели вы не знаете, что даже наш захолустный Ташкент переполнен социалистами разного толка, только и мечтающими о свержении царизма. Разумеется, они готовятся к новым терактам, а в случае захвата власти они ликвидируют весь царский род, вырубят, так сказать, под корень.

Вот если бы вы сейчас эмигрировали за границу, в какую-нибудь там Румынию или Швейцарию, то в случае переворота, пленения и уничтожения всех имеющих в наличии Романовых, вы остались бы единственным законным наследником трона. Вот в этом случае Лера смогла бы стать вашей супругой. Кстати, эмигрировать проще всего именно из Ташкента...

– Хорошо, что вы поняли, что в Лере я не ищущу «клубничку». Мой возраст такой, что я уже наелся и сладкого и горького! – сказал Никола. – Речь о том, чтобы я мог оставить потомство, которое бы полностью наследовало мой статус. Я вам одно скажу: если бы после Александра Второго я занял свое законное место, история пошла бы другим путём. Не было бы Ходынки, Распутина, войны с Японией, расстрела демонстрации, деморализации армии и многого другого. Я не хвастаюсь. Я просто это знаю. Но случилось то, что случилось. Вот почему я подумал о полноценном потомстве.

– Но в Румынию – нет! – сказал Никола. – Не поеду я к этим «кукурузникам». Здешнюю землю я, по крайней мере, завоевал и обустроил. А к Румынии я не имею отношения, как и к любой другой стране. Быть незванным гостем – последнее дело. Там и мое потомство не будет иметь никакого значения.

– Ну, как знаете! – сказал Хмельницкий и откланялся.

Вскоре Хмельницкие продали дом и уехали в Одессу.

Великий Князь был задумчив. Вечером зашёл к нему Елисей Часовитин. Казак попросил по-родственному опохмелить его стопочкой русской горькой. Никола его спросил:

– Скажи мне, как на духу. Если мне потребуется, сможем мы в одночасье поднять казачий отряд в сотню сабель и ускакать в Персию?

Часовитин не совсем понимая зачем скакать в Персию, когда и здесь хорошо, всё-таки ответил:

– Как прикажет Ваше высочество, так оно и будет, за вами больше, чем сотня пойдёт, Но если надо только лишь сто, выберем лучших.

24. МЯСЦА ЗАХОТЕЛИ

Просматривая за утренним чаем газеты Никола наткнулся на заметку Санкт-Петербургского телеграфного агентства: *ТАШКЕНТ. Военно-окружной суд приговорил интендантского полковника Владиславлева и чиновника Чурова в арестантские отделения за подлоги и хищения при покупке провианта. Свидетели показали, что 7000 рублей взято для помощника интенданта Севастьянова.*

Никола невольно подумал о том, что раньше о подобных делах в армии не слыхивали. Местный гарнизон был расположен в крепости, построенной в Ташкенте ещё генералом Черняевым по всем канонам военного строительства. С тех пор она обросла различными пристройками. Два землетрясения выбили из стен несколько камней, как-то осело, но всё равно выглядело внушительно. Памятник генералу Черняеву несколько накренился, но устоял. Генерал словно решил взглядеться во всё, что происходит нынче на земле. Да, башня цела, но, видимо, расшаталось в ташкентском гарнизоне нечто иное.

С 1905 года в крепости стали появляться листовки, то написанные от руки, то распечатанные на гектографе. В прокламации, «Солдатам Ташкентского гарнизона» говорилось о восстании на броненосце «Потёмкин», о забастовках на многих фабриках и заводах России. «Товарищи солдаты, присоединяйтесь к нам!» – призывали бунтовщики.

Вечером 15 ноября из казарм со свистом и криками выгоняли офицеров, сняв с них погоны, а с некоторых даже – кители. Офицеры, которые грубо обращались с рядовыми, выбегали из крепости с разбитыми лицами

– Наше мясо, чай и сахар сожрали! Одёжу нашу пропили! Мать вашу так!

Вскоре мятежную крепость окружили подоспевшие из других городов войска. Были артиллерийские и винтовочные перестрелки. Но у подошедших войск пушек было больше, да и снарядов тоже. Осаждённые пытались агитировать иногородних, растягивая огромный плакат: «Брат не стреляй в брата!» Увы, за спиной у «брата» стояли жандармы. Оборонявшиеся теряли людей и истрощали боезапас. К вечеру бой стал стихать.

Больше сотни арестованных солдат загнали в телячий вагон. Сказали, что они будут преданы военному суду и расстреляны. Рабочие Ташкентских железнодорожных мастерских объявили

забастовку, и вместо того, чтобы ремонтировать паровозы, начали их разбирать, пускать детали под пресс с тем, чтобы потом их нельзя было восстановить.

Ночью возле вагона, в котором сидели арестованные бунтовщики, кто-то снял часовых, и арестованные разбежались. Утром не явились на работу телеграфные барышни. У каждой случилась мигрень или сердечные колики. На самом деле они были здоровы, просто многие из них дружили с арестованными солдатами. Впрочем, и колики, и мигрень могли быть у некоторых из них на самом деле. Кому же приятно, что твоего сердечного друга собираются судить и расстреливать?

На выезде из Ташкента на откосе возле железнодорожного полотна кто-то выложил из красного кирпича надпись:

– Долой самодержавие!

Когда все готовились к встрече Рождества и вместо елок по обыкновению наряжали туи¹, около старой казармы неожиданно прогремел взрыв, который слышно было далеко. Взорвали автомобиль командующего гарнизоном.

Несмотря на все эти безобразия, следуя правилу: война – войной, а обед – по расписанию, Великий Князь выписал из России две настоящие ёлки. Они пришли несколько сплюснутыми, но после того, как их поместили в вёдра с водой, расправились. Николе хотелось настоящего запаха ёлочной хвои, какой был в полузабытом детстве, в Павловске, когда он прыгал вокруг лесной красавицы со своими родными и двоюродными младшими братьями и сестрами. Тогда они не знали, что будет дальше, что будут злоба, вражда, цепляние за власть. А был добрый Дедушка Мороз, который приехал на оленях из Лапландии, он дарил вкусные золотые и серебряные грецкие орехи и конфеты в изумительных обертках, – всё вокруг сияло и пело.

Одну ёлку установили и нарядили в Николином дворце, вторую положили в кошеву, в которую был запряжён буланый конёк, и покатали к Часовитиным.

Там их встретила румяная Дарья, взмахнула руками:

– Радость-то какая, настоящая ёлка! Мы её, красавицу, сейчас нарядим!

Свой дом Дарья сумела превратить почти во дворец. Она была неустанная работница, да и отец Елисей и доски, и краски, и лак доставал – как будто брал с потолка. Много имел знакомых среди казаков и узбеков.

¹ Туя – хвойные вечнозелёные деревья или кустарники семейства кипарисовых с чешуевидной или игловидной, прижатой к стеблю, хвоей.

Стены в Дарьином доме были украшены дорогими туркменскими коврами. Они имели густой ярко-красный фон, по которому был нанесен штрих. Такой же орнамент имели громадные туркменские кувшины.

– Где ты их взял, Елисей? – поинтересовался Никола, – я в Ташкенте нигде ничего подобного не видел.

– Где взял, там больше нет, – отвечал Часовитин, – лишь бы вам с Дарьей да деткам тут было приятно, ещё и не такое достанем. У сартов¹ есть такая пословица: «кишмиш кушай, где взял – не спрашивай».

Нарядив ёлку, выпили понемножку. Разговор зашёл о солдатском бунте.

– А что бунт, – сказал Часовитин, – оно, конечно, плохо против царя-батюшки бунтовать. Однако и солдатиков можно понять. Чужой край, жара, да ещё жрать не дают, тут, небось, очумеешь. Посиди-ка в этой старой крепости, как петух на жердочке. Да ещё учения – носок тяни! Лучше уж быть вольным казаком. Слава Богу, ни одного солдатика не расстреляют. Они теперь уж где-нибудь в горах у сартов. Тоже чужбина, зато живые будут.

– А ты откуда знаешь про то, что они – в горах?

– Так, сорока на хвосте принесла.

– Да ты, Елисей, никак и сам бунтовщик?

– Что вы, Николай Константинович! Казаки всегда – за Бога, за Царя и Отечество. Нечто мы еврейшки какие? Да упаси Господь! Это они всё во врачи идут. Он тебе даст порошок, а ты думаешь, а ну, как, часом, отравит? Нет, мы от всякой хвори примем водки или самопалу, и всё проходит.

– А иногда и гашиш помогает?

– Ха! Гашиш! Это так, дурь была. Попробовать захотелось.

– Ну, будем считать, что зубы ты мне заговорил, а кто освободил солдат и в горы их отправил так и не сказал.

– Ладно, будем считать. Хотя бы и так. Нальём по второй в преддверии праздничка.

25. ПЛОХИЕ ЗНАМЕНА

Куда поворачивала жизнь было совершенно неясно. В тунгускую тайгу грохнулся огромный метеорит. Развалил всю тайгу на сотни верст в окружности и вырыл громадную яму. Гром и свет видели многие таёжные народы, решили, что настал конец света.

1 Сарты – осёдлая часть узбеков.

Кто-то толковал это так, что много люди грешили против царя-батюшки, вот вам и – пожалуйте. Другие же видели в этом предупреждение Никки и Алис, чтобы не путались со святым чёртом Гришкой Распутиным. Инженеры говорили о взорванной над тайгой электрической бомбе.

От всегда верной и ласковой Дарьи Часовитиной, за которой уже повсюду бегала на неё похожая Даша Часовитина, Великий Князь получил ещё прибавление: она родила сразу двух мальчиков-близнецов.

Жизнь продолжалась. Но Ташкент – не Россия. Хотелось знать, что делается в столице и в других местах. Поэтому Великий Князь Николай Константинович понавыписывал много газет и журналов, из них он узнавал некоторые политические, литературные и театральные новости. Конечно, был в Ташкенте театр, но все великие актеры и режиссеры жили и творили в Петербурге или в Москве.

Среди всех звёзд первой величины театральные критики отмечали Веру Комиссаржевскую. Журналы восторгались тем, как она сыграла роль Нины Заречной в «Чайке» Чехова. Никола должен был верить журналистам на слово.

А великая актриса искала новых путей выразительности. Объехала всю Россию, побывала в Северной Америке, где её признали выдающейся актрисой нашего времени.

Судя по фотографиям, актриса была сказочно красива, может быть даже красивее незабвенной Фанни Лир. Сердце Николы радостно забилось, когда он прочитал в газете, что Вера Фёдоровна Комиссаржевская едет на гастроли в Ташкент! Он уже предвкушал радость прекрасного зрелища, а может и знакомства, когда стало известно, что артистку продуло в вагоне, и она оглохла. Врач сказал, что ей, пожалуй, помочь сможет только трепанация черепа. Говорят, она ответила:

– А как же я буду играть без черепа?

С юмором женщина. Ничего. Она уже в Ташкенте. Афиши расклеены, билеты куплены. И вдруг в газетах сообщение:

«23 февраля 1910 года в Ташкенте во время гастрольной поездки умерла от чёрной оспы великая русская актриса Вера Фёдоровна Комиссаржевская. Весь культурный мир скорбит».

Расказывали, что во время репетиций в Ташкенте несколько артистов заболели чёрной оспой. Неважно себя чувствовала и сама Вера Федоровна. Перед спектаклем 27 января 1910 года она потеряла сознание. Оспа превратила её тело в сплошную язву, страдания оказались безмерными. Болезнь осложнилась заболе-

ванием почек, и актриса скончалась от паралича сердца в возрасте сорока пяти лет. В первый же час после смерти Комиссаржевской по её просьбе были сожжены письма из её шкапулки.

На кончину великой актрисы откликнулся Александр Блок:

*Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вешний голос,
Погасли звёзды синих глаз...*

Перед Великим Князем на столе лежал журнал с красочным портретом великой актрисы и билет на 27 января 1910 года. Князь плакал, как ребенок. Хорошо, что в этот час никого во дворце не было.

Откуда взялась чёрная оспа? В городе чистая вода, работают парикмахерские, бани. Есть санитарная служба. В чём дело? Ну, было бы лето, но откуда зараза – зимой? Когда началась? Как? Князь вызвал Елисея Часовитина.

Казак был с похмелья, хмуро переминался с ноги на ногу. Князь понял, что Часовитин что-то знает.

– Отвечай!

– Я тут не при чём. Хидыр Мурад. Флакончики махоньки давал мужикам. В бумагу заворачивал. Сам в резиновых перчатках. Даст флакон, и надо разлить из него воду на станции, на базаре, где кино, где театры. Ну, и за это потом курить давал.

– А тебе, стало быть, водкой оплачивал.

– Да нет, я что, дурной, с флаконами шастать?

– Ладно, я не следователь, убить этого Хидыра надо, а курильню сжечь.

– Сделаю. Можно его к хвосту лошади привязать.

– Ты это брось. Это глупость. Побудь у него до ночи, пока все не разойдутся. Оглуши окаянным кулаком по святой шее, да свяжи веревкой покрепче, потом всё облей керосином и подожди, понял?

– Чего не понять.

– Веревку прочную запаси заранее, спрячешь за пазухой, ведро с керосином где-нибудь поставь в кустах неподалеку от избы. И своих следов не оставляй. В калошах каких-нибудь старых иди, а как домой вернёшься сразу же их в печи сожжёшь. Ведро в каком-нибудь дальнем арыке поглубже утопи. Понял? И чтобы ни одна душа об этом не знала.

– Я что – дурной совсем?

До поздней ночи Великий Князь не спал, прогуливался по веранде. Выходил к фонтану, гладил мраморную Фанни Лир.

Вздыхал. Жалко было даже Хидыр Мурада немножко. Когда бой идет – никого не жалко. А так... Да чёрт с ним! Может, и не от него эта чёрная оспа, да, всё равно, он – шпион, куревом своим мужиков отравляет.

Наконец полыхнуло около Салара. Только треск пошёл. Князь полюбовался несколько минут.

Потом он ещё долго сидел во дворе возле скульптуры мраморной женщины. Гладил её пышные каменные волосы:

– Фанни, моя, Фанни! Почему люди разрушили нашу любовь? Где ты теперь? Я буду рад, если тебе теперь лучше, чем мне.

26. ОСВОБОЖДЁННЫЕ БЬЮТ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ

Никола тосковал. Сыновья служили в Гатчинском кирасирском полку, в котором, как считалось, обучают лучших кавалеристов в России. Сыновей он не видел много лет. Обычно их навещала в Петербурге жена, а самим им в Ташкент было ехать некогда. Они, хотя и носили титул Светлейших князей, но чувствовали некоторую свою неполноценность, так как остальные кирасиры были настоящие царские внуки или сыновья, отнюдь не от мorganатических браков. Поэтому оба, как говорится, из кожи лезли, чтобы показать себя в службе с наилучшей стороны.

Однажды Никола опять ворошил центральные газеты, отмечая карандашиками интересные для него факты: сколько стоят в столице новые киноаппараты, телескопы и всё такое прочее. Там купить, здесь продать. Обычное дело. Отмечал новости. Умер Бухарский эмир, и тогда же, в ноябре 1910 года, умер Толстой. (На донесении о смерти Толстого Николай Второй написал, что умер великий художник и Бог ему судья). Что ж, таков Никки. И в этой эпитафии проявил свое благодушие.

Тут взлаяли псы в ограде и сразу умолкли, дверь стукнула, и на пороге возник светлейший князь Александр Николаевич Искандер. Обнялись. Никола попросил Надежду Александровну накрывать на стол. А та и так уж принялась хлопотать. Отец взглядывался в сына. И похож, и не похож. Худой очень, тонкий. Но, наездник, говорят, первоклассный.

– Ну, какие новости? По газетам сужу о жизни. Пишут вот, что бухарский эмир умер, мусульманское ему царствие небесное.

– Умер не только эмир Бухарский, – сказал Александр Николаевич, – убит ещё господин Столыпин, причём на моих глазах.

– Как? Каким образом?

– Одиннадцатого февраля сего тысяча девятьсот одиннадцатого

года исполнилось пятьдесят лет со дня освобождения крестьян. В Киеве состоялось торжественное открытие памятника Александру Второму. Получается, что, открывая памятник одному реформатору, уколошили второго. Прямо в присутствии Императора и его дочерей Ольги и Татьяны.

Как? Да очень просто. Столыпин стоял в театре в партере, к нему подошёл какой-то тип и выстрелил в упор. То ли в живот, то ли в сердце, Я сидел в пятом ряду, точно не разобрал.

– А кто убил?

– Об этом ты прочтешь в следующем номере газеты. Я после спектакля поехал на вокзал, отпуск у меня короткий. А как ты себя чувствуешь?

– Моё положение таково, что лучше и быть не может, у меня нет никакой должности, следовательно, меня и убивать не за что. В народе болтают, что Распутин живет с супругой императора. Я понимаю, что этого быть не может. А что говорят в верхах армии? Многие его ненавидят, и не только в армии. Но, говорят, что он умеет останавливать носовые кровотечения у наследника Алексея. Гемофилия на почве близких родственных браков. Вырубова души не чаёт в этом мужике. Да и царице он, вероятно, приятен, как крупный мужчина, но до связи, я думаю, дело не дошло. Уверен, рано или поздно кто-нибудь ему свернет голову.

– Я тоже, – ответил сын, – в связь его с императрицей не верю. Конечно, аристократия морщится, их не всегда приглашают в императорские апартаменты, а тут мужик в садиновой рубашке, с большим крестом на шее, в полосатых брюках, заправленных в смазные сапоги – ежедневный гость в императорских покоях! Кого же злость не возьмет? Опять же, одень он приличный костюм, шляпу и штiblеты, из него, может, и вся целительская сила ушла бы в песок! – пошутил Александр и спросил:

– Как вы перенесли землетрясение?

– Да лучше некуда. Между прочим, старики сарты предупреждали, дескать, если все змеи и ящерицы убегают из нор, будет сильное землетрясение. Им мало кто верил, и зря. Они тут жили ещё при Александре Македонском. Пришлось откапывать изрядное количество людей. Одна узбечка прямо под развалинами стала рожать. И представь себе, мы откопали живыми и здоровыми и мать, и ребенка.

– Ах! – сказал Александр, – как я люблю этот край, с его легендами и сказками, с его мудрыми дервишами, вечным теплом, отчаянно голубым небом, чёрными ночами, когда меж чинар висит огромная, как блюдо, луна.

– Да ты поэт!

- Нет, я военный, поручик Искандер!
- Ну, выпьем за то, чтобы дослужился до генерала. А как Артемий?
- Спасибо, здоров, – только и ответил Александр. Он предпочёл бы, чтобы брат сам рассказывал родителям о своей жизни. А так ещё ляпнешь что-нибудь не то.
- Знаешь, я подумываю купить мотор, но боюсь, что всякие завистники и сплетники обрушатся на меня с новой силой. Если я его куплю, то построю гараж, помещу туда, и он будет стоять там до вашего с братом возвращения домой.
- Боюсь, что автомобиль до нашего возвращения домой заржавеет, так что лучше не покупай.
- Отчего же такой пессимизм?
- Объективная реальность. Ты же знаешь, что военные служат до поры, пока не превращаются в некрасовских генералов. Помнишь эти стихи:

*Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих...*

Через несколько дней поручик Искандер с полными карманами крупных купюр и небольшим саквояжем отбыл в Петербург для дальнейшего прохождения службы.

27. КУЗЕН ВИЛЛИ С ДЛИННЫМИ УСАМИ

Новостей в Ташкенте было немало. Добавилось в центре электрических фонарей. Конку заменили трамваем, заработал скоростной телеграф. Несколько легковых машин, крикая клаксонами, пугали лошадей. Появилась даже малая электростанция.

Но в Европе в эти дни произошли более важные события.

Недавно объединившейся в единое государство Германии не хватало территорий. Кузен Николая Второго зело усатый Вилли¹ оснастил свою армию новейшим оружием. Он мечтал пополнить свои территории за счет Украины и Польши. Были и другие лакомые куски.

В июне 1914 года австро-венгерское правительство решило провести маневры своих войск у самой границы с Сербией. На

¹ *Зело усатый Вилли* – Вильгельм II – в 1888-1918 гг. германский император (кайзер) и прусский король.

маневры прибыл эрцгерцог (наследник австрийского престола) Франц Фердинанд, который вынашивал планы уничтожения Сербского государства. Когда он проезжал на своем автомобиле по узким улочкам городка Сараево, из толпы выскочил юноша. Раздались два выстрела. Эрцгерцог был убит. Сербский студент Гаврило Принцип своей стрельбой «заварил большую кашу».

Кузен Вилли расправил усы: «Россия к войне не готова и, очевидно, побоится воевать. Австрия раздавит сербов. Это будет крупным выигрышем для австро-германского блока. Пора начинать».

Так началась Первая Мировая война. Сначала был знаменный Брусиловский прорыв. Этот русский генерал сумел временно оттеснить противника. Но огромные потери русской армии в операции потребовали дополнительного призыва новобранцев, что в конце 1916 г. усилило недовольство войной населения России.

Великий Князь Николай Константинович прирепил над письменным столом огромную карту и втыкал флажки, отмечая движение войск России и войск противника. Где-то там воевали его сыновья, но писем от них не было. Видимо, не до того им было.

Великий Князь Николай Константинович хотел, было, написать Императору прошение с просьбой послать его на фронт. Но князь был нездоров, и Надежда Александровна Дрейер отговорила его от этой затеи. К тому же он знал, что Главнокомандующим всеми войсками назначен Великий Князь Николай Николаевич, которого за глаза в Петербурге именовали коломенской верстой. Никола понимал, что с таким армия обречена – где он воевал и что он понимает в тактике и стратегии?

В это самое время в Ташкент стали поступать толпы пленных австрийцев, которых негде было селить и нечем кормить. Великий Князь организовал из них бригады по мощению улиц, за что кормил их отчасти из своих средств, а отчасти – из государственных.

Приезжавшие в Ташкент раненные офицеры рассказывали свежие петербургские новости. Князь иногда приглашал их к себе на обед, от них он узнал о гибели лучшего друга Никки и Аликс.

Офицеры сообщили об этом как о сенсации, подхваченной всеми газетами, которая будоражила умы и никого не оставляла равнодушным. Распутин имел в Петербурге квартиру, в которой жил с родными дочерьми Марией и Варварой, которых как заботливый родитель, определил в гимназию. Ну, заговаривал кровотоечение из носа у наследника, иногда лечил знатных дам, от которых просто отбоя не было. Но не могли высокопоставленные вельможи терпеть в царском дворце мужика! Газеты с их подачи писали гневные разгромные статьи, дополняя всё новые и новые слухи

выдуманскими, но очень пикантными подробностями. Аристократы переполнились ненавистью, уже через край перехлёстывало!

Феликс Юсупов (муж императорской племянницы), Владимир Митрофанович Пуришкевич (депутат IV Государственной Думы), Великий Князь Дмитрий Павлович (двоюродный брат императора) 30 декабря 1916 года пригласили Григория Распутина во дворец Юсупова для встречи с племянницей императора, известной петербургской красавицей. В пирожные и напитки, поданные гостю, подсыпали яд и снотворное. Но старец ел пирожные с аппетитом, да ещё и нахваливал. Нетерпеливые заговорщики решили использовать стопроцентное средство – Юсупов выстрелил в Распутина. Но тому удалось выскочить во двор. Когда он выбежал из дворца, его встретили Пуришкевич и Великий Князь, которые тоже выстрелили в «сибирского старца». Он ещё пытался подняться на ноги, когда его связали, засунули в мешок с грузом и сбросили в прорубь, он там ещё долго дышал, пока не захлебнулся.

Николай Константинович по окончании этого повествования, иронично сказал:

– Ну, «главного врага России» мы уже победили, теперь остаётся победить второстепенных...

Новые раненные офицеры, навестившие Николу, рассказывали, что в Петербурге страсти, вызванные убийством Распутина, ещё более накалились. Одни говорили, что поделом ему досталось, другие – что невинного, святого человека убили. Феликса Юсупова отлучили от двора, выслали из Петербурга и других участников этой безумной расправы.

И вот, не стало Распутина, а на фронте творилось нечто невообразимое. Солдаты бросали оружие и разбегались в разные стороны. Некоторые разбегались с оружием. Никто не слушал команд. То тут, то там на стихийных митингах выступали агитаторы. Возникали солдатские комитеты. Были случаи нападения на своих офицеров и братания с немецкими солдатами.

Длинный дядя Коко, вместо того, чтобы навести в войсках порядок, стал жаловаться царю, что всё портят немецкие шпионы, они вхожи даже в комнаты императора. Это было уже слишком. Никки намёк отлично понял, и заявил, что отрешает дядю Коко от должности, и станет главнокомандующим сам лично. Он взял с собой в штабной вагон наследника Алексея. Ему казалось, что если он покажет войскам мальчика, – они поймут: им есть за что воевать, есть за что бороться.

Но из этой затеи ничего не вышло. Войска были деморализованы. По всей России разбегались дезертиры. Среди генералов не было единства. И всё это, в конце концов, заставило императора произнести роковые слова:

– Отрекаюсь в пользу Михаила.

Но Михаил не мог и не хотел принять переданную ему ношу, похожую на дырявый мешок, из которого изо всех щелей льется кровь и струится дым. Это отречение уже ничего не могло изменить.

А какие-то люди, какие-то партии вырывали друг у друга упавшую на землю власть, как голодные псы отбирают друг у друга большой лоснящийся мосол.

Получая в Ташкенте такие горестные вести, Никола думал: «Почему они все смеялись над ним, когда он грыз науку в академии Генерального штаба? Они считали, что царю это вовсе не нужно. Ему дается власть от Бога, и всеми его действиями руководит Бог. И что же? Александр Второй – разорван бомбами, Александр Третий – убит жестокой болезнью. Что же будет теперь с Никки?»

А когда пришла весть об аресте Николая Второго и его семьи, Никола вдруг вспомнил о себе. Что же будет с ним самим, со ссыльным Великим Князем Николаем Константиновичем? Боже мой, в переписи населения, в графе «должность, звание», Никки ещё недавно горделиво написал: «Хозяин земли русской». А теперь он просто арестант.

И вот читая газеты, Никола узнал, что Керенский стал председателем правительства и верховным главнокомандующим. Но ведь это же бывший сосед Великого князя! С 1889 года Александр Федорович Керенский был в Ташкенте главным инспектором народных училищ и жил, можно сказать, по соседству с Великим Князем вот тут за углом на Воронцовском проспекте дом № 47 почти десять лет! Можно даже воскликнуть, как в пьесе Гоголя: «Какой пассаж!»

Не зря же Святейший Синод издал определение, которым всему духовенству Русской Православной Церкви предписывалось «во всех случаях за Богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома возносить моление о Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве ея». Символами Февральской революции стал красный бант, красные знамена. Прежнюю власть объявили «царизмом» и «старым режимом». В речь вошло обращение «товарищ».

Весной 1917 года канцелярия премьера Керенского в числе многих приветственных посланий получила телеграмму из Туркестана от Великого Князя. В этом послании Временному правительству Никола назвал себя «пострадавшим от жестокого произвола старого режима». Он, быть может, рассчитывал вернуться в столицу.

Великий Князь Романов вывесил над своим дворцом огромный алый стяг. Он разъезжал по городу в красной рубашке, в эти дни нередко посещал городской сад в бунтарской блузе, украшенной алым бантом. Естественно, что он приветствовал буржуазную революцию. Свобода, свобода, свобода! Без конца и края! Керенский вспомнит своего соседа, учтет его заслуги в развитии азиатской окраины и города Ташкента. И может быть... всё может быть! Разрешит жить в Петербурге! Как-никак – родина!

Теперь, когда приходил Елисей Часовитин, он весело кричал Николе:

– Здравия желаем, товарищ Князь!

На что Никола откликнулся:

– Привет, товарищ Елисей!

Все это было весело и многое обещало, но очевидно не всем, далеко не всем. Поэтому, дав хорошую сумму Елисею, Великий Князь сказал:

– Даю тебе, как товарищ товарищу, выпей хорошенько, да ум не пропивай. А я, пожалуй, пойду, подремлю в холодке в нижней комнате, голова чего-то болит, возраст сказывается.

– Ну, за ваше здоровье, товарищ, пойду, хрюпну, как следует.

– Ну, валяй!

28. ЧАЛМА ДЛЯ НИККИ

Время шло, а разрешения на возврат Великого Князя в Петербург всё не было. И вообще можно было понять, что там, где дерутся за власть, он никому не нужен. В Туркестане происходили неслыханные вещи. К этому привела нетвердость власти в великой стране – России.

В самом Ташкенте обстановка была тревожной, как всегда бывает во время ослабления власти. В Бухаре, Хиве, Самарканде появились эмиры, ханы, курбаши¹. объявили независимость, требовали автономии казахские жузы². По Ташкенту спокойно разгуливал английский полковник Бейли, якобы приглашенный местным английским представительством.

1 *Эмир* – титул правителя, князя в странах Востока, осуществляющего государственную и духовную власть. *Хан* – титул государя в государствах, образовавшихся после распада Монгольской империи. *Курбаши* – командиры крупных национально-освободительных отрядов (басмачей).

2 *Жуз* – традиционное деление казахского народа: Старший жуз – Семиречье и Южный Казахстан, Средний жуз – Центральный, Восточный и Северный Казахстан, Младший жуз – Западный Казахстан.

В нижнем прохладном помещении Николиного дворца собрались мужчины в штатском с явной военной выправкой. Главным в этой группе был полковник Петр Григорьевич Корнилов. Николай Константинович сказал ему:

– Хоть внешне вы не очень похожи на своего знаменитого брата, хватка у вас, надеюсь, корниловская.

– Мне трудно судить, – отвечал Петр Григорьевич, – каждому – своё, но думаю, что своё дело хорошо знаю.

Когда на столы было накрыто, Никола сказал Надежде Александровне:

– Поди наверх, закрой дверь, чтобы сюда никто не вошёл. Для всех – меня теперь нет дома. Поняла?

Выпили по рюмке. Закусили, Петр Григорьевич сказал.

– Хотите, прочту стихи насчет внешности брата?

– Просим! Просим! – послышалась возгласы.

*Казак наполовину, казах наполовину –
От края и до края – родная сторона.
И всю её охватит взор твой ястребиный,
Из ножен вынешь шашку, привстав на стремена.
Сбежал от австрияков из мерзостного плена
И под твои знамёна сойдутся храбрецы,
Перед твоей отвагой все преклонят колена
Все казаки Отчизны, и дети, и отцы!*

– Теперь поговорим о деле, – сказал Петр Григорьевич, – в Тобольске семья Романовых размещается в специально отремонтированном к их приезду доме губернатора. Семье разрешили ходить через улицу и бульвар на Богослужение в церковь Благовещенья. Режим охраны здесь гораздо более легкий, чем был в Царском Селе.

– Надо срочно закупить и отправить в Тобольск с доверенным офицером на всю семью азиатские костюмы. Нарядные хиджабы¹ для императрицы и для принцесс, халаты, тубетейки. Пусть наш доверенный из Тобольска срочно шифром отстучит по телеграфу необходимые размеры одежды.

Из Тобольска до Тюмени семью увезем на тройках, далее последуем поездом. Сопровождающие офицеры будут подобраны с азиатским типом лица, как у Лавра Григорьевича, соответственно тоже в азиатской одежде. Необходимо срочно изготовить доку-

¹ *Хиджаб* – накидка мусульманской женщины, иногда скрывает всё лицо, кроме глаз.

менты на всю группу, якобы, это купцы с семейством. Вопрос в некоторой нехватке денежных средств.

Николай Константинович спросил:

– Трех миллионов хватит?

– Вполне! – ответил Корнилов.

– Даю немедленно...

Пока продолжалось обсуждение операции, Никола думал о том, что в сущности Николай Второй относился к нему куда более благосклонно, чем его предшественники: разрешил переехать в Крым, снял опеку, и Великий Князь мог по своему усмотрению распоряжаться капиталом, хранящимся в департаменте уделов. Этим Никки вполне заслужил, чтобы ему помогли вырваться из лап революционеров.

Операция по спасению Никки была в полном разгаре, когда стало известно, что семью Романовых перестали выводить из дома для посещения церкви. Что-то заставило охрану насторожиться. Режим содержания Романовых значительно ужесточили, охрана была такой, что и мышь не проскочит. Связаться с пленниками было никак нельзя, на то, чтобы отбить их вооруженным налетом оставалось всё меньше шансов. Азиатские костюмы и документы оказались невостребованными.

В самом Ташкенте творилось нечто невообразимое. Подняли головы уголовные элементы. Стало опасно ходить по вечерам, неведомые душители набрасывали сзади на шею прохожему волосную либо проволочную петлю, потом обирали убитого, обшаривая карманы, а иногда и снимая одежду.

Никола, после всех напрасных тревожений, однажды в обед зашёл в местный ташкентский «Фоли Бержер». Здесь уже не было того веселья, которое было раньше, и полуголые девицы уже не танцевали на маленькой эстраде. Но можно было выпить чашечку кофе и съесть выпеченный настоящим французом, настоящий хрустящий круассон.

Некоторые граждане ели плов, иные заказывали шашлык. Всё было очень дорого, но пока что ещё – было. За столиком в углу сидел молодой смуглый человек в чёрной черкеске, чёрных кожаных брюках, заправленных в щегольские сапоги на высоком каблуке и со шпорами. Мохнатые брови его срослись на переносице, белые зубы алчно впивались в баранину. Рядом с ним сидела совершенная красавица. Из-под воздушной косынки струились удивительно пышные рыжеватые косы. Глаза, губы, рот являли совершенство. Грудь, руки – всё было, как на самой дивной картине, да, пожалуй, как подумал тогда Никола, и нет на свете таких

картин. На эту изумительно красавицу смотрел молодой студент, он словно всю её облизывал взглядом, даже причмокивал от удовольствия языком.

Джигит доел шашлык, подошёл к студенту:

– Ну, что, собака? Всю глазами раздел? Всё высмотрел! По-лучай! – он мгновенно воткнул юноше в горло кинжал.

Схватил красавицу за руку:

– За мной!

Никола видел в окно, как чёрный джигит вскочил на белого жеребца, а его белокурая подруга в белом воздушном платье по-мужски одним прыжком оседлала жеребца чёрного, как уголь, при этом из под платья выглянули и сразу же скрылись сиреневые, как облака, шальвары из тончайшего муслина.

– Горцы, потомки Македонского. Они женятся в четырнадцать лет! – пояснял интеллигент в пенсне. – Они перебрались в здешние горы несколько веков назад. У них маленький посёлок, и никто не смеет к нему приближаться. Не дай Бог выловить рыбку в их озерке, сорвать ягоду или даже цветок с их поляны. Такой народ.

А на полу кафе корчился в агонии бедолага-студент.

– Чёрт возьми, – подумал Никола, – действительно, Запад есть запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда! Прав старина Киплинг.

По улице навстречу Николе с бесстрастным лицом двигался в тропическом пробковом шлеме полковник Бейли. Никола перешёл на другую сторону проспекта.

А вечером Надежда Александровна, сообщила, что Николу снова просит принять какой-то узбек, говорит, что очень, очень нужно.

– Проси! – сказал раздраженный Никола.

Узбек, конечно, заговорил по-французски. Он доложил, что уполномочен вести переговоры от имени английской миссии и от имени самого полковника Бейли.

– Вы с ума сошли! – отвечал Никола. – За каждым моим шагом следили жандармы, я как-то на это мало обращал внимания. Но теперь за мной следят так, что никаким жандармам и во сне не снилось. Неужели же вы не придумали ничего лучше, чем прийти ко мне прямо домой?

– Дело в том, – сказал мнимый узбек, – что времени нет. С императорским домом расправляются по всей стране. Романовых расстреливают по всей России, и вы немедленно с нашей помощью должны бежать за границу. Английские войска рядом. Вы моментально сможете оказаться под их защитой.

– Идите к чёрту! – сказал Великий Князь, – я вас выведу через задний ход, через потайную калитку.

– Что передать полковнику Бейли?

– Что я его знать не знаю и знать не хочу! Я здесь – дома, вот и весь сказ. Мне ли искать защиту у тех, кто спит и видит Россию под своим ярмом? Вы просто назойливы, как навозные мухи!

Через день в Великокняжеском саду на прекрасную скульптуру мраморной женщины с яблоком кто-то ночью посадил мёртвого узбека. Это был старый труп, очевидно принесённый с кладбища. Никола рассвирепел. Как это не могли услышать сторожа лая чутких азиатских овчарок, которых было целых семь штук? Оглядевшись вокруг, нашёл кусок мяса, нашпигованный кончиками иголок:

– Понятно, чем накормили псов, непонятно – кто. Кто посмел так шутить с ним?

Охраняли дворец казаки, это тем более странно. Неужели и на казаков теперь надежды нет? Никола приказал оттащить труп узбека на кладбище, а скульптуру занести в зал, где хранились другие изваяния.

В политических кругах Ташкента шла неистовая борьба, в которую Никола никаким образом не мог вмешиваться, но от перемены власти он, конечно, зависел полностью. На душе у него было тревожно. И не зря.

1 ноября 1917 года, после октябрьских событий в Петрограде,» отряды местных «революционных бойцов» заставили капитулировать руководителей вооружённых сил Туркестанского комитета Временного правительства.

В одном из ноябрьских номеров «Туркестанских ведомостей» были напечатаны выступления делегатов съезда городских самоуправлений Туркестанского края. Делегаты отмечали: «Совет солдатских и рабочих депутатов устранил из своего круга большинство местного населения – мусульман. Небольшая по численности группа лиц хочет диктовать свои условия всем. Такая власть не соответствует интересам населения».

Однако, советы, комитеты уже делали что хотели. Правда, в них не было единства – эсеры, меньшевики, большевики, эсдеки, кто их разберёт! Великий Князь мог ждать от них самого худшего. И действительно, очень скоро его вызвали в связи с тем, что почти все его заводы и зрелищные предприятия национализируются, долго допрашивали, был в этих допросах подтекст, который ему не очень понравился. Получалось, что он был эксплуататор трудового народа. От этого было недалеко до ареста, как представителя царской фамилии и до расстрела.

Недели через две он сам явился в совет народных депутатов, захватив с собой, полученную им из эмиграции газету со статьей корнета Савина.

– Вот, – сказал Никола, – это, разумеется, грехи молодости, но всё-таки и этот мой небольшой грешок – кирпичик в фундамент вашей победы.

Новоявленные вожди удивились, но газету прочли со вниманием. В статье корнета Савина рассказывалось о том далеком времени, когда он дружил с молодым Великим Князем.

Савин писал: «Однажды я затаянул Николая Константиновича на молодежную вечеринку, где читали Чернышевского. Была у меня там на примете одна барышня. Но в тот вечер её там не оказалось. Зато там была Перовская. Я сказал своему спутнику, вот, мол, барышня, дворянка, дочь петербургского губернатора генерала Перовского и внучка последнего украинского гетмана Разумовского, а борется за дело рабочего класса. Николай Константинович удивился: «Такая нежная, хрупкая?» Я сказал, что у этих борцов средств на борьбу не хватает. Князь раскрыл бумажник: «Хотел купить итальянскую картину, но упустил. Вот, ровно миллион. Отдай этой Софье». Я и отдал, сказал от кого. Софья взглянула на Великого князя и тут же потупила взор...»

Новые начальники попросили оставить им эту газету. А Никола ещё им подал заявление:

«Вы, конечно, знаете, что я пострадал от царского режима и был сослан в бессрочную ссылку под домашний арест, не имея права даже выходить из дома. Несмотря на эти жесткие условия и постоянный надзор жандармерии, я строил каналы, озеленял окрестности, мостил дороги и проспекты, я выращивал по всему городу дубовые парки и аллеи. Я строил заводы, бани, мостовые, развлекательные учреждения не лично для себя, а для всех людей, и поэтому прошу не считать меня врагом рабочего класса. Вы сами знаете, сколько я сделал для развития и благоустройства города. Кроме всего прочего, я прошу принять от меня в дар городу Ташкенту мой дворец, который станет городским музеем. Уже само здание – это уникальный шедевр архитектуры, кроме того, в этом здании собраны картины и скульптуры многих стран, имеющие огромную денежную и художественную ценность.

У меня одна просьба – оставить жить в прихожей мою жену Надежду Александровну Дрейер, она очень хорошо знает, как следует ухаживать за живописными полотнами и скульптурами, чтобы они сохранялись вечно, посему прошу определить её на должность

главной смотрительницы музея. Сам же я буду проживать на моей маленькой даче в предгорье, где есть у меня несколько кустов винограда и абрикоса.

В просьбе моей прошу не отказать.

Романов Н.К.»

Начальники посоветовались и решили просьбу бывшего Великого Князя, а ныне простого жителя города Ташкента Романова Н.К. удовлетворить. Позднее новые руководители изъяли все вклады гражданина Романова из банков. Единственное, что бывший Великий Князь почему-то решал утаить – картина «Купальщица». Говорили, что князь заблаговременно замуровал её в одну из стен дворца, но дотошные чекисты, сверившись с инвентарными списками, и обнаружив недостачу, после упорных поисков извлекли её на свет Божий.

29. И СНЕГ ПОШЁЛ ТАК СПЕЦИАЛЬНО

В ночь с тринадцатого на четырнадцатое января в Ташкенте пошёл снег. А это такая редкость на юге! Ребятишки бросаются во двory собирать невиданное чудо, лепить снежки, делать снежных баб! Снег сверкает и искрится на ярком южном солнце. И все смотрят на него изумлённо и не насмотрятся, потому что снег скоро растает, и в следующий раз выпадет на эту землю, возможно, только через год или даже через несколько лет.

Снег украсил своими кристаллами и великолепный дворец, который стал музеем. Украсил он и дорожки в саду и крылечки дворца. Нарком Павел Григорьевич Полторацкий долго обивал ботинки от снега, шоркал подошвами о коврик:

– Вот, наслежу ещё вам в учреждении культуры...

Надежда Александровна с воодушевлением показывала Наркому труда Совета народных комиссаров Туркеспублики, Председателю народного хозяйства, ответственному редактору ежедневной газеты «Советский Туркестан» Павлу Григорьевичу Полторацкому шедевры музея. Павел Григорьевич записывал всё в записную книжечку. Он сказал:

– Вы, Надежда Александровна, хорошо знакомы с экспозицией и замечательно всё объясняли. Я напишу в газету, чтобы каждый рабочий, казак и дехканин смог бы приобщиться к высокому искусству. Я знаю, что этот дворец совсем недавно был вашим жилищем, а где теперь вы устроились?

Надежда Александровна пояснила, что живет она в прихожей дворца.

– И муж с вами?

– Нет. Мы люди уже пожилые, ему шестьдесят восемь лет, у нас есть маленькая дачка в горах, он там занимается огородом и садом, а я уж тут – поближе к своей работе.

– Ну, большое вам спасибо, Надежда Александровна, за показ, за разъяснения, было очень интересно. Если что-нибудь вам будет нужно, или кто-то начнет притеснять вас, у нас ведь всякие люди есть, то обращайтесь прямо ко мне, помогу.

Надежда Александровна была очень довольна важным знакомством. В это время кто-то её окликнул в окно:

– Надежда Александровна! Я за вами! Николаю Константиновичу плохо.

У нее подкосились ноги. Потом она заметалась по прихожей: что взять, какие лекарства? Бинты, резиновые жгуты, микстуры, порошки – всё сложила в чемоданчик. А уже когда мчалась в коляске, вспомнила: забыла взять самое главное – слушательную трубку.

– Это неважно сказал извозчик, – там уже с ним два врача: Гельман и ещё один какой-то еврей, у них и трубки, и лекарства, всё есть.

Она почувствовала, что опоздает. И действительно, опоздала. Он лежал, словно вытянулся по стойке смирно.

– Скоротечная пневмония! – пояснил Гельман, – если бы он не потерял сознание, если бы соседи раньше вызвали врачей.

– Отвернитесь! – скомандовала Надежда Александровна и сняла с тела всю одежду. Это не так просто, но она постаралась. Тщательно осмотрела всё тело, нет ли где следа от пули.

Тогда вцепилась в Гельмана:

– Какие лекарства давали ему?

– Глупости, мадам! Мы опоздали с лекарствами. Спросите вот соседей по участку, как он хрипел и задыхался в беспомощности.

Она увезла тело Николы к себе в прихожку, опустила в нижнее холодное помещение, позвала женщин, чтобы приготовили тело к похоронам. В отчаянье повторяла:

– Надо было им вызвать Войно-Ясенецкого¹, он бы Николу спас!

1 *Войно-Ясенецкий* – русский хирург, в 1917-1923 гг. главврач городской больницы Ташкента. В 1921 году принял монашество с именем Лука и впоследствии стал архиепископом Русской Православной Церкви. Известен как выдающийся хирург и духовный писатель, причислен к лику святых.

Пошла к начальству. Оттуда тоже прислали врача, констатировавшего смерть от пневмонии. Через некоторое время ей вручили протокол заседания Исполнительного Комитета Ташкентского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов на котором была рассмотрена просьба жены Романова Н. К. о месте его захоронения: *«Слушали просьбу жены Николая Константиновича Романова о разрешении похоронить умершего бывшего великого князя у военного собора. Постановили разрешить похоронить, но не производить каких бы то ни было процессий».*

Следствие считает установленный факт смерти Романова Николая Константиновича не связанным с какими-либо репрессиями со стороны властей.

Есть версия, что чекисты готовились расстрелять Великого Князя. Ни опровергнуть, ни подтвердить эту версию невозможно. Человек дал много благ этому краю, этому городу. Так стоило ли хоть словом чернить его память? Его жена, княгиня фон Дрейер, после его смерти спокойно работала директором ташкентского музея целых двенадцать лет. И после ухода с работы чекисты её не тронули. Это факт. А ведь она была княгиня, и всем это в Ташкенте было известно.

Огромное число ташкентцев пришло проводить Николая Константиновича Романова. На похороны Великого Князя пришли десятки тысяч людей – русские переселенцы в Туркестан, которым он постоянно помогал, местные коренные туркестанцы, в среде которых он пользовался огромным уважением за развитие хлопководства, ирригационные проекты и вклад в городское хозяйство Ташкента. И никакие большевики в феврале 1918-го ещё не могли помешать волеизъявлению народа. Тогда там ещё было эсеров-большевистское правительство, а оно к Искандеру-Романову относилось двояко – с одной стороны, из Романовых, а с другой, – как бы пострадавший, помогал Софье Перовской, приветствовал свержение монархии, вывесил красные флаги. Он дал городу воду, создал многие виды промышленности, озеленил и благоустроил город, и подарил изумительные сокровища искусства. Были тихие добрые речи у гроба, который утопал в венках.

Ташкентская «Наша Газета» № 13 от 17 января 1918 года, орган исполнительного комитета Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов, тогда написала: «Похороны гражданина Романова. Вчера в Ташкенте состоялись похороны б. великого князя, гражданина Николая Романова, скончавшегося в воскресенье, 14 января, в 6 часов утра. Тело Романова предано земле у ограды военного собора».

Также в газете «Новый путь» от 18 января 1918 года дан некролог следующего содержания: «О смерти великого князя Николая Константиновича Романова (1850 г.р.), умер на 68-ом году жизни, в ночь с 13 на 14 января 1918 года от воспаления легких на даче под Ташкентом и похоронен 16 января 1918 года в Ташкенте, в сквере рядом с Военным Георгиевским Собором»

Ташкентцы вполголоса говорили в те дни, что Николай Константинович – единственный представитель монаршей семьи Романовых, умерший своей смертью и похороненный с почестями у стен Свято-Георгиевского собора в своей личной часовне, которая была расположена недалеко от собственного дворца, в котором он прожил большую половину жизни. Это делало честь не только Великому Князю, но и самим ташкентцам.

Но вполне возможно, что там, в горах, где в январе очень холодно, он однажды лёг спать, не протопив маленькую жестяную печурку. Очень может быть, что он сам хотел получить воспаление легких! Он ведь был умный человек и понимал, что рано или поздно, новые власти его казнят только за его высокое происхождение. Он понял, что это будет неизбежно. Так лучше самому уйти, добровольно.

Это предполагали тогда многие, но молчали.

30. И ЖАЛОВАТЬСЯ НЕКОМУ

В 1918 году Туркестан оказался в кольце фронтов, отрезанным от Центральной России, и испытывал недостаток продовольствия и топлива. Не всегда можно было понять, кто и где сегодня – главный.

О том, что англичане ходят строем по Ашхабаду, стало известно от многих прибывших из тех краев людей. «Революция в опасности!» – говорили они.

Весть о гибели отряда чрезвычайного комиссара Андрея Фролова и советских активистов Кизыл-Арвата заставила Туркестанский Совнарком принять срочные меры. Во главе небольшой делегации нарком труда Совнаркома Туркеспублики Павел Григорьевич Полторацкий выехал из Ташкента. Он был великолепным оратором и считал, что убеждение – самое сильное оружие.

Пытаясь выяснить положение дел в центре Закаспия, Павел Григорьевич связался по прямому проводу с Ашхабадом. Ему отвечал глава контрреволюционного стачечного комитета правый

эсер Фунтиков. На вопрос Полторацкого: «Скажите, что у Вас творится в Асхабаде!» Фунтиков заявил: «Приезжайте к нам в Асхабад, сами увидите!».

Было решено ехать в Туркмению, останавливаться на каждой крупной станции, выступать с разъяснением создавшегося положения, пополнять состав делегации представителями местных Советов. Но, увы, не везде посланцев ТуркЦИКа встречали доброжелательно.

13 июля 1918 года чрезвычайная мирная делегация прибыла в Мерв². Делегацию встретили настороженно. В тот же день в железнодорожном саду в Мерве П.Г.Полторацкий выступил перед рабочими, разъяснил обстановку в стране. Чувствуя, что здесь немало сторонников «асхабадцев», что назревают события, делегаты во главе с Полторацким решили эвакуировать из Мерва имеющиеся ценности и оружие. Были мобилизованы перевозочные средства, отдано распоряжение о подаче состава. Мервские эсеры, узнав о предпринимаемых мерах, забеспокоились.

Им удалось спровоцировать часть железнодорожных рабочих против делегации, в результате чего распоряжение о формировании состава не было выполнено.

Срочно связавшись с Ташкентом, Полторацкий сообщил о неспокойном положении в Мерве, об упорных слухах относительно выступления банды мятежников к Мерву, о принятых им мерах и получил заверения, что в помощь выехал вооруженный отряд, который находится уже в Кагане.

Но белогвардейцы опередили: через какое-то время в Мерв прибыл эшелон ашхабадских мятежников. После короткого сопротивления незначительного красногвардейского отряда и части членов Совета, город перешел в руки мятежников

Павел Полторацкий, находившийся в это время на почте, был схвачен и расстрелян. Он прожил всего 30 лет. Вот, что написал он в предсмертный час:

«Товарищи рабочие! Я приговорён военным штабом к расстрелу. Товарищи рабочие, погибая от рук Белой гвардии, я, как революционер, ничуть не боюсь смерти, ибо я верю, что на смену мне придут новые товарищи, более сильные, более крепкие

1 Асхабад – так с момента основания в 1881 г. и до 1919 г. назывался Ашхабад, в 1919-1927 гг. город переименован в Полторацк в честь революционного деятеля П. Г. Полторацкого, с 1927 г. переименован в Ашхабад и официальный статус столицы Туркменской ССР.

2 Мерв – древнейший город в юго-восточной части Туркменистана.

духом, которые будут вести начатое святое дело, дело борьбы за полное раскрепощение рабочего люда от ига капитала...

*Приговорённый к расстрелу
П.Полторацкий, типографский рабочий.
21 июля 12 часов ночи 1918 г.»*

Ни об этом письме, ни о расстреле Павла Полторацкого не знала смотрительница ташкентского музея Надежда Александровна Дрейер. Она занималась своей работой, когда её вызвали в Совет.

Её принял лысый толстяк, который постоянно отирал платком шею. Потел сильно.

– Вы гражданка Дрейер женщина грамотная и газеты читаете. И потому знаете, что у нас сейчас идёт.

– А что у нас сейчас идёт?

– Чи-истка! – гаркнул лысый.

– И кто кого чистит? – спросила Дрейер. Она действительно не поняла чиновника.

– Вы ещё шутить изволите? Мы вас чистим. Вы бывшая княгиня, но теперь у нас титулов нет. Бывший ваш дворец передан был властям под музей, директором которого вы являетесь. Жить во дворце вы больше не имеете права.

– Но там же всё равно есть пустующие комнаты.

– Это музейные комнаты, туда будут поступать новые экспонаты. А квартиру себе ищите в другом месте.

Очень обидно было это слышать Надежде Александровне. Такие большие ценности передал Ташкенту её покойный муж. И так с ней разговаривает этот ничего не сделавший для города чиновник. Она сказала:

– Знаете, это похоже на самоуправство. Я пожалуйсь Павлу Григорьевичу, он был у меня и одобрительно отозвался о моей работе.

– Какому ещё Павлу Григорьевичу?

– Полторацкому.

– Его расстреляли. Так что идите, собирайте вещи.

Надежда Александровна очень расстроена в эти дни. Гибель мужа. И ещё огорчали её испортившиеся отношения с Дарьей Часовитиной. У той ушли воевать в красные партизанские отряды братья-близнецы: Святослав и Николай. Заневестилась дочка Дарья. Но уже давно Дарья Елисеевна с Надеждой Александровной не разговаривает. Часовитина считает себя обманутой, она думает, что всё богатство Великий Князь передал Надежде Александровне.

На самом деле всё обстояло иначе. Великий Князь имел личные денежные счета в Дворянском и Полтавском земельных банках. И поскольку у него были дети от двух жён, двести тысяч рублей, хранившиеся в банках, и дворец он завещал Надежде Александровне, а некоторые заводы – своей гражданской жене Дарье Елисеевне.

Деньги с его вкладов в банках забрало до последней копейки новое пролетарское государство, все заводы были национализированы. И в это никак не могла поверить Дарья Елисеевна Часовитина.

Действительно, последние годы жизни Никола чаще общался с Надеждой Александровной. Оно и понятно, их связывали многие интересы, дворец, многое, что они пережили ещё до знакомства с Дарьей. Но сейчас бывшей княгине фон Дрейер некуда было идти, и некому жаловаться.

Люди из бывшей службы дворца посочувствовали. Они помогли Надежде Александровне удобно устроиться, выделили комнату в их флигеле. Соседи, знакомые, перенесли из музея её личную мебель, кошмы, пару туркменских ковров, посуду, и комнатка стала вполне уютным гнездышком. У сторожа-казака, который ночами ходил вокруг музейного здания, она выпросила щеночка кавказской овчарки. Зарплата директора музея была мизерная, но ей одной денег вполне хватало. Одежды было закуплено много ещё при жизни Николая Константиновича.

Если она приходила за продуктами на базар, выбирала виноград, лепешку и пыталась рассчитаться, то, узбек ли торговал, или русский, от них она слышала одно:

– С тебя деньги не берем!

– Да как же так? – смущалась она, – я ведь не нищенка.

А ей отвечали:

– Это – по дружбе!

Однажды остановилась возле груды арбузов. Узбек ей сказал:

– Бери вот этот, сладкий!

– Да ведь он большой очень, я не донесу!

– Зачем доносить? Тебе мой мальчик на ишаке доведет.

Мальчик довез и денег не взял – отец ему строго-настрого запретил брать с неё деньги.

Здесь помнили её мужа, уважали и её. И всё же по вечерам одолевала тоска. Давно не было писем от сыновей, которые ушли на войну с Германией в самом её начале

Живы ли? Она догадывалась, что если остались живы, то воюют не на стороне Советов. Не такое воспитание получили они в Царско-Сельском лицее, в Пажеском корпусе и в Императорских военных училищах. Правда, было письмо от Александра, писал, что, возможно, приедет на побывку, это ещё когда отец был жив. Великий Князь приказал тогда приготовить левый флигель, чтобы разместить там Александра. Но где он, Александр?

И такая тоска ночью. В окне – большая луна, низкие звезды. Лишь изредка где-то далеко – крик ишака, да чуть слышный кашель шакалов. Иногда толчком прыгало сердце. Она принимала порошок и думала: «Это, наверное, Артемий умер? Или Александр?»

Кто поймет сердце матери? Только другая мать.

31. ПОРУЧИК АНТОН МАКСИМОВ

Раненный в голову Артемий пробирался в Петербург, погоны снял, документы вшил в подошву сапога. Он уже повоевал в одной белогвардейской части, но всё кончилось её полным разгромом. Он долго искал себе новых соратников. Мотался с поезда на поезд. Часто эти поезда останавливались просто в лесу и больше уже никуда не шли. Время шло, незажившая рана на голове свербела, потому приходилось её туго бинтовать. Петербург был по-прежнему далеко. После долгих мытарств ему удалось сесть в поезд, который довез его до Москвы.

По вокзалу прохаживались патрули с красными бантами на груди и с красными повязками. Их стоптанные ботинки и тряпичные обмотки готовы были развалиться. Но в руках у них был винтовки, а в глазах хватало сердитой недоверчивости. Зная отношение большевиков к офицерам, Артемий старался не попадать им на глаза, ведь и без погон могут определить по выправке. Вышел из вокзала и пошёл переулками. Вообще-то он хотел попасть в Петербург, где много друзей и знакомых, но дорога его уже утомила, все кости ломило, он думал забиться в какой-нибудь парк, поспать там на скамейке.

Как-то неожиданно он осознал, что находится возле памятника Пушкину. Нашёл скамью, присел. Вскоре он заметил, что с подозрительной периодичностью мимо памятника проходят крепкие люди в штатском, но очень похожие выправкой на военных. Красные? Шпионы? Кто их знает. Ему казалось, что за ним наблюдают. Наконец, около него остановился один пожилой человек с усиками на полном лице:

– Что с вами? Вы ранены? У вас повязка на голове кровит.

– Да, я был ранен, но уже всё прошло, просто не выспался в поезде, – ответил Артемий, – поезда нынче переполнены.

– Давайте, я доставлю вас в «Красный крест» на извозчике. Там вас посмотрят, перевяжут получше и дадут отдохнуть.

Артемий пришёл к выводу, что на ловушку это непохоже. Согласился.

Незнакомец вернулся с извозчиком. Подсадил Артемия. Сказал:

– Давайте знакомиться, я – Петр Сергеевич.

– Антон! – на всякий случай сказал Артемий. Кто его знает, этого Петра Сергеевича?

В глубине Московского двора сошли с пролетки, и Петр Сергеевич позвонил в какую-то квартиру. Никакого опознавательного знака на двери не было.

В квартире была женщина, у которой на рукаве была повязка с красным крестом, было ещё два мужчины, оба значительно старше Артемия.

– Вы можете не верить в мою интуицию, но бьюсь о заклад, что этот раненый фронтовичок недавно снял офицерские погоны. Правда, ведь, Антон?

– Какое это имеет значение? – спросил Артемий.

– Вы хотели бы поехать на юг к Деникину? Мы сейчас формируем группу. Думаю, звание у вас не меньше поручика.

– Вы угадали! Но в вагоне меня обокрали, и у меня нет при себе никаких документов. А что касается Деникина, то я не против.

– Отлично! – отозвался Петр Сергеевич, – примите ванну, Инесса Вадимовна вас получше перевяжет. Пообедаете у нас, а вечерним поездом и поедете, с вами будут ещё два молодца. Мы отправляем людей на юг по три человека, чтобы слишком не рисковать. Собираем в центре города, у памятников. Как вас записать?

– Поручик Антон Иванович Максимов.

– Вы из каких краев родом?

– Тамбовский! – наугад ответил Артемий.

– Ну что ж, ванна готова, обмундирование вам даём настоящее солдатское, сапоги смените на обмотки с ботинками. Так надежнее. А у Деникина получите всё новое офицерское.

«Пропали документы!», – подумал Артемий. А когда помылся, переоделся и поел, ему стало всё равно. Он уснул прямо за обеденным столом.

Вскоре он ехал в поезде на юг с двумя такими же, как он,

переодетыми молодыми офицерами.

В этом поезде, как и преждем, была теснота и спёртый воздух, Артемий обливался потом. Сошли с поезда. На окраине приморского Таганрога среди неистребимого запаха жареных семечек и вяленой воблы перемещались строем и поодиночке люди в военной форме. Где-то вдалеке грохотала канонада. Со стороны порта долетали гудки пароходов. Чубатые казаки курили и матерились возле длинной коновязи.

– Новенькие? Куда вам идти? – переспросил Артемия один из казаков. – Вон там, на насыпи, два вагона, туда и шагайте, там принимают пушечное мясо!

Казаки рассмеялись:

– Ты бы, Федот, не пугал людей сразу-то.

– А чего их пугать, они, видать, уже пуганные.

В вагоне писарь опросил их, выразил свое недовольство по поводу того, что у Артемия не оказалось удостоверяющих личность документов.

– Я с фронта, – сказал Артемий, – добирался пешком, на телегах, на поездах. Ночевал и в стогах, и на вокзалах. Как-то так вышло, что документ зашил в подошву сапога, а сапоги-то и сперли, когда я спал. Я думаю, что сумею доказать в первом же бою, кто я есть такой.

Писарь записал их данные в пухлую амбарную книгу, заставил расписаться. Затем каждому выписал справку и поставил на неё печать:

– Вон в том доме у нас баня и каптёрка, дуйте туда, там вас помогут и выдадут обмундирование. Потом явитесь к полковнику Вохменцеву.

Когда раздевались в предбаннике, какой-то офицер, приглядевшись к Артемию, сказал:

– У этого поручика сыпь, отведите его в тифозный барак, и немедленно.

Артемий ещё в дороге убедился, что страдает кровавым поносом, думал – пройдет. А сыпь – приговор! Как глупо!

В бараке он то терял сознание, то приходил в себя. Твердил молоденькой сестричке:

– Вы меня перепишите, я не Антон Иванович Максимов из Тамбова, я светлейший князь Артемий Николаевич Искандер, сын Великого Князя из Ташкента.

Она смотрела на него жалостливо:

– Это у вас бред, спите, спите, я дам порошок.

Он забылся в липком поту. Тело его содрогалось.

Ночью у него остановилось сердце, и именно в эту же минуту далеко от Таганрога в Ташкенте у Надежды Александровны Дрейер случился сердечный приступ.

32. ОЧЕНЬ ЖАЛЬ МНЕ ТЕХ, КОТОРЫЕ НЕ БЫВАЛИ В ЕВПАТОРИИ¹

Александр Николаевич Искандер после тяжёлой контузии с переломом обеих костей на правой ноге долечивался в Евпатории в госпитале Красного Креста.

Фронт. Окопы, набитые трупамы немецких и русских солдат. Штыковые атаки, взрывы снарядов, немецкие газы, пот и кровь вперемежку с землей. Невозможность помыться, переодеться, сон в окопе, облокотившись о бруствер.

Все это ещё и снилось во сне. Но раны подживали. Лечение целебными грязями, песком, который содержал в себе многие целебные элементы, минеральные воды, хорошее питание – делали свое дело.

Да и сам пейзаж радовал душу. Свое летоисчисление Евпатория берет от античной Керкеникиды (более 2500 лет назад). Неудивительно, что Евпатория представляет собой музей под открытым небом. А её набережная – это вечный карнавал воды, ракушек, морских брызг и солнца, шелеста экзотических пальм и магнолий.

Всё шло хорошо. Но однажды ночью Александра разбудил главный врач:

– Господин ротмистр, к сожалению, должен прервать ваш сон. В Севастополе большевистски настроенные матросы устроили жестокую резню, уничтожая офицеров, в том числе и в госпиталях. Их поднимали на штыки, расстреливали, применяли издевательские пытки. Собирайтесь небольшими группами, без погон в штатской одежде, в крайнем случае, в нижних рубашках, выбирайтесь из Крыма. Поторопитесь!

Александр и ещё три офицера вышли из госпиталя, опираясь на самодельные трости.

Пошли просёлочными дорогами, озираясь по сторонам. Днём встречали крестьян-украинцев, ехавших в телегах, в которые были впряжены волю.

– Далек ли вам, хлопцы?

1 Строки из стихотворения В.Маяковского.

Было боязно, но пришлось признаться, что надо им дойти до Днепра.

Догадались ли усачи в широкополых шляпах, кого подвозят, но ничего больше не спросили, везли долго, потом самый пожилой сказал:

– Дале – не попутно будет. Прощевайте, хлопцы. Туда шагайте к ракам. Забирайте правей.

– Спасибо, дядько!

– На здоровьишко, хлопцы!

Вскоре они вышли к Днепру напротив города Николаева. Величественно катил перед ними Днепр свои волны, по берегу росли густые травы, гудели над кустами шмели да большие мохнатые жуки куда-то ползли по тропинке по своим делам.

Сколько ни смотрели вверх по течению и – вниз, нигде не было ничего такого, на чем бы они могли пересечь реку. Только часа через два появился сивоусый дед, который размеренно грёб вдоль берега в своей небольшой лодчонке.

– Дедушка, перевези на другой берег!

– Тю, вас четыре, я сам пятый, как раз утопнем.

– А ты продай нам лодку! Красенькую дадим!

Дед поглядел недоверчиво. Причалил. Взял ассигнацию, посмотрел её на просвет. Потом сказал:

– Там в корме жестянка, воду отчёрпывать.

И пошёл, не оглядываясь, боялся, видимо, что пошутили и деньги отберут обратно.

Александр сидел на корме, кормового весла не было, но он взял лежавшую в лодке доску. Двое взялись грести веслами. Ещё один взял жестянку, чтобы отчерпывать воду, как начнет захлестывать.

Ещё не достигли и половины пути, а лодка быстро наполнялась водой. Течение мощно сносило лодку. Чтобы предотвратить панику, Александр вспомнил Гоголя. И начал читать в такт гребцам:

– Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелхнёт, ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идёт или не идёт его величаявая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьется по зеленому миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод и прибережным лесам ярко отсветиться в водах. Зеленокудрые! Они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и

усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире!..

На момент показалось, что мокрая голова Николая Васильевича Гоголя вынырнула возле лодки. А это был пенек с необрубленными ветками. Он, видно, давно плыл по реке, намок, но ко дну не шёл, дерево всё-таки.

Мокрые, но счастливые, они причалили на другом берегу Днепра, на окраине Николаева.

В первой же лавке купили себе рыбацкие из грубого полотна робы и отправились на железнодорожный вокзал. Взяли билеты до Киева. Нашли нужный вагон, мирно заснули на своих полках под мерный стук колес. Проснулись уже в Киеве.

– Ну, – сказал житель Киева поручик Бушин, – я дома, а вы будете у меня гостить, пока не дождетесь поезда на Москву. Теперь поезда в неё ходят раз в неделю.

За время ожидания Александр купил простой солдатский костюм, – самое безопасное одеяние для молодого человека, чуть прихрамывающего на одну ногу. Солдат в ту пору по всем вокзалам бродило сотни.

Наковец удалось сесть в московский поезд. Дальше всё было проще. Поезда на Петербург ходили ежедневно. В столице он узнал, как гнусно издевались красные матросы и солдаты над офицерами. В зоопарке голодали хищники. Пьяные орды хватали на улице первых попавшихся офицеров, тащили в зоопарк и помещали их в клетки к львам и тиграм на съедение живьем.

Хотелось поскорее уехать из этого взбесившегося города. В своей квартире Александр Николаевич поспешно собрал нужные вещи. Теперь нужно было проведать отца и мать.

Конечно, на поездной полке вспоминалось детство – смешные ташкентские ишачки, на которых в детстве так интересно было кататься. На таких ишачках привозили зимой с гор мелко нарубленные вязанки саксаула, над базарной площадью висел крик:

– А вот, кому адын ишак хороший самый дров! Кому!

Мера такая – один ишак дров! А лето, когда ярое солнце накаляло глину до бела. Тысячи роз прятались в тени дувалов¹. В каком-то закоулке на гребне глиняной крыши разбросаны и тихонько дозревают, как девочки аульные в садах, гроздья нежного

¹ Дувал – глинобитная стена, которой окружался кишлак – посёлок в Средней Азии.

винограда. А видели бы вы вязь арабскую на пуле, смысл которой: «Единственная я!» О! Это можно увидеть только на старом Ташкентском базаре! И каждый вечер садилось солнце где-то там, в пустыне, и почти сразу – как будто задули свечу – наступала звёздная южная ночь.

Родина. Отчий дом. Это вспомнилось под стук колес, это всё осталось в сердце. Вот дремотная полумгла. Изогнутая подковой бесконечная скамья из отполированных широких плах, плеск арычной воды позади за скамьей. Необычайно толстые и высокие деревья где-то у верхушек своих протягивали ветви, как мохнатые руки. Вечером после адского пекла первые струйки прохлады овевали лицо, и там, бывало, на этой общегородской скамье засыпали с братом, набежавшись до того, что не в силах были дойти до дома. И кто-нибудь из знакомых будил их и отводил к матери.

Паровоз ухнул, колеса прокрутились назад, свисток, гудок. Ташкент.

Было второе апреля 1918 года. По улице Романовской шёл человек в солдатской форме. Солдат чуть прихрамывал и озирался по сторонам. Перед церковью святого Георгия на перекрёстке Романовской и Соборной улиц, он остановился и, глядя на купола, перекрестился.

– Александр Николаевич, – вдруг окликнул его кто-то негромко. – Неужто вы?

– Степан? – удивился солдат.

– Он самый, вот, уж не думал, что свидимся, – искренне обрадовался Степан. – Какими судьбами в Ташкенте?

– Да, вот, бежал из госпиталя, не долечился. Вернулся в отчий дом, родителей повидать. Как отец, матушка?

– Да, вы, Александр Николаевич нешто не знаете? – помрачнел Степан.

– Что? Что случилось? Что с отцом? Что с матерью? Говори! – схватил Александр Степана за плечи.

– Не дождался вас батюшка, царствие ему небесное, – перекрестился Степан.

– Расстреляли?

– Никак нет. Своей смертью умер от воспаления лёгких. Вот, здесь его в церкви в его личной часовне и похоронили.

– Когда?

– Да, уж месяца три назад.

– А матушка? – давясь слезами, спросил князь.

– Матушка, слава Богу, жива. Дом под музей сам Великий Князь изволил передать, Надежда Александровна там – директором, и живет рядом с дворцом, то бишь, простите, музеем.

– Ладно, Степан, побегу.
– И то. Вот, Надежда Александровна обрадуется: сын вернулся!

Через пять минут Александр уже обнимал матушку. Было жаль её, постарела заметно. Но была ещё бодра. Она рассказала, что, ожидая сына, Великий Князь приготовил для него левый отдельный флигель, в котором Александр родился и жил до девяти лет.

Но теперь этот флигель по «мандату» занял архиерей, приехавший из города Верного.

Мать устроила Александра жить в доме покойного дворецкого, где жила его семья. Устроила Надежда Александровна сына и на службу в суд. Конечно, большую роль в этом устройстве сыграл диплом Императорского Александровского лицея.

Александр стал помощником судьи четырнадцатого участка Ивана Николаевича Яскловского. Это был умный и добрый человек. Александр нашёл в нем доброго друга.

У них были общие взгляды на политику, искусство, было немало тем для обсуждения.

Не служба, а сплошной праздник – отдых среди близких людей и любимой природы. Даже ярое ташкентское солнце казалось ласковым и добрым.

33. КРАСИВЫЙ ВОЕННЫЙ ГЕНИЙ ОСИПОВ

Это был человек среднего роста, но плотный, необычайно физически сильный. его карие глаза смотрели решительно и властно, в уголках его губ были симпатичные ямочки и казалось, что он всегда чуть-чуть улыбается.

Константин Павлович Осипов – красноярец. Большевик с 1913 года. Прослужив в начале Первой мировой войны два года в запасном полку, с блеском окончил Московскую школу прапорщиков.

В конце 1916 года получил назначение в Туркестан. Энергичный сибиряк, щеголь, понятливый, вихревой, нравился и генералам, и солдатам, и женщинам. Когда грянула Февральская революция, он служил адъютантом у генерала Полонского в городе Скобелев¹. Только пришло известие о революции, он тут

¹ Скобелев – так в 1910-1924 гг. в честь своего основателя – М.Д. Скобелева, первого военного губернатора – назывался административный центр Ферганской области, в 1924 г. переименован в город Фергана.

же сорвал портрет царя в кабинете своего генерала и выбросил под ноги собравшимся солдатам. И сам станцевал лезгинку на физиономии императора.

Подражая Керенскому, Осипов вдохновенно говорил на митингах, яростно, отчетливо, громко. Он был создан для того, чтобы им восхищались, чтобы любили, это было каждому ясно с первого взгляда. Такой подвижный, лощеный красавец в начищенных до седьмого блеска сапогах, скрипевший новенькой портупеей, каждым своим движением являвший бешеную энергию, не мог не внушать мысль о лидерстве. Ему дали кличку «наш Наполеон», да видно и не зря.

Не было ничего неожиданного в том, что в октябре 1917 года он стал членом Совета солдатских депутатов. Летом следующего года он отличился в боях по разгрому Кокандской автономии и белоказаков под Самаркандом. И в двадцать два года стал военным комиссаром Туркестанской республики.

К началу 1919 года Туркестан был весь в кольце повстанческих движений. Англичане, фактически оккупировавшие всю Туркмению, подкармливали и вооружали, как белогвардейские, так и бело-казацкие повстанческие силы, и повстанцев национальных округов и областей. Были перерезаны железные дороги. Нехватка продуктов, топлива, уголовный террор вызывали недовольство населения Ташкента.

В этот момент подняла восстание ташкентская подпольная белогвардейская организация. Красногвардейцы сумели подавить восстание, но часть врагов затаилась. Подпольщики создали так называемый «Совет пяти», куда вошли два бывших полковника царской армии Цветков и Руднев, крупный советский чиновник Александр Тишковский. С великой предосторожностью пригласили в совет военкома Туркестанской республики Константина Осипова. Заговорщики думали использовать его как ударную силу, а затем ликвидировать, как слишком опасного соперника в борьбе за власть.

Однако Костя Осипов всё понимал.

Верхушка большевиков беспредельно доверяла военному комиссару. У глав Туркестана ещё звучали в ушах поаменные слова военкома о светлом коммунистическом царстве.

И когда вечером 18 января 1919 года они узнали, что опять начался какой-то мятеж, сразу, во главе с председателем ЦИК Туркеспублики Вотинцевым впятером поехали к Осипову выяснить обстановку.

Осипов хладнокровно сказал:

– Выйдем, товарищи, из казармы!

Вышли, Осипов сказал:

– Вы видите, товарищи, сортиры, примыкающие к казарме второго полка? Там ещё куча назьма. Видите? Подойдите туда поближе.

Те подошли, недоумевая.

Осипов крикнул:

– Взвод! Ко мне! Огонь по этой падали!

За час или за два было убито ещё несколько комиссаров. Так начался мятеж.

За два дня мятежа погибли ещё десять советских руководителей края – почти всё большевистское правительство Туркестанской республики.

Осипов, провозгласив себя военным диктатором, не оставил соратникам другого выбора, кроме борьбы с правительством. Успех мятежа казался значительным. Мятежники захватили большую часть города, в том числе отделения милиции и ЧК, несмотря на оказанное их сотрудиниками отчаянное сопротивление

Но были две заковыки. За сутки до восстания по приказу председателя Ташсовета Шумилова сменили охрану Главных железнодорожных мастерских. Мятежники не знали пароль и не могли проникнуть туда, где хранилось и ремонтировалось оружие, и был запас боекомплектов.

Не сдалась военная крепость. Её комендант левый эсер Иван Белов обстрелял шестидюймовыми гаубичными снарядами штаб мятежников и казармы. Пошли в атаку отряд рабочих железнодорожных мастерских и дружины бедноты Старого города. Двадцатого января мятежные части стали отступать, к полудню стало ясно, что восстание провалилось.

Как раз в этот момент к Народному банку Туркестанской республики подъехал броневик в сопровождении конного отряда. С прилегающих улиц доносились выстрелы, там рвались гранаты, ухали орудия – мятежники военного комиссара республики Осипова вели бой с наступающими частями Реввоенсовета. Соскочивший с броневика командир быстро расставил своих людей и заблокировал все подходы к банку. Он вошёл в операционный зал, передал командиру боевой двадцатки, захватившей банк накануне, пакет с приказом командующего: «Грузите в броневик деньги и все ценности. До наступления темноты мы покинем город. Осипов».

Глава мятежников подтянул оставшиеся резервы к скверу, а через два часа прибыл сам. Командир отряда доложил ему, что изъяты три миллиона рублей николаевскими кредитками, пять-

десять тысяч рублей золотой монетой, драгоценностей и золотых изделий почти на два миллиона, а также валюта – фунты стерлингов, франки, бухарские таньга, индийские рупии.

Командующий не спал двое суток, но пытался держаться бодро. Осипов демонстрировал перед подчиненными великолепную выдержку. Единственное, что ему теперь оставалось, – это бегство. Правда, ему было что взять в дорогу. В сумерках колонна мятежников – четыре грузовика, броневик, автомобиль Осипова и большой конный отряд – двинулась через город на восток.

Когда началась пушечная и ружейная пальба, Александр Николаевич узнал, что в Ташкенте крупный мятеж, он понял: его спокойная жизнь в этом городе кончилась.

И до этой стрельбы у него были большие сомнения насчет собственной судьбы. В Петербурге он был бы давно арестован. Там ему жить нельзя. Ну, хорошо. Живет в Ташкенте. Работает в суде. Его ещё не вызывали ни в милицию, ни в чека, но ведь так не будет продолжаться вечно. Он – светлейший князь, и отказаться от этого звания невозможно, он рождён князем, что значит – враг советской власти. Конечно, ему хотелось немножко пожить спокойно, видеть мать каждый день, иметь друзей. Но слово «князь» – холодило спину. Можно было только уехать с матерью куда-нибудь к южной границе, а потом и за рубеж. Но как это сделать?

Теперь ему нужно было быстро решить: спрятаться ли в старом Сартовском городе (где у него было много друзей среди влиятельных и богатых сартов), и там переждать, пока всё уляжется, или примкнуть к восставшим?

Он выбрал последнее. И хорошо сделал. Если бы спрятался, то сидел бы несколько месяцев в подземелье, без воздуха и света, ожидая каждую секунду ареста и расстрела. И, может, погиб бы от болезни...

34. ИЗ ДНЕВНИКА ГОНИМОГО ЧЕЛОВЕКА¹

Узнал, что отряд повстанцев уходит из города по Чимкентской дороге. Вижу: недалеко от почты стоит очень славная лошадка, запряженная в легкий двухколесный шарабанчик², весь набитый старым оружием. Тут же вертелся пленный австриец. Спрашиваю

1 Отрывок из записок Александра Николаевича Искандера «Небесный поход».

2 *Шарабан* – открытая конная повозка.

его по-немецки, чья лошадь. Оказывается, ему приказали взять её в кооперативе и привезти оружие. Выбрав из оружия себе большой пятизарядный «Смит-Вессон», остальное оружие приказал австрийцу выкинуть из экипажа.

Сел и, не заезжая домой, поехал к своему знакомому, вспомнив, что он служит агрономом как раз на участке Чимкентской дороги. К счастью, застал его дома собирающимся ехать к себе на участок. Он мне дал шляпу, которую я надел, а фуражку спрятал на груди. Перекусив, мы двинулись в путь. На выезде из города думал, что буду арестован собравшейся толпой рабочих, но всё прошло благополучно, т. к. моего знакомого многие рабочие знали хорошо. Удалось узнать, что отряд большой, даже с пушками, прошёл действительно по Чимкентской дороге. Мы ночью добрались до участка; хорошо пообедал, послушал хорошую музыку (знакомый великолепно играл на виолончели), выпался.

Наутро, поблагодарив за гостеприимство и простившись со знакомым, сел в шарабанчик и по снегу, уже на четверть (это его за ночь столько напало, он начал идти, ещё когда мы ехали), покатил догонять отряд, ушедший из Ташкента, предварительно выбрав себе псевдоним и записав его на бумажку.

Отряд нагнал в семи верстах, всего, значит, от Ташкента верстах в пятнадцати. Являюсь начальнику отряда, которым временно командовал генерал Ж., показываю ему бумажку без свидетелей и прошу тайны. Он понял, сжег бумажку и говорит громко: «Итак, штабс-ротмистр Михаил Михайлович Зернов, вы являетесь очень вовремя. Я организую конницу. Будьте любезны мне в этом помочь как старший в чине из моих немногочисленных кавалеристов. А лошадку с шарабанчиком я у вас конфискую. Мне, старику, эта упряжка очень подходит. Вам же будут выданы деньги, и вы купите себе хорошего коня и всё необходимое для похода».

Купил себе сразу же очень выносливого казачьего конька с седлом, папахой, полушубок, а вот валенок так и не достал, оставшись в своих сапожках, быстро ознобил пальцы. Я уже позже в горах купил и надел сверху сапог меховые мокасины.

Когда мы через трое суток (кажется), имея сотню или эскадрон, двинулись на Чимкент и пустили конницу в атаку, то потерпели сразу неудачу. Чимкент был уже вместо окопов обложен хлопковыми тюками, благо их там было немало, в город введен крупный отряд красных, и наша «кавалерия» была встречена картечью из орудий. К счастью, нас, атакующих, прикрыла складка местности, и картечь пронеслась над нашими головами. Пришлось отряду повернуть и идти обратно к Ташкенту, чтобы на полпути свернуть

на дорогу, ведущую на селение Фогелевку. Нам вслед вышел отряд большевиков из Чимкента, и хоть и медленно и осторожно, но пошёл нас преследовать. Не доходя до нужного нам поворота, узнаем от хорошо расположенных к нам мусульман, что из Ташкента выдвинулся крупный отряд, посланный за нами. Дорога в сторону селения Фогелевка оказалась отрезанной, а мы очутились между двух сходящихся вражеских отрядов, как «между молотом и наковальней».

Устроили совет и решили уходить в горы, благо они были близко расположены, влево от нас. Предложили киргизам-солдатам и вообще мусульманам или идти с нами, или поскорее рассыпаться по хорошо знакомым кишлакам. Мусульман-воинов было, если память не обманывает, больше тысячи. Им всем было выдано по сто рублей царскими. Когда мы отделались от киргизов, то нас, кроме нескольких не пожелавших уходить с нами, в том числе генерала Ж., который потом был пойман большевиками и замучен, – оказалось сто один всадник.

Испортив орудия, а замки бросив в глубокий колодец, мы рассчитывали с двумя пулеметами, вооруженные винтовками с большим количеством патронов двинуться в горы. Но тут произошёл печальный инцидент. Поручик Михайлов, раненный на войне в голову, сошёл с ума, разобрал пулемёты и забросил в колодец... Он оставил, таким образом, нас с одними винтовками. Надо было всё равно двигаться, и мы, перегрузив золото и деньги с саней на вьюки, двинулись. Один мешок с золотыми монетами был вскрыт злоумышленниками (позже мы узнали кем – это был казак-татарин и его шесть братьев) и часть золота похищена.

Начался подъем. Меня догоняет поручик Иванов на великолепном вороном в яблоках скакуне, жеребце-текинце с прозвищем Шайтан (дьявол) и умоляет поменяться с ним конями. «Вы кавалерист и вам всё равно, на какой лошади ехать, а меня Шайтан убьет. Дайте мне вашего конька и берите себе Шайтана». Я быстро соглашаюсь, так как уже был влюблен в чудного скакуна.

Только сначала подниматься в горы, как, на наше счастье, встретили спускающегося в долину таджика. Узнав, что ему будет выдана крупная сумма «николаевскими» деньгами, так высоко тогда ценившимися, он быстро согласился быть нашим проводником и вести нас горами. И повел. Поднялись по тропинке на некоторое расстояние, а затем свернули вправо. Нам была хорошо видна покинутая недавно долина, вся белая от снега. И представилась нашим глазам замечательная, редкая картина. Два отряда красных сошлись, один из Ташкента, другой от Чимкента.

Приняв друг друга за нас, они с остервенением начали бой. Потери с той и другой стороны были солидные. Затем, видно, выяснили ошибку, ибо бой прекратили. Этот эпизод нам доставил большое удовольствие и приподнял наш боевой дух.

На рассвете мы увидели глубоко внизу расположившийся посёлок и имение Великого Князя Николая Константиновича – Искандер. Позже узнали, что все жители посёлка высыпали на улицы и с крыш наблюдали наш проход высоко в горах. Мы долго были видны, ибо тропа, по которой мы карабкались, всё время шла спиральями параллельно посёлку.

В первом же горном кишлаке мы поели и поспали, но от жителей узнали, что все дороги на перевалы в это время года непроходимы, а ближайший Александрийский перевал проходим вообще только два месяца в году: июнь и июль, чем и пользуются пастухи, перегоняя через него скот.

Но именно за этот-то Александрийский перевал судьба и вынудила нас идти. Пока что мы решили уйти ещё глубже в горы и там выждать лучших времен. Но и тут нашим планам не удалось сбыться, т. к. вскоре нас нагнал очень сильный отряд красных, и нам пришлось, защищаясь, уходить всё глубже и глубже в горы. Выдерживать постоянный бой на месте мы, конечно, не могли. Нас осталось уже девяносто два человека. Девять, считая татарина-казака, укравшего золото, решили от нас отстать и куда-либо спрятаться. Но большевики их нашли, под пытками узнали, куда они спрятали золотые монеты, затем ликвидировали.

Итак, девяносто два партизана, вооруженные только винтовками, начали борьбу с наступающим врагом, зачастую в двадцать раз нас более многочисленным, а подчас и ещё более сильным. Правда, защищаться в горах куда проще. Наступать часто приходилось на нас по горной тропе. Несколько человек могли остановить батальон, но человеческие силы имеют предел, и с этим надо было считаться.

Мы гнали перед собой всякого рода скотину, купленную для еды, и везли на вьючных лошадях (тоже приобретенных в горах у жителей) фураж, рис и хлеб. Питались мы в это время очень хорошо, хотя из-за боев не очень часто.

Помню, как теперь, кишлак Кара-Булак, расположенный на плато, шедшее к противнику. Кишлак богатый и большой. Мы решили здесь побыть подольше. Нам жители (которым за это платили) сообщают, что большевики в версте от нас вышли из-за скал и направляются к нашему расположению. Нам их ещё не было видно, ибо они спустились и накапливались в глубоком и очень

широком рве – русле старой реки. Мы засели за домами, с обеих сторон дороги, проходившей по кишлаку, и затихли. Расстояние между кишлаком и рвом было нами заранее вымерено. Ставь только прицел. До рва было полторы тысячи шагов. Мы решили открыть огонь только тогда, когда неприятель будет в шестистах шагах. Там и была поставлена веха – елочка. С дороги в сторону свернуть было мудрено, снег был около аршина глубиной, местами и больше – тут не погуляешь.

Первые кто появились – это двенадцать конных разведчиков. От жителей они не могли добиться, где мы, поэтому так спокойно и въехали в кишлак, предполагая, что мы много дальше. Мы их пропустили за наших хорошо укрытых стрелков, а затем, не трогая лошадей (они нам пригодятся), дали залп по разведчикам. Всё было кончено в несколько минут. Патроны и оружие были сняты с убитых, а трупы выброшены в овражек и засыпаны снегом. Лошадей завели в сарай. Только одна из них была ранена.

Красный пеший отряд, не получая вестей от разведчиков, решил, что дорога свободна, и двинулся вперед. На шестистах шагах он попал под такой огонь, что, хоть и залег, понес большие потери и затем стал спешно отступать – вернее, в панике бежать.

Большевики, после такого удара, бежали без оглядки, благо дорога шла вниз, до тех пор, пока не наткнулись на другой отряд красных, шедших им на подмогу, но нам дана была передышка.

Самое печальное было то, что нас травили как зверя, и не только красное воинство, но и... мужики посёлка Искандер!

Они прослышали, что мы увозим золото. Вот их сердца и расплывались жадностью. Это все были хорошие охотники, знающие горы как свои пять пальцев, и великолепные стрелки. Они часто сверху, с непроходимых высоких скал, открывали по нас огонь. Но нам было, где укрыться, и было чем ответить. Часто они, как мешки с овсом, сваливались со скал к нам на тропу, подкошенные нашими пулями. Нас начали уважать и бояться большевики: не просто им было нас преследовать, что ни бой, то у них большие потери. И прозвали нас «белыми дьяволами».

Вот ещё случай, выпавший уже на мою долю. Мне была поручена разведка через жителей и выданы деньги для этого. Когда мне сообщалось, конечно, вовремя, что враг наступает, я этим горным осведомителям давал известную сумму. Жители и так охотно нам всё сообщали сейчас же, а тут ещё деньги попадали беднякам в руки.

Оторвались мы как-то от красных, и заняли удобный кишлак для защиты. Он стоял на ровном месте, а вниз, к оврагу, шёл

крутой скат, переходивший затем в ровно идущую тропинку. Справа утесы, слева глубокий обрыв, а на нем шумливо несущая свои воды горная речка, приток Заравшана. На другом берегу, на некотором расстоянии от гор, площадка, а на ней тоже кишлак. Уговорился с жителями этого кишлака, которые далеко назад выслали разведчиков, что как только они узнают о наступлении красных, то на берег выйдет девушка и три раза крикнет: «Ата! Ата! Ата!» (ата – отец) – будто она ищет и зовет отца.

Покойно проходит у нас некоторое время, и вот, слышим, доносится с того берега грудной, музыкальный голос: «Ата! Ата! Ата!»

Раздается команда «В ружье!», и все партизаны разбегаются по заранее намеченным местам, на сооруженной нами из камней крепости. Нам видно, а нас не видно. Капитана Чечелева с четырнадцатью конными посылают на ту сторону. Вижу, как его разъезд спешивается, привязывает лошадей укрыто среди деревьев, и идет к кишлаку.

В сторону нам было далеко хорошо видно, но на нашей стороне внизу, где тропка шла уже по ровному месту, нам мешала груда камней при повороте тропинки слегка вправо. Я предложил начальству пойти к этим глыбам камней и оттуда наблюдать. Охотно на это согласились. Забрав десяток кадет, отправился. Со мной пошёл капитан Грамолин. (Мы с ним очень дружили и редко расставались.) Пока я отдавал приказания, Грамолин подошёл к глыбам и засел за камнями. Мне думается, ему был виден тот берег, но не тропинка за глыбами впереди него. Когда мы подошли к нему шагов на пятнадцать, он стрелял по ту сторону, мы видим, что на той стороне хоть и далековато ещё, но идёт осторожное накапливание врага. Видим перебежки от камня к камню. Враг медленно, но верно приближался к кишлаку.

В это время происходит нечто таинственное. Сначала мы видим, что Чечелев со своими партизанами постреливает по наступающим на кишлак большевикам, и очень даже удачно, так как есть фигуры, лежащие плашмя и недвигающиеся среди врага. Но вот Чечелев, находящийся как раз напротив нас, бежит назад к лошадям со своими воинами и усиленно машет своей папачой в том же направлении. Не иначе как нам сигнализирует, чтобы мы, в свою очередь, тоже бежали обратно. Вижу, как они, не садясь на лошадей, бросаются в воду. Бр-р! Даже за них стало холодно (от этого купания Чечелев простудился очень сильно и позже заболел, чем нам доставил немало хлопот, т. к. его пришлось тащить).

Меня это так заинтриговало, что решил зайти за камни и посмотреть, что там такое творится. Делаю три шага вперед. Но в это

время слышу, Грамолин тихо вскрикивает, а пульки с той стороны реки просвистали над нами. Он встает, опираясь на винтовку, и идет, прихрамывая, ко мне: «Я ранен в ногу!» Я улыбнулся, Грамолину ужасно не везло. Это пятый раз, что он ранен за горный поход, а я его и до этого в шутку уже называл «пулесобирателем».

Он мрачно продолжает: «Знаешь, бери-ка мою винтовку, с которой я никогда не расстанусь. Она хоть, по крайней мере, пристрелена, я из нее призы брал, а дай мне твое полено, оно мне подойдет, т. к. буду на него опираться, как на палку!» Радостно, с благоговением беру призовую винтовку у Грамолина и, не посмотрев с радости, сколькими патронами она заряжена (Грамолин стрелял перед этим), собираюсь идти к камням... Это, конечно, долго рассказывать – но, произошло всё мгновенно и можно сказать совсем неожиданно и для меня, и для засевших правее меня за камнями кадет... из-за глыбы камней выходит в затылок друг другу с десятков, а то и больше красных воинов... в малиновых шароварах, с красными звездами на папах. В левых руках держат они винтовки, а в правых, поднятых кверху, – гранаты... Увидав нас, они завопили «Ура!»...

Ещё до этого стрельба с этой стороны по нас прекратилась по неизвестной нам причине. Теперь было ясно почему! У меня мелькнула мысль: «Их много, они искалечат нас, заберут и замучат». От страха, вернее, даже ужаса я озверел... Я, было, при виде большевиков присел за камень, но тут я вскочил, расставил ноги и, как на охоте по зверю, вскинул винтовку и в десяти шагах выпалил прямо в грудь первому из наступающих... Эффект превзошёл все мои ожидания... Красные стали валиться как пешки. Три уже лежали не шевелясь, а четвертый на карачках уползал за удирающими остальными. Ещё раз выстрелил. Остался неподвижен и раненый. Вскидываю винтовку и стреляю по остальным. Чик!.. а выстрела нет. Открываю затвор – пусто... Патронов нет... Быстро вкладываю обойму, выскакиваю за камни, одушевленный таким удачным оборотом дела, и вижу человек больше тридцати, в малиновых же шароварах, удирающих во все лопатки. Ну и дал же я им жару.

Только спрятался я за дерево, к этому же дереву бросается кадет, вскрикивает. Пуля пробил мякоть ляжки, очень близко от низа моего живота... Кismet! Веду, то есть тащу его, а сам думаю, какое счастье, что в винтовке Грамолина оказалось всё же два патрона!..

Нас партизаны, уже осведомленные, встречают оглушительным «Ура!» и аплодисментами. Но пульки свистят с той стороны.

Обрываю комплименты и команду: «Внимание, прицел пятнадцать, залпами пальба...» И пошло! Через полчаса, а то и меньше на той стороне красных уже не было, кроме десятка с два трупов, оставленных на месте.

Дав урок большевикам, мы несколько дней отдыхали на месте по двум причинам. Во-первых, «крепость» уж очень была хороша, с трудными подступами к ней. Во-вторых, нам нужно было отправить побольше провизии вперед, там начинались дикие места, с очень редкими кишлаками.

Большевики могли сменяться в атаках, а мы должны были защищаться все (кроме штаба), и только уж очень ослабевшим да раненым давали возможность поспать и поесть. Сами же дремали в промежутках между атаками и тут же и ели в траншее.

Но вот, на наше счастье, пошёл снег, да какой! Мы под его прикрытием сели на коней и ушли ещё глубже в горы. Но большевики нас теснят и теснят и всё глубже загоняют в горы.

Затем нас ждет сюрприз. Узнаем в одном кишлаке, что теперь очень не скоро будет ещё кишлак и что дальше на лошадях двигаться уже больше нельзя... Это была настоящая драма! Что делать?! Но события решили за нас. Нас настиг крупный отряд большевиков, теперь уже не из туземцев, а из русаков. Обозленные тяжёлыми потерями и неудачами, они бросились на нас как волки.

Дав им хороший отпор, и отбросив их назад, двинулись дальше и стали сразу набирать высоту по крутым, идущим в скалах тропам, где и козам было трудно идти... но главное, пришлось бросить лошадей на произвол судьбы.

Многие из нас плакали, не скрывая своих слез, прощаясь с дорогими друзьями – скакунами... Многие тащили свои седла и уздечки на плечах, не желая с ними расстаться. Впереди себя гнали табунок горных коз для еды, охотно нам проданных жителями.

Теперь мы шли пешком. Хорошо хоть, что ещё давно обзавелись мокасинами – мехом внутрь и наружу – и тепло, и не скользят. Так же хорошо, что хоть у нас ещё оставались медикаменты и перевязочный материал. Были в вещмешках ещё лепешки (местный хлеб) и сахар, случайно захваченный с собой при уходе из Ташкента.

Подъемы делались всё круче и опаснее. Мы шли уже часто так: с одной стороны узкой тропы – отвесные скалы, а с другой – бездонные пропасти с глубочайшим снегом, наметанным ветрами. На тропе не шелохнись, а вниз лучше не смотри...

В одном месте я поскользнулся и сорвался... но меня подхватили, т. к. нас соединяла веревка. Повисев несколько секунд над пропастью – я заболел болезнью высоты. То же было и с другими.

Начались стужи, а мы забрались в места, где и деревца нет, следовательно, огня развести нельзя. Коз поели и до кишлака шли долго с пустыми желудками. Шагали как автоматы, иногда без отдыха, делая большие переходы, боясь присесть. Сядешь, а потом и не встанешь. Что и случилось с некоторыми из нас.

Наконец, доплелись до кишлака. Жители дали нам сначала только горячего козьего молока, когда узнали, что мы несколько суток не ели, а только после того, как мы выпались, уж разрешили поесть. Ох, и хорошо же мы отдохнули! Но надо было идти вперед, пользуясь хорошей погодой.

Двинулись. Днем ещё было ничего, но ночью кошмар. По такой страшной дороге ночью не пойдешь, а как спать без костра на снегу? Лучший способ оказался такой: рыли «могилы» в снегу в рост человека в глубину и в ширину. Вниз клали палки наши, затем винтовки, закутывались в полушубки, ложились в ров, а в «могилу» на этот ряд ложился другой ряд – так и грелись. Первыми замерзали ноги. Когда делалось невтерпеж, то выскакивали и начинали танцевать на месте. В длинных полушубках было хорошо сидеть на коне, на снегу тоже, но ходить в них было мучительно тяжело.

А холод всё возрастал, у нас уже были случаи, что выставленные часовые замерзали, хоть их и часто сменяли. А идти теперь нужно было уже до самого перевала Александрийского. Чего на этом пути мы ни натерпелись!

Идем мы однажды, друг другу в затылок, по тропе и видим, справа спускаются два громадных кабана. Один останавливается и смотрит, а другой, спустившись на нашу тропу, не пожелал дать нам дорогу, а, опустив вниз морду с громадными клыками, ринулся на нас в атаку. Не знаю, что бы из этого вышло, думаю, что он, сбросил бы не одного из нас в пропасть, если бы шедший в голове партизан, не растерявшись, успел выстрелить и уложить кабана на месте. Позже он мне признался, что наделал разрывных пуль... вот и пригодилось.

По другому кабаны мы могли открыть огонь уже сообщая, т. к. он стоял выше нас. Конечно, и его сразу же ухлопали. Потасили туши за собой. Тропинка стала спускаться, и мы вышли в долину, не длинную, но хорошо укрытую от ветров и внизу у полузамерзшей горной речки... Ура! несколько корявых деревьев. Принялись разводять огонь из поломанных и отрезанных ножами веток. В это время любители принялись свежевать кабанов, торопясь это проделать, пока они не замерзли и не окаменели. Затем мясо, совсем парное, нарезали кусками, посадили на шомпола и принялись

жарить. Вкусно, но неугрызимо! Из осторожности, почти не ел, решив захватить с собой несколько кусков, думая их поджарить и съесть позже, но это проделать не удалось, по той простой причине, что дальше топлива не было.

Наконец подошли к перевалу. Переночевав кое-как, рано двинулись и начали подниматься. Вот и перевал, между двух скал уже виден. Но мы опоздали. Перевал возможно было ещё перейти до девяти часов утра, но позже начался буран, заревел ветер, пошёл снег и начались обвалы... Оставалось только нам поворачивать и бежать обратно. Просто сказать «обратно»... но это значит, снова тащиться до кишлака в нескольких днях пути...

Тут уж ослабевшими морально партизанами овладела паника... Несколько человек сорвались и исчезли в бездонном снегу пропасти, были такие, которые в изнеможении легли и отказались двигаться. Несколько человек лежало в столбняке, не будучи в состоянии двинуться даже при желании и при нашей помощи... глядя на всё это, один сошёл с ума...

А мы дали друг другу клятву в таких случаях пристреливать друг друга... но пока этого ещё не совершали – это было уже позже...

Стащили всех несчастных ниже и, устроив между скал, сами быстрым шагом пошли к покинутому нами недавно кишлаку, благо дорога, спускалась. Шли мы очень быстро, но всё же времени потратили много, пока не стал виден кишлак. Наступала ночь. К нам подходят неожиданно несколько каких-то теней, вышедших из-за скал. Смотрим, таджики из кишлака Гаудан-Сай пришли, увидев нас, предупредить, что в их кишлаке отряд большевиков, поев, лег спать. Указали, где стоят часовые. Большевики, конечно, нас не ждали, предполагали, что мы уже перевалили «перевал» и ушли в Фергану.

Часовые после сытного ужина дремали. Мы им и пикнуть не дали. Затем бросились в кишлак. Часть большевиков проснулась – начался ночной рукопашный бой. Действовали и приклады.

Мы быстро совладали с полусонными людьми, наскочив на них, как черти, и... к нашему великому стыду, не оставили ни одного живого... Да простит нас Аллах!!!

С обновленными силами и энергией двинулись на перевал. На пути у ручья, где растут деревья и где мы жарили кабанье мясо (между прочим, многие, наевшись этого полусырого «шашлыка», серьезно заболели), решили хорошенько отдохнуть.

Сидим у костра, докуриваем остатки табака, поджариваем хлеб и подогреваем жареное мясо, захваченное из кишлака... Смотрим, к нам от перевала идут пять человек мусульман... мы обомлели

и глазам своим не верим. Впереди шагает мусульманин прямо геркулес, красавец мужчина, с широкими плечами и грудью – просто Самсон... Подошли к нам, подсели к костру, закурили нашего табаку и повели разговор, полный азиатской дипломатии.

Их интересовало, куда мы идем? Кто мы такие и зачем идем? Но это не сразу спросили, а сперва разговор был просто, как говорит мудрая мусульманская поговорка: «Язык человеку дан для того, чтобы скрывать его мысли». Но когда, в конце концов, они узнали, что мы не большевики, а «Николай-Адам», что в переводе означает «Царские люди», то переглянулись и Богатырь (имя которого записано на скрижалях партизан), Нурмаш, заявил: «А нас Медамин-бек прислал вам навстречу, чтобы провести через перевал. Он услышал, что вы в горах бьетесь с большевиками, вот и послал нас. Медамин-бек вас ждет с нетерпением в Фергане».

Как громом пораженные, остались мы сидеть, не веря своим ушам. Вот откуда Матерь Божия прислала нам избавление. А всё потому, что, заняв в Ташкенте тюрьму, младшему Стайновскому выпало на счастье выпустить среди других осужденных и Медамин-бека. Он ушёл в Фергану, поднял там снова восстание и стал национальным героем! И вот теперь нас ждет.

Идти было куда труднее, чем во время первой нашей попытки перейти перевал. Стояла чудная погода, без малейшего ветерка, но с ослепительным солнцем. Белизна снега на солнце слепила. У меня была случайно приобретенная в одном из кишлаков синего бархата шапка, отороченная по борту чёрным с белым налётом, китайской лисицы, мехом. Это мне очень помогало. Опустить на глаза шапку, мех тебя и спасает от лучей солнечных. А вот другим досталось, кто просто в папахх шли. Слепли многие. Кто на неделю, кто на две, кто и на месяц. Нурмаш, наш проводник, три месяца ходил с поводырем.

Сперва протапывали снег Нурмаш и его помощники, надо было просто иметь особое чутье, чтобы находить под снегом тропу. Затем стали мы протапывать по очереди, под указанием Нурмаша. Это была мука, подниматься всё время в гору, да ещё протапывать снег. Все выбились из сил.

Настала снова моя очередь идти первому. Брел я, брел, барахтаюсь в снегу, вконец изнемог и повалился на снег. Чувствую, что дальше не могу идти. Нет сил, да и только. Уже собрался, было, стреляться. Кричу назад по цепи: «Ложитесь и отдыхайте». Все охотно ложатся. Нурмаш тревожно поглядывает на перевал – верно, думает, успеем ли мы до метели и обвалов проскочить.

Лежу я и в отчаянии начинаю молиться: «Матерь Божия, не оставь, дай мне силы подняться и дальше идти!» Поднимаю глаза на перевал, который уже хорошо виден (нам Нурмаш объяснил, где две скалы стоят – слева высокая а справа пониже). И... вижу мираж: на высокой скале, весь в солнечных лучах, стоит ангел с мечом в руке, с венком терновым на голове. Меч его блестит на солнце, и им он меня манит...

У меня вдруг возвращаются силы и энергия, я встаю и другим командую «Встать!», и иду дальше. Меня сменяют, и вот мы добрались до двух скал. Видение, конечно, давно уже исчезло, но прилив сил во мне сохранился. Площадка. Но где перевал?! Делаем ещё сотню шагов и... из наших грудей вырываются стон, а затем «Ура!»... Какой восторг нами овладевает... Перед нами начинается пологий спуск... и ведет он в Фергану, т.е., вернее, мы уже в Фергане. Многие, даже сильные духом, зарыдали от волнения, и слез этих было не стыдно.

Тут же дал слово себе, если вернусь в Туркестан, и буду иметь возможность, то непременно поставлю статую ангела с мечом на той скале, где его видел.

Мы прямо скатились, а не сошли вниз, и очень быстро оказались у первого кишлака. Нурмаш и его спутники ослепли, и им было не до нас. Теперь мы их вели. У одной из юрт остановились и заказали барана. Хитрый хозяин-ферганец привел нам огромного барана – сразу видно, очень старого, и заломил с нас цену, кажется, пятнадцать рублей, тогда как и молодой-то баран стоил на царские деньги два рубля или три. Согласились. Он уже хотел резать барана, чтобы приготовить плов... в это время прискакал молодой ферганец на взмыленной лошади, соскочил и что-то забормотал быстро. Хозяин его внимательно слушал. Грамолин мне тихо переводит: «Это его Медамин-бек прислал, приказывает нам оказывать всякое гостеприимство и с нас ничего не брать, а давать всё лучшее. Он сам за всё рассчитается позже...»

Хозяин сразу изменился... Позеленел от страха, он внимательно слушал гонца, затем согнулся вдвое, прижав руки к животу, принял отвешивать нам почтительные поклоны, бормоча извинения и сбивчивые объяснения. Так, полусогнутый, он и потом ходил в нашем присутствии. Мы еле удерживались от смеха и улыбки свои прятали в рукава полушубков.

Хозяин что-то буркнул своему сыну и махнул рукой, после чего старый огромный баран исчез и был заменен чудным молодым барашком. Жены хозяина принялись застряпню, мы же легли отдохнуть. При нашем пробуждении был подан чудесный, жирный,

сильно поперченный плов, с прямо тающими во рту кусочками «курдючного» барашка, столь знаменитого своим мясом.

Затем мы двинулись уже по Фергане, и началась... сказка из «Тысячи и одной ночи». Что нас поразило – все фруктовые деревья были в цвету, а мы только что вышли из снега выше колен! Какой контраст! Солнышко ещё сильнее грело и светило, но иначе, чем в ледяных поднебесных горах, и от него люди не слепли... И вдруг вспоминаем, что уже март наступает, а вышли мы из Ташкента седьмого января... Это мы два месяца блуждали по горам?! Боже мой! Два месяца!.. Вспоминаем с грустью, что многих из нас уже нет... Вышло нас сто один, а теперь и шестидесяти не досчитаешься! Но вот прискакал конный гонец и предупредил, что Медамин-бек идет нам навстречу. Встреча была трогательная.

Медамин-бек, окруженный сотней своих телохранителей, слезает с великолепного белого коня Рубина и первым долгом спрашивает у нас, здесь ли Стайновский.

Мы выпихиваем вперед сконфуженного, всегда такого сдержанного младшего Стайновского, а Медамин-бек его обнимает и ещё раз благодарит за освобождение из тюрьмы. Затем, обратившись к нам, говорит, что очень рад, что нам удалось к нему присоединиться. Наговорив нам много приятного, посоветовал в кишлаке хорошенько отдохнуть, прежде чем идти дальше. Приказав нам всем привести поседланных лошадей, простившись, ускакал...

Выспавшись, поев ещё раз давно невиданной нами горячей пищи, отдохнув, двинулись уже в конном строю в глубь Ферганы. Когда пришлось проходить один кишлак поздно вечером, то все жители-ферганцы вышли на улицу с зажженными факелами. А старики, убеленные сединой, спешили взять повод наших коней и поддержать стремя, когда мы слезали или садились. Другие старики, низко кланяясь, предлагали нам разные угощения на подносах.

Проходя днем большой кишлак, жители устилали дорогу коврами, выносили горячую пищу и чуть не силой стаскивали нас с лошадей и принимались радушно угощать: пловом, жареными барашками, жареной дичью и грудями фруктов и сладостями.

В одном из кишлаков у меня резко захромал мой конек. Старый ферганец сейчас же подошёл и держал лошадь до тех пор, пока я не осмотрел копыта и не извлек запавший камешек. Другой старик исчез и, вернувшись, привел в поводу красавца огненно-светло-рыжего жеребца и, обращаясь ко мне, сказал: «Бери моего питомца, ему четыре с половиной года. Это хорошая лошадь. Зовут

его Алгиджидран. Я стар для него, а моего единственного сына зарезали большевики. Садись на Алгиджидрана и бей побольше большевиков, – отомсти за моего сына!»

Вот положеньце – отказаться, значит, обидеть. Купить – он его не продаст. Молодые ферганцы мигом положили свежий потник на Алгиджидрана и, взяв принесенное стариком седло, поседлали им его. Одно удовольствие было ехать на таком красавце жеребце, если бы не угрызения совести, что смалодушничал и принял коня.

35. ЧЕМ ДЕЛО КОНЧИТСЯ, НА ЧЁМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ

А где же наш красавчик Осипов? Понятно, что он шёл в горы с тем отрядом, который вез изъятые из банка ценности. Реввоенсовет принял решение отправить два мощных отряда бойцов и чекистов по железной дороге в Чимкент, чтобы опередить Осипова, но он уже был высоко в горах. Перегрузил ценности на лошадей, как раз поднялась большая метель, и под прикрытием её осиповцы ушли к перевалам.

Утром красноармейцы вошли в селение. В доме местного бая обнаружили сундук, набитый николаевскими кредитками, но золота и драгоценностей не было. Последующая погоня результата не дала – в горах начался сход снежных лавин, преследователи решили, что гнаться больше не за кем.

Пробовали чекисты весной откопать тела из-под снежных завалов, но ни золота, ни трупа главного мятежника так и не нашли. Летом в Ташкент поступила сенсационная агентурная информация: Осипов жив. Как наиболее вероятную версию на тот момент чекисты сочли, что почти без снаряжения в жуткий мороз он перевалил через Пскемский и Чаткальский хребты (каждый 4000 м над уровнем моря).

Красавчик-военком стал военным советником у курбаши Медамин-бека, спланировал захват города Скобелева, но отряды курбаши не выдержали кавалерийской атаки красных. Поняв, что у курбаши нет будущего, Осипов со своими людьми перебрался в Бухару, которая пока сохраняла независимость от красной России.

Это сразу засекала красная разведка, и полномочный представитель советского правительства решительно потребовал от эмира выдачи мятежников. Сейид-Алим-Хан, опасаясь за своё

маленькое царство, не стал сердить Ташкент. Группу офицеров из окружения Осипова арестовали, но сам он исчез.

Позднее выяснилось, что англичане предложили Осипову проследовать на Ашхабадский фронт. Осипов отправился в сопровождении офицера по пескам в дальний путь, но по дороге был убит своим компаньоном – «Пропущен через песок», как последний выразился в своем докладе.

Офицер убил спутника якобы с целью грабежа, то есть, пожелал воспользоваться крупной суммой денег, имевшейся при Осипове, и его кольцом-талисманом. По преданию, это кольцо приносило несчастье тем, кто его похитил. Кольцо было очень хорошей работы, золотое с двумя переплетенными женщинами на нем из платины, и очень ценным сапфиром посередине. Осипов его похитил и – погиб; офицер его похитил у Осипова и также вскоре погиб. Так сбылось предсказание.

Где-то в горах остались заложенное Осиповым в тайники золото. Возможно, его никто не нашёл до сих пор. Может, это – к лучшему. Меньше будет на земле этого дьявольского металла, меньше будет и трагедий? Ведь люди до сих пор гибнут за этот металл.

* * *

Александр Николаевич Искандер после «Небесного перехода» из Ташкента вместе с остатками Туркестанской белой армии ушёл через Краснодарск на кораблях Каспийской флотилии Вооруженных сил Юга России в Дагестан.

С марта 1920 года А.Н. Искандер находился в Крыму, был командиром взвода в эскадроне своего полка, был удостоен награды за отвагу.

После эвакуации Русской Армии генерала барона П.Н. Врангеля из Крыма, уплыл с остатками армии в Галлиполи.

В эмиграции сначала находился в Греции по приглашению своей тётки и крёстной матери – вдовствующей королевы Греции Ольги Константиновны, а затем переехал во Францию.

Умер Александр Николаевич Искандер 26 января 1957 года в городе Грасс (Франция).

Первым браком женился в 1912 году на Ольге Иосифовне Роговской (1893 – 1962). После отъезда Александра Николаевича она развелась, осталась в России. Дети носили фамилию её второго мужа Андросова:

Сын – князь Кирилл Искандер (Андросов) (5.12.1915 – 7.02.1992)

Дочь – княгиня Наталья Искандер-Андросова (10.2.1917 – 25.07.1999) – являлась последним представителем дома Романовых, живших в СССР. Она была артисткой цирка, гонки на мотоцикле по вертикальной стене.

В 1930 году Александр Николаевич вторично женился. Жену его звали Наталья Константиновна Ханькова (1893 – 1982). Детей от этого брака не было.

36. КНЯГИНЯ НА МОТОЦИКЛЕ

В цирке она выходила на манеж под фамилией отчима – «Выступает Наталья Андросова! Смертельный аттракцион!». И действительно, она не раз срывалась с вертикальной стены. Падала. Ломала ноги, руки. Лечилась. И вновь с радостью или даже с восторгом принималось за свое рискованное и редкостное дело.

О том, что она – княгиня нельзя было говорить даже с самыми близкими людьми. Она была дочерью светлейшего князя Искандера. Никто об этом не знал. Или почти никто. Об этом молчали.

Неизвестно, что сказал бы император Николай Первый, увидев свою вихревую, золотистую правнучку. Я думаю, он прослезился бы. Да разве может быть иначе!

А поэт Андрей Вознесенский написал о ней вот такие стихи:

*Завораживая, манежа,
Свищет женщина по манежу!
Краги – красные, как клешни,
Губы крашенные грешны.
Мчит торпедою горизонтальною,
Хризантему заткнув за талию!..*

Некоторые старые москвичи, видимо, помнят ещё легендарную Наталью Андросову, сотрясавшую деревянно-металлический павильон в парке Горького своим бешеным мотоциклом.

Бесстрашная красавица стала королевой старого Арбата. Её, отчаянную, ослепительно красивую мотогощицу, называли королевой Арбата. Александр Галич, Александр Межиров, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Юрий Казаков, Юрий Нагибин посвятили ей свои стихи и прозу... И разве можно было не посвящать?

Она была воплощенными в человеческое существо громом и ветром, шаровой молнией, – феей, женщиной из будущего, марсианкой. Как было не восхититься, не замереть от восторга,

увидев её красный с никелем «Индиан-Скаут»! Каждый паренек из Арабатских и ближних к нему переулков замирал от восторга, заметив пролетевшее к парку видение, чудо, рассыпавшее гром и искры.

Билетик, билетик, один синий билетик открывал путь внутрь сказки загадочного круга. Вот она оседлала рыкающего прекрасного зверя и рвется взлететь. Из сопла глушителя с громом сыплются звезды.

На голове у всадницы алюминиевый шлем с острым алым гребнем. Он подчеркивает её удлинённые изумительно красивые глаза, полные неземной отваги. Первый круг и грохот проносится по залу, пронзает сотни сердец и вызывает и вскрики ужаса и восхищения. Руки в золотистых перчатках плотно лежат на никеле, заметно бледнеет её бесконечно красивое лицо, прекрасные ноги в бриджах, нежно и властно сжимают ревущий звероподобный «Индиан-Скаут». И вот уже она летит по круглой стене, обдавая всех грохотом и дымом. Каждый круг поднимает её выше и выше. Кажется, вот сейчас она вылетит за раму круглой стены, и свободной орлицей умчит в бездонные небеса. Грохот уже оглушителен...

Она работала на этой круглой стене в Парке культуры каждый вечер, по пятнадцать – двадцать заездов... Это было ужасно и великолепно, лицо её всё больше бледнело, глаза расширились, и длинные рыжеватые локоны развевались сзади, оставляя за собой золотой след...

И никто не знал, что она княгиня. А в Великую Отечественную войну она работала в Москве шофером на полуторке. Ходила в телогрейке: сама и шофер, и грузчик. А когда пришла Победа, она снова стала мотогонщицей-королевой. И теперь мы можем смело сказать, что она ещё и княгиня.

Недавно журналисты разыскали её. Живет в доме, где в захлабленном подъезде вечно облегчаются алкаши. Её однокомнатная квартира на седьмом этаже с маленькой кухней и совмещённым санузлом.

Лишь старые фотографии говорят о былой красоте, из-за которой разбивались сердца цирковых людей, да и не только их.

В начале этого года английский журнал «Ройэлти» посвятил Наталье Александровне четырнадцать страниц. А портрет её – молодой, в мужской кепке и пиджаке, с сигаретой в губах – напечатал во всю обложку.

Она выступала уже в новом аттракционе, внутри сделанного из металлической сетки шара. На беду протерся скрепляющий трос. Её вышибло из седла и с огромной силой бросило о железо

сетки. Из штанины торчала кость, а княгиня улыбалась, показывая характер.

С седьмого этажа ей не сойти на костылях. Но она считает, что мы живем здесь и сейчас. У соседей есть балкон, можно пойти к ним и подышать воздухом. Хлеб тоже кто-нибудь принесет. И нечего зря тужить о прошлом.

* * *

Надежда Александровна Дрейер проработала директором ташкентского музея до 1930 года. Тогда опять случилась «чистка», и её «вычистили» с должности. Жить она перебралась в старую сторожку. Здесь хранились и некоторые доставшиеся ей от Великого Князя в подарок диадемы, колье, браслеты. Она иногда их доставала и любовалась ими при свете яркой южной луны. Были ещё альбомы с фотографиями семьи, детей.

Одной ей было не так уж много и нужно. Сердобольные узбеки совали ей в форточку или подкладывали под порог деньги, но только ночью, чтобы никто об этом не узнал, и не было бы оскорблено её княжеское достоинство.

Старые узбеки носят полосатые халаты, которые цветами полос как бы подражают знаменитым ташкентским дыням. Но нет в мире деликатнее и участливее людей, чем они. Европейская одежда, костюм, белая сорочка и яркий галстук могут создать только видимость интеллигента. Только тот, кто не жил на Востоке, может думать, что люди там в чем-то уступают европейцам. У них есть свой уклад жизни, обусловленный климатом, но и только. А коренные узбеки-сарты – интеллигенты от рождения.

Конечно, Надежда Александровна стала бы работать в музее даже бесплатно, если разрешили бы. Да где там! Выгнали и всё!

Однажды в музей зашла итальянская туристка-искусствовед. И даже вскрикнула от изумления, увидев «Мраморную женщину». Как специалист, она хорошо знала, что в мире существует один единственный экземпляр скульптуры Антонио Канова «Девушка с яблоком». Откуда же взялся второй? Она не верила своим глазам. Приглядевшись, итальянская синьора поняла, что лицо у «Девушки с яблоком» другое, да и фигура имеет некоторые особенности. В этом была какая-то тайна. И кто автор этой скульптуры? Но работницы музея ничего ей пояснить не могли. Тайну скульптуры знала только Надежда Александровна Дрейер, но она, увы, теперь здесь не работала.

В 1932 году американская журналистка писала: «Не было возможности взять интервью у вдовы Великого Князя. Её волнистые

волосы были покрыты косынкой, увядшее лицо было в пудре. Княгиня передвигалась от прилавка к прилавку с недовольным видом, с инквизиторским взглядом. Княгиня была одета в серый пиджак отменного качества и белое платье с подбором; она опиралась на белый зонт, как на посох, неся портфель под руку.

Я не могла отвести от неё глаз, а княгиня меня так и не заметила. Княгиня ничего не покупала, а только становилась всё более возмущенной, ей казался незрелым очень нежный и сочный виноград».

Ну, мало ли что напишут досужие журналисты. Американке не удалось получить интервью, вот она и упомянула об «инквизиторском» взгляде». Надежда Александровна не могла давать интервью от имени княгини и говорить о Великом Князе, ибо жила в пролетарском государстве. Как могла она это объяснить заморской корреспондентке?

Жить ей было трудно. У неё не стало мужа, не стало сыновей, не было рядом внуков. Поэтому она частенько подкармливала бродячих собак, которых обычно бывает много в жарких азиатских городах. Хочется же хоть кого-то погладить, приласкать. И однажды княгиню укусила бешеная собака. И прекратила её жизнь, её тоску.

Что касается Дарьи Часовитиной, то из двух её сыновей близнецов, служивших в красных отрядах, Святослав был расстрелян в 1919 году, а Николай умер, вероятно, от тифа в 1920 году. Зато дочка Дарья жила в Москве и работала машинисткой у писательницы Мариетты Шагинян. Хорошая, должно быть, была машинистка, – плохую, неинтеллектуальную машинистку писатель на работу не наймёт.

36. НОЧЬ В ДРЕМОТНОЙ ПОЛУМГЛЕ

Мне нередко снится дремотная полумгла. Изогнутая подковой бесконечная скамья из отполированных широких плах, плеск арычной воды позади меня за скамьей. Необычайно толстые и высокие деревья где-то у верхушек своих протягивали ветви, как мохнатые лапы. И после адского здешнего пекла первые струйки прохлады оведали лицо

Я ехал в отпуск из Ашхабада, в Ташкенте была пересадка, и я решил посмотреть на бывший дворец великого человека хотя бы одним глазком. Но добрёл только до этой скамьи. Возле меня сидели девчата. Оказалось – фабричные, в общаге душно, будут

сидеть тут до утра. Сказал, чтобы разбудили с рассветом. Мой поезд уходит в семь, я погляжу на дворец, и – на поезд.

Я сразу отрубился. Очнулся от жаркого солнца. Вокруг – никого. На часах полседьмого. Искать такси? Чушь! Денег у солдата – крохи, зато есть привычка к марш-броскам.

Я прибежал к своему поезду, когда он уже отправлялся. Мокрый от пота, вскочил на подножку.

Сорвалась попытка побывать в ташкентском музее.

В армии я служил в Ашхабаде, увольнительные проводил у моего сослуживца Володьки Пьяноводова, а у того был отчим, старый возрастом, Никодим Иванович Пьяноводов. Казак, некогда служивший в Ташкенте у Великого Князя Николая Константиновича Романова. Его рассказы разожгли мой интерес.

Помню, в 1951 году в павильоне гарнизонного ДОСА фотографировал меня ашхабадский армянин. Он говорил:

– Подумать только, молодой человек и уже такая слава!

– Да какая же слава?

– В Ташкент едешь на смотр самодеятельности Туркестанского военного округа. Не каждому – честь. Как поэт выступать будешь. Твоя фотография будет висеть на стенде в Ташкенте, и здесь у нас в ДОСА тоже повесим. Реклама фотоателье. Красавец! Потом придёшь, тебе одну фотку подарю, которая похуже.

Группу наших самодеятельных артистов возглавлял пожилой замполит. Не давал выйти из вагона. И у проводника чаю не было.

Я ехал и думал про дворец Великого Князя Николая Константиновича. Может, в этот раз как-то удастся взглянуть на это легендарное здание.

В Ташкенте на вокзальной площади нас усадили в грузовики и доставили к тем зданиям, которые писатель Солженицын описал в своем романе «Раковый корпус». Группа скульптур у входа как бы громоздилась друг на друга. Дальше в аллеях были и одиночные скульптуры. Два здания были совершенно пусты, там не было ни столов, ни стульев, ни матрацев, только металлические кровати с простыми сетками, и от них шёл сбивающий с ног запах дезинфекции. Видно, клопов и вшей из казармы выживали.

– Ничего! – сказал сопровождающий, – вам тут не жить, будете всю ночь репетировать... – и исчез, как джин из бутылки.

Голова у меня гудела и не только от дезинфекции. Съехавшиеся со всего гигантского Туркестанского военного округа оркестранты принялись репетировать. Получалась ужасающая какофония. Каждый оркестр пытался заглушить все остальные. Я двинулся к выходу, у дверей стоял дневальный со штыком на поясе:

– Куда? Назад!

Окна были открыты настежь, но запах дуста забивал ноздри и легкие. Я дремал, свесив голову в окно.

Утром подогнали грузовики и повезли нас в Дом Советской Армии. Там велели ждать возле кулис. Удалось выпить тёплого лимонада. Я присел на корточки и задремал.

И вдруг услышал свою фамилию. Получив пинок под зад, вскочил. Услышал гневный голос замполита:

– Урод! Его номер, а он спит! Вернёмся – неделя ареста на воде и хлебе. Марш на сцену!

Постарался выйти пободрее. Глянул в зал и обомлел: первый и второй ряды – сплошь генералы! Я начал читать:

*Там сценою была автомашина,
Служил там декорациями сад.
Негромко: «Ой, Галина, ой, дивчина!» –
Солист на сцене пел для нас, солдат.
Арык вдали мурлыкал монотонно,
Дурманом пахла южная весна,
Тому певцу на крылышко погона
Присела величавая луна.
У парня был не очень сильный голос
Оркестр играл – кто в лес, кто по дрова,
Но у солиста сердце расколосось
На нежные печальные слова.
Он внёс тогда такое в будни наши,
Чего нам не хватало, может быть,
И повар плакал, обещая каши
Солисту завтра большие положить.*

И, когда я услышал громкие и долгие аплодисменты, понял: нет, не посадит меня замполит на гауптвахту, вон как генералы хлопают от души, улыбаются. Прочел ещё два стихотворения. Откланялся. Тоже хорошо похлопали.

Вышел во двор, присел на скамью под деревом. Лейтенант ко мне подсел:

– Я из газеты «Фрунзевец».

О! Это была всем газетам газета! Она выходила на весь туркестанский военный округ, дублировалась не то на семь, не то на восемь языков. Тираж был громадный, и гонорар – соответственно. Сотрудник «Фрунзевца» уговорил меня стать спецкором и сразу же выписал удостоверение. Я спросил, будут ли меня вызывать на какие-нибудь слёты спецкоров и как часто. Он ответил неопределенно.

Вернувшись в Ашхабад, аккуратно писал заметки во «Фрунзевец». Но в Ташкент меня всё не вызывали. При помощи русской горькой выжимал из казака Никодима Ивановича Пьяноводова всё новые эпизоды его службы у Великого Князя.

В архивах кое-что находил. В документах оставили след англичане, гулявшие когда-то по знакомым мне ашхабадским садам. Ашхабадские амбалы, случалось, ломали им кости, когда иноземцы пытались соблазнить местных красивеньких русских белошвеек.

В архиве находил имена и звания англичан, расстреливавших в этом местности людей. И не только имя всем известного Тига Джонса.

А, я призванный сюда в 1950 году, маленький русский солдатик-стройбатовец, выгружал лопатой цемент из вагона, и не было у меня не только респиратора, но даже платка. Легкие себе зацементировал. Но это было неважно, – я строил и, значит, продолжал дело Николая Константиновича. В Ашхабаде мне вместе с другими солдатами довелось разбирать развалины, оставшиеся после землетрясения 1948 года. Затем мы копали арыки, строили новые дворцы на проспекте Свободы. Я считал, что работаю во имя славы своей Державы.

В 1953 году демобилизовался, куда ехать, когда тут любой кустик ночевать пустит?

Поступил на вечерний факультет, а работать стал в молодежной газете. Жить устроился на писательской даче в поселке Фирюза, километрах в сорока от Ашхабада.

Однажды женщина с экзотическим именем Катизе Изетовна рассказывала отдыхающим: «У предводителя племени горцев-курдов было семь сыновей и одна дочь – Фирюза. Сыновья женились и отделились, хотя вождь просил их не делать этого. С отцом осталась лишь дочь. На племя напали враги. Тщетно призывал вождь сыновей. По совету жён, они оставались каждый со своей семьей. И только дочь защищала до конца своё племя. А когда враги одолели – бросилась со скалы и стала рекой. Вот платан и напоминает о том времени, когда братья были вместе...»

Все как-то грустнеют. Катизе Изетовна предлагает обхватить ствол платана руками. Один человек этого не сможет – обхватить ствол можно только впятером. Я запоминаю легенду, и характеристики славного платана. Знаю, на дачу будут приезжать иногородние писатели, буду их удивлять. Буду говорить, что сильными мы можем быть только вместе!

Ещё и ещё чаровало меня ущелье. Прежде была тут территория Ирана. Единственный проход через горы. Граница была «мягкой», условной – ходили туда-сюда свободно. После Великой Отечественной войны наши провели границу, как хотели, и закрыли её на замок.

Вот теперь-то я понял, зачем приезжал в Ашхабад шах Мохаммед Реза Пехлеви. Тогда я с фотокором Али Мирамовым получил специальный пропуск в аэропорт. Мы стояли в толпе встречающих. Из лайнера вышел красивый шах под руку с шахиней Сорейей в окружении тугих мужиков в генеральской форме.

Туркменский лидер сказал приветственную речь. Шах снял лёгкое пальто, передал Сорейе и пошёл к микрофону. Его мундир был усеян звездами. Она повесила пальто себе на согнутую левую руку, а в правой руке у неё был мундштук с длинной сигаретой. Она глубоко затягивалась сигаретным дымом, видимо, соскучившись по нему за время полёта. На ней был европейский костюм, кокетливый берет, чёрные очки. Странно было видеть иранскую женщину в таком наряде, да ещё курящей. Она ведь приехала из страны, где женщины закрывали лица, а мужчинам запрещалось растёгивать воротники рубах и засучивать рукава.

Мы знали, что шахиншах приехал просить вернуть Ирану Фирюзу. Соблюдая субординацию, обращался он к Верховному Совету Туркмении, но дело потом решалось в Москве. Фирюзу не отдали, где-то в другом месте прирезали Ирану соразмерный кусок земли.

Глядя на красавицу Сорейю, я, помнится, думал о том, что не зря она так раскрепощена. Наверняка, муж у неё под каблучком. Оказалось, что я точно определил ситуацию. Вскоре после этого визита в Иране был раскрыт заговор по свержению шаха. На престол предполагалось посадить брата Сорейи. Этого несчастного брата казнили, а Сорейя сумела удрать на самолёте за границу. И вскоре уже снималась, как киноактриса, в Италии.

Я был готов день и ночь ходить с записной книжкой и фотоаппаратом по Фирюзе – заросли платанов, грецкого ореха, персика, айвы, сливы, сливающаяся сплошными шатрами зелень. Шум стремительно мчащейся по гранитному ложу речки Фирюзинки. Голубоватые и зеленоватые скалы, ночами – крупные звёзды и яркая луна. В кустарниках шастают дикобразы. Говорят, что они стреляют своими иглами. Не видел. Скорее всего, они теряют иглы, как собаки шерсть. Линяют. Дикобразов ловят и едят, по вкусу – свинина.

Когда я отдыхал на веранде дачи, у моих ног ползали небольшие черепашки, а однажды в комнату ко мне забрался ёжик и принялся накалывать на свои иголки мои рукописи, которые я в творческом экстазе ронял на пол. Местные люди объяснили мне, что ёжик – не диверсант, он ничего не имеет против моих стихов, он просто готовит гнездо на случай холодов и принимает мои бумаги за крупные листья.

Мне приходилось ездить на работу за сорок километров. Автобусы ходили регулярно. Когда были деньги – брал такси. Чаще всего ездил в Ашхабад и обратно с богатыми туркменскими писателями на их личных машинах. Многие из них постоянно на даче не жили, но приезжали туда, чтобы вдалеке от жён выпить винца, поиграть в карты, а иногда и позаниматься чем-то таким, что в присутствии жён абсолютно невозможно.

Я собирал грецкие орехи. Сначала я проходил мимо ореховых деревьев совершенно равнодушно, потому что видел на ветвях в вышине только маленькие зелёные яблочки и не понимал мальчишек, которые длинными жердинами сбивали эти плоды. Но выяснилось, что так растут грецкие орехи. Они зелёные в клейкой кожуре, а под кожурой – чернота, из которой делали раньше чёрную краску. Надо их сбивать, собирать и сушить на солнышке. Верхняя кожура засохнет, легко снимется, и мы увидим тот самый грецкий орех, который продают на базаре.

На даче я нередко спал в саду, при порывах ветра шлёпали вокруг и по мне персики. Падалицы было полно.

Сторожиха старуха-казачка говорила:

– Почему не подбираю? А где сахару взять на варенье? Пенсия моя маленькая. А казак мой на ту сторону в революцию ускакал. Но вернётся. Он такой, сказал – сделает. Не знаю как, не знаю когда, но вернётся...

Она в это верила свято, несмотря ни на что. Дай Бог нам всем такую веру!

Несколько суток на нашей даче жил известный столичный прозаик, прославившийся книгой «Студенты». Я, может, глуп, я тогда не понял шума, поднятого вокруг его книги. Наверняка, там было что-то такое необыкновенное.

Писатель был кудрявый, интеллигентный, тихий, не гордый. Он приехал писать про Каракумский канал. Я спросил его, а слышал ли он о том, что первым идею строительства Каракумского канала подал Великий Князь Николай Константинович?

Он промычал нечто невразумительное. Князь в его схему, очевидно, не вписывался. Я водил писателя по пивным и

даже на танцы. Возвращались в ночи. Навстречу нам мчались пограничники-кавалеристы, придерживая лежащих поперек седел овчарок, те глухо рывкали. Всё это вихрем пролетало, исчезало во тьме. Тревога. Учебная или настоящая?

Рассказывал москвичу о быте туркмен. Держат кур, чтобы отпугивали ядовитых змей. Сам видел, как куры гоняли по двору кобру и заклевали её. Змея не может жалить сквозь перья. Боится она и овец, даже запаха овечьей шерсти, поэтому никогда не забирается на кошму.

Москвич съездил на стройку Каракумского канала. Вернулся мрачный. Он вообще был неразговорчив. Я всё же спросил о поездке. Он сказал, что придётся расторгнуть договор, не его ума дело – про канал писать.

После я понял его. Канал поначалу не получался. Его быстро заиливало, заносило песком. Не сразу учёные додумались завезти из Китая некую маленькую рыбку. Стоило этих рыбёшек развести в канале, и его стенки стали обрастать водорослями, которые скрепляли песок.

Ах, как давно всё это было! Я так и не увидел «Мраморную женщину».

И нередко зимними ночами в моём морозном сибирском городе мне снится изогнутая подковой бесконечная скамья из отполированных широких плах, плеск арычной воды позади меня за скамьей. Необычайно толстые и высокие деревья, где-то у верхушек своих протягивают ветви как мохнатые лапы. Как выяснилось, лежал я в ту ночь совсем неподалеку от дворца Великого Князя, неподалеку от «Мраморной женщины», а вот посмотреть воочию – не смог, времени не хватило.

Ко мне часто возвращается та давняя ночь. И хотя я знаю, что Великого Князя давно нет на свете, он разговаривает со мной об отваге и верности Родине плеском вырытых им арыков, шелестом листвы высаженных им деревьев.